

Бакунин Михаил. Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке

1987, источник: [здесь](#). Избранные философские сочинения и письма. М., "Мысль", 1987, с.344-445.

- [1. СИСТЕМА МИРА](#)
- [2. ЧЕЛОВЕК. РАЗУМ. ВОЛЯ](#)
- [3. ЖИВОТНОЕ СОСТОЯНИЕ. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ](#)
- [4. РЕЛИГИЯ](#)

- 5. ФИЛОСОФИЯ. НАУКА

1. СИСТЕМА МИРА

Здесь не место заниматься философскими спекуляциями о природе сущего. Но так как, однако, я вынужден часто употреблять слово Природа, я полагаю необходимым объяснить здесь, что я понимаю под этим словом. Я мог бы сказать, что Природа – это сумма всех действительно существующих вещей. Но это дало бы мне совершенно мертвое понятие об этой Природе, которая, напротив, представляется вся движением и вся в жизни. Впрочем, неясно, что такое сумма вещей. Вещи, ныне существующие, завтра существовать не будут, но завтра они не будут существовать не потому, что исчезнут, но потому, что окажутся полностью превращенными. Стало быть, я намного приблизился бы к истине, говоря, что природа – это сумма действительных превращений, которые непрерывно происходят и будут происходить в ее лоне; и для того, чтобы составить себе несколько более определенное представление о том, чем может быть эта сумма или эта тотальность, которую я называю природой, я сформулирую следующую теорему, которую, как мне кажется, можно принять за аксиому:

«Все, что есть, – существа, составляющие бесконечное целое мироздания, все вещи, существующие в мире, независимо от того, какова, впрочем, их общая природа как в отношении количества, так и в отношении качества, вещи, самые различные и самые сходные, большие и малые, близкие или очень отдаленные, – необходимо и бессознательно оказывает друг на друга непосредственно и прямо либо путем косвенных передач непрерывное действие и испытывает непрерывное противодействие; все это бесконечное количество особых действий и противодействий, совокупляясь в общее и единое движение, порождает и составляет то, что мы называем жизнью, мировой взаимосвязью и причинностью, природою. Для меня неважно, назовете вы это Богом, Абсолютом, если это вам нравится, лишь бы вы не придавали этому слову Бог иного смысла, нежели тот, который я только что уточнил: речь идет о мировой, естественной, необходимой и действительной, но ни в коем случае не о predetermined, заранее обдуманной, предусмотренной комбинации, о бесконечности особых действий и противодействий, которые непрерывно оказывают друг на друга все действительно существующие вещи. Таким образом определенная мировая взаимосвязь, Природа, рассматриваемая в смысле безграничного Мироздания, навязывается нашему уму как рациональная необходимость; но мы никогда не сможем охватить ее действительным образом, даже в своем воображении, и в еще меньшей степени можем ее распознать, ибо мы можем распознать только бесконечно малую часть Мироздания, которая проявляется при посредстве наших чувств. Что же касается всего остального, то мы его предполагаем, не имея даже возможности констатировать его действительное существование».

Разумеется, объясненная таким образом мировая взаимосвязь не может иметь характера абсолютной и первой причины; напротив, она – лишь равнодействующая*, постоянно порождаемая и заново воспроизводимая одновременным действием бесконечного числа частных причин, совокупность которых как раз составляет мировую причинность, сложное единство,

постоянно воспроизводимое неопределенной совокупностью бесконечных превращений всех существующих вещей и в одно и то же время порождающее все эти вещи; при этом каждая точка воздействует на целое (в этом состоит производный характер мироздания) и целое воздействует на каждую точку (в этом мироздание проявляет себя как производитель и творец).

* Так же как всякий человеческий индивид в любой данный момент своей жизни есть лишь равнодействующая всех причин, оказавших действие на его рождение и даже прежде его рождения, равнодействующая, которая совокупляется со всеми условиями его последующего развития, а также со всеми обстоятельствами, которые воздействуют на него в данный момент.

Дав такие объяснения, я могу теперь, не боясь никаких недоразумений, сказать, что Мировая причинность, Природа, творит отдельные миры. Именно она предопределила механическую, физическую, химическую, геологическую и географическую конфигурацию нашей Земли, и именно она, покрывши поверхность Земли всем великолепием растительной и животной жизни, продолжает творить и далее, теперь уже в человеческом мире, общество со всеми его прошлыми, настоящими и будущими проявлениями.

Когда человек начинает с настойчивым вниманием наблюдать и следить за той частью природы, которая его окружает и которую он обнаруживает в самом себе, он замечает, что все вещи подчинены законам, которые им присущи и которые в сущности и составляют их особую природу. Он замечает, что у каждой вещи есть определенный способ превращения и особого действия и что в этом превращении и в этом действии есть последовательность явлений и фактов, которые постоянно повторяются в одних и тех же данных обстоятельствах и которые под влиянием определенных новых обстоятельств изменяются также упорядоченным и определенным образом. Это постоянное воспроизведение тех же самых фактов теми же самыми способами и составляет в сущности законодательство природы: порядок в бесконечном многообразии явлений и фактов.

Сумма всех известных и неизвестных законов, которые действуют в мироздании, составляет ее единый и высший закон. Эти законы разделяются и подразделяются на законы общие и на законы особые и специальные. Законы математические, механические, физические и химические, например, составляют общие законы, которые проявляются во всем, что есть во всех вещах, имеющих действительное существование; это законы, которые, говоря одним словом, присущи материи, то есть действительно и единственно мировому Сущему, истинному субстрату всех существующих вещей. Я спешу добавить, что материя никогда и нигде не существует как субстрат, что никто не мог ее воспринимать в этой единой и отвлеченной форме, что она существует и может всегда и везде существовать только во много более конкретной форме, как материя более или менее разнообразная и определенная.

Законы равновесия, сочетания и взаимного действия сил или механического движения, законы тяготения, теплоты, электричества, вибрации тел, света, электричества, а также законы химического синтеза и анализа непременно присущи всем существующим вещам, не исключая ни в коем случае различных проявлений чувства воли и ума. Эти три вещи,

которые составляют в сущности идеальный мир человека, суть лишь абсолютно материальное действие организованной и живой материи в теле животного вообще и в теле человеческого животного в частности*. Следовательно, все эти законы суть общие законы, которым подчинены все известные и неизвестные порядки действительного существования в мире.

* Я, естественно, говорю об уме, о воле и о чувствах, которые мы познаем, о тех только, которые мы можем познать: об уме, воле и чувствах животного и человека, который – из всех животных на земле – является – с общей точки зрения, а не под углом зрения каждой отдельной способности – несомненно наиболее совершенным. Что касается сверхчеловеческого и сверхмирового ума, сверхчеловеческой и сверхмировой воли, сверхчеловеческих и сверхмировых чувств Верховного Существа, о которых нам говорят теологи и метафизики, то я должен здесь признаться в своем неведении, так как я их никогда не встречал, и никто, насколько я знаю, не вступал с ними в прямые отношения. Но если мы будем судить о них по тому, что о них рассказывают эти господа, этот ум настолько бессвязен и туп, а эта воля и эти чувства настолько извращены, что о них стоит беспокоиться лишь для того, чтобы установить все зло, которое они, как предполагается, совершили на земле. Для того чтобы доказать неперемное и прямое действие механических, физических и химических законов на идеальные способности человека, я ограничусь тем, что задам следующий вопрос: что станет с наиболее возвышенными комбинациями разума, если в момент, когда человек постигает их, разложится один лишь воздух, которым он дышит, или остановится движение Земли или если человек неожиданно окажется при температуре шестьдесят градусов выше или ниже нуля?

Но есть особые законы, которые свойственны только некоторым особым порядкам явлений, фактов и вещей и которые образуют между собой отдельные системы или группы: таковы, например, система геологических законов, система законов растительного мира, система законов животного мира, наконец, законы, которые направляют идейное и социальное развитие самого совершенного животного на земле – человека. Нельзя сказать, что законы, относящиеся к одной из этих систем, непременно чужды законам, которые образуют другие системы. В природе все связано гораздо более тесно, чем об этом думают вообще и чем это хотели бы, может быть, видеть педанты науки в интересах большей точности в их классификационной работе. Но можно, однако, сказать, что какая-то система законов гораздо больше относится к такому-то порядку вещей и фактов, нежели к другому, и что, если (при соблюдении последовательности, в которой я представил законы) законы, которые доминируют в предыдущей системе, продолжают проявлять свое действие в явлениях и вещах, относящихся ко всем последующим системам, не существует обратного действия законов последующих систем на вещи и факты систем предшествующих. Следовательно, закон прогресса, который составляет существенную черту социального развития человеческого вида, совсем не проявляется в исключительно животной жизни и еще менее – в жизни исключительно растительной, тогда как все законы растительного мира и животного мира встречаются несомненно в измененном новыми обстоятельствами виде в человеческом мире.

Наконец, следует сказать, что в пределах этих больших категорий вещей, явлений и фактов, а также в пределах законов, которые им, в частности, присущи, есть классы и подклассы,

демонстрирующие нам те же самые законы, которые все более партикуляризуются и специализируются, сопровождая, если можно так сказать, все более и более определенную специализацию, которая становится все более и более узкой, по мере того как она все более определяется самими существами.

Для того чтобы установить все эти общие, особенные и специальные законы, у человека нет другого средства, кроме внимательного и точного наблюдения явлений и фактов, которые происходят как вне его, так и в нем самом. Он отличает здесь то, что является случайным и изменяющимся, от того, что всегда и везде воспроизводится неизменно. Неизменный способ, посредством которого постоянно воспроизводится будь то внешнее или внутреннее естественное явление, неизменная последовательность фактов, которая его образует, составляют как раз то, что мы называем законом данного явления. Это постоянство и эта повторяемость не являются, однако, безусловными. Они всегда образуют широкое поле для того, что мы неправильно называем аномалиями и исключениями. Этот способ выражения весьма неточен, так как факты, к которым такой способ выражения относится, доказывают лишь то, что признаваемые нами в качестве естественных законов общие правила, будучи всего лишь отвлечениями нашего ума от действительного развития вещей, не в состоянии охватить, исчерпать, объяснить все бесконечное богатство этого развития.

Образует ли это множество столь различных законов, которые наша наука подразделяет на разные категории, одну органическую и мировую систему – систему, в которой эти законы связаны друг с другом так же хорошо, как и существа, превращения и развитие которых они обнаруживают? Очень вероятно. Но то, что более чем вероятно, что является достоверным, так это факт, что мы никогда не сможем подойти не только к тому, чтобы понять, но даже только схватить эту уникальную и действительную систему природы, систему бесконечно обширную, с одной стороны, бесконечно специализированную – с другой. Изучая таким образом эту систему, мы остановимся на двух бесконечностях: на бесконечно большом и на бесконечно малом.

Их частности неисчерпаемы. Человеку всегда будет дано познать об этом лишь бесконечно малую часть. Наше звездное небо, со множеством солнц, представляет собой только неуловимую точку в безмерном пространстве, и, хотя мы охватываем его взглядом, мы не знаем о нем почти ничего. Следовательно, мы вынуждены удовлетвориться тем, что познаем лишь немного нашу солнечную систему, относительно которой мы должны полагать, что она находится в полной гармонии со всем остальным Мирозданием, так как, если бы такой гармонии не существовало, то она должна была бы установиться, или наша солнечная система должна была бы погибнуть. Мы уже познаем достаточно хорошо эту солнечную систему в механическом отношении, мы начинаем уже ее немного познавать в отношении физическом, химическом и даже геологическом. Нашему знанию далеко за эти пределы пойти трудно. Если мы хотим более конкретного знания, мы должны остановиться на нашем земном шаре. Мы знаем, что он родился во времени, и мы полагаем, что он – неизвестно через какое бесконечное число веков или миллионов веков – будет обречен на гибель, как рождается, или погибает, или же превращается все, что есть.

Как наш земной шар, представляя собой первоначально пылающую и газообразную материю, уплотнился и охладел; через какое огромное множество геологических эволюции

он должен был пройти, прежде чем появилась возможность возникновения на его поверхности всего бесконечного богатства органической, растительной и животной жизни, начиная с простой клетки и кончая человеком; как земной шар проявился и продолжает проявляться в нашем историческом и социальном мире; какова цель, к которой мы идем, побуждаемые тем "высшим и фатальным законом бесконечного превращения, который в человеческом обществе называется прогрессом, – вот единственные вопросы, которые нам доступны, вопросы, которые могут и должны быть действительно охвачены, изучены и решены человеком. Будучи лишь неуловимым моментом в безграничном и неопределенном вопросе о Мироздании, эти человеческие и земные вопросы открывают тем не менее нашему уму действительно-бесконечный мир, не в божественном, то есть отвлеченном, смысле этого слова, не как Верховное Существо, созданное религиозным отвлечением, напротив, мир бесконечный в богатстве своих частных, никакое наблюдение которых, никакое знание которых никогда не смогут исчерпать.

Для того чтобы познать этот мир, наш бесконечный мир, одного отвлечения недостаточно. Полагаясь на само себя, такое отвлечение приведет нас неминуемо к Верховному Существо, к Богу, к Ничто, как оно уже это совершило в истории и что я вскоре объясню. Продолжая применять способность отвлечения, без которой мы не смогли бы никогда ни подняться от низшего порядка вещей к высшему порядку вещей, ни, следовательно, понять естественную иерархию существ, нужно, чтобы: наш ум в одно и то же время погрузился с уважением и любовью в тщательное изучение частных и бесконечно малого, без чего мы никогда не сможем постичь живую действительность существ. Следовательно, только соединяя эти две способности, эти два столь различных по видимости действия ума: отвлечение и скрупулезный, внимательный и терпеливый анализ: частных, мы сможем возвыситься до действительной концепции нашего мира. Очевидно, что если наше чувство и наше воображение могут дать нам лишь образ, более или менее ложное представление о мире, только знание сможет дать нам о нем представление ясное и точное.

Что же представляет собой настоящая любознательность, которая побуждает человека распознавать окружающий его мир, домогаться с неукротимой страстью тайн этой природы, одной из которых является сам человек – последнее и наиболее совершенное творение на этой земле? Является ли эта любознательность простой роскошью, приятным времяпрепровождением, или это одна из основных потребностей, присущих его бытию? Без колебания скажу, что из всех потребностей, которые составляют природу человека, это – самая человеческая потребность, что человек различается действительно от животных всех других видов лишь неутолимой жадью знания, что он становится действительно и полностью человеком только посредством пробуждения и поступательного удовлетворения этой огромной жажды знания. Для того чтобы осуществить себя в полноте своего бытия, человек должен познать самого себя, но он познает себя полностью и действительно лишь постольку, поскольку он познает окружающую его природу, продуктом которой он является. Следовательно, если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать, он должен пронизать своей мыслью весь действительный мир, и, не надеясь когда-либо постичь сущность, он должен все более и более глубоко постигать координацию в этом действительном мире и его законы, так как такова цена его человечности. Ему необходимо распознать все сферы, стоящие ниже его, предшествующие ему и сопутствующие ему, всю механическую, физическую, геологическую, растительную и животную эволюцию, то есть

все причины и все условия его собственного рождения, его существования и развития; это необходимо для того, чтобы он смог понять свою собственную природу и свое назначение на земле, свою родину и свое единственное место деятельности; для того, чтобы в этом мире слепой фатальности он смог открыть свой человеческий мир, мир свободы.

Такова задача человека: она неисчерпаема, она бесконечна, и вполне достаточна для того, чтобы удовлетворить чаяния самых горячих и самых честолюбивых умов и сердец. Будучи существом эфемерным и незаметным, затерявшимся в безбрежном океане мировых превращений, перед неведомой вечностью за собой и безграничной вечностью перед собой, человек мыслящий, человек активный, человек, сознающий свое человеческое предназначение, остается спокойным и гордым в ощущении своей свободы, которую он завоевывает, освобождая самого себя посредством труда, посредством знания и освобождая (бунтуя в случае надобности) всех окружающих людей, себе подобных, своих братьев. Если после всего этого вы спросите человека, какова его самая сокровенная мысль, каково его последнее слово о действительном единстве Мироздания, он скажет вам, что это – вечное превращение, бесконечное в частностях и многообразное движение и по этой даже причине самоупорядоченное, но не имеющее тем не менее ни начала, ни границ, ни конца. Следовательно, это – абсолютная противоположность Провидения: отрицание Бога.

Ясно, что в так понимаемом Мироздании не может быть речи ни о предшествующих ему идеях, ни о предвзятых и предустановленных законах. Идеи, включая идею Бога, существуют на земле лишь постольку, поскольку они порождены мозгом. Отсюда видно, что идеи возникают намного позже, нежели естественные факты, намного позже, нежели законы, которые управляют этими фактами. Они верны, когда соответствуют этим законам, они ложны, когда они им противны. Что касается законов природы, то они проявляются в идеальной или отвлеченной форме закона лишь для человеческого разума, когда, воспроизведенные нашим мозгом на основе более или менее точных наблюдений за вещами, явлениями и последовательностью фактов, они принимают форму квазиспонтанных человеческих идей. До рождения человеческого мышления никто не познавал законы как законы, и они существовали лишь в состоянии действительных способов природы, способов, которые, как я только что сказал выше, всегда детерминированы неопределенным стечением регулярно повторяющихся особых условий, влияний и причин. Следовательно, слово природа исключает всякую мистическую или метафизическую идею субстанции, конечной причины или провиденциально согласованного и направленного творения.

Но могут сказать, что, раз в природе существует порядок, там непременно должен быть распорядитель. Отнюдь нет. Распорядитель, будь им Бог, мог бы своим личным произволом лишь только задержать, стеснить естественный распорядок и логическое развитие вещей; и мы хорошо знаем, что основное свойство богов всех религий – это быть именно верховными существами, то есть противными любой естественной логике и признавать только одну логику: логику абсурда и беззакония. Ведь что такое логика, как не естественное развитие вещей, или естественный способ, посредством которого множество детерминирующих причин, присущих этим вещам, порождают новые факты?*. Следовательно, я позволю себе сформулировать очень простую и в то же время решающую аксиому:

* Сказать, что Бог не противен логике, – значит утверждать, что во всем объеме его существования он – полностью логичен; что в нем нет ничего, что было бы выше или, что одно и то же вне логики; что сам он, следовательно, есть не что иное, как логика, не что иное, как поток и естественное развитие действительных вещей; это значит сказать, что Бог не существует. Следовательно, существование Бога не может иметь иного значения, нежели значение отрицания естественных законов; отсюда следует неизбежная дилемма: Бог есть, следовательно, нет естественных законов, в природе нет порядка, мир представляет хаос; или же: мир упорядочен сам по себе, следовательно, Бог не существует.

Все, что естественно, – логично, а все, что логично, оказывается уже или осуществленным, или должно быть осуществлено в естественном мире, включая мир социальный*. Но если законы мира естественного и мира социального** никем не созданы и никем не упорядочены, то почему и как они существуют? Что придает им неизменный характер? Вот вопрос, который я не в силах решить и на который, насколько я знаю, никто не нашел и, несомненно, никогда не найдет ответа. Я ошибаюсь: теологи и метафизики пытались ответить на него, выдвинув гипотезу верховной первопричины, Божества, творящего миры, или по крайней мере, как говорят метафизики-пантеисты, гипотезу о божественной душе или о безусловной мысли, воплощенной в мироздании и проявляющейся посредством движения и жизни всех существ, которые рождаются и умирают в ее лоне. Ни одна из этих гипотез не выдерживает ни малейшей критики. Мне было легко доказать, что гипотеза Бога, творца естественных и общественных законов, содержит в самой себе полное отрицание этих законов и делает самое их существование, то есть их осуществление и их действительность, невозможным; что Бог, как распорядитель в мире, должен был непременно вызвать анархию, хаос; что, следовательно, одно из двух: или Бог, или законы природы – не существуют; но так как мы несомненно знаем из каждодневного опыта и из науки, которая есть не что иное, как систематизированный опыт веков, что эти законы существуют, мы должны отсюда сделать вывод, что Бог не существует.

* Отсюда отнюдь не следует, что все, что логично или естественно, является, с человеческой точки зрения, непременно полезным, хорошим или справедливым. Великие естественные катастрофы: землетрясения, извержения вулканов, наводнения, бури, заразные болезни, которые опустошают и разрушают целые города и села, представляют собой несомненно естественные факты, логически порожденные стечением естественных причин; но никто не скажет, что они благотворны для человечества. Так же обстоит дело с фактами, совершающимися в истории: самые отвратительные так называемые божественные и человеческие институты; все прошлые и настоящие преступления вождей, этих так называемых благодетелей и опекунов нашего бедного человеческого рода, безнадежная тупость народов, подчиняющихся их игу; нынешние подвиги Наполеонов III, Бисмарков, Александров III и многих других суверенов или политических и военных деятелей Европы; невероятная подлость буржуазии всех стран, которая их одобряет и поддерживает, ненавидя их до глубины души; все это представляет ряд естественных фактов, порожденных естественными причинами, и, следовательно, фактов очень логичных, что не мешает им быть исключительно пагубными для человечества.

** Я следую принятому употреблению, отделяя некоторым образом мир социальный от мира естественного. Но очевидно, что человеческое общество, рассматриваемое во всем объеме и

во всей длительности его исторического развития, также является естественным и также полностью подчиненным всем законам природы, законам животного и растительного мира, например, последним и высшим выражением которого на земле оно является.

Углубляя смысл слов естественные законы, мы найдем, следовательно, что они безусловно исключают идею и даже возможность творца, распорядителя и законодателя, так как идея законодателя в свою очередь так же безусловно исключает идею присущности законов вещам; раз закон не присущ вещам, которыми он управляет, он непременно есть по отношению к этим вещам законом произвольным, то есть основывающимся не на собственной природе, но на мышлении или воле законодателя.

Следовательно, все законы, которые проистекают от законодателя, будь то человеческого, божественного, индивидуального или коллективного, даже если он избран всеобщим голосованием, суть законы деспотические, непременно чуждые и враждебные людям и вещам, которыми они должны управлять: это – не законы, а декреты, которым повинуются не по внутренней потребности и естественному стремлению, но потому, что принуждены к тому внешней силой – либо божественной, либо человеческой; это – произвольные решения, которым социальное, скорее бессознательное, нежели сознательное, лицемерие произвольно присваивает имя закона.

Закон является действительно естественным законом лишь тогда, когда он безусловно присущ вещам, которые проявляют его нашему уму; лишь тогда, когда он составляет их свойство, их более или менее определенную собственную природу, а не мировую и отвлеченную природу некой божественной субстанции или абсолютного мышления, причем субстанция и мышление являются непременно надмировыми и сверхъестественными и иллогичными, так как, если бы они не были таковыми, они самоуничтожились бы в действительности и в естественной логике вещей. Естественные законы – это более или менее особые естественные и действительные способы, посредством которых существуют все вещи, а с теоретической точки зрения они суть единственно возможное объяснение вещей. Значит, тот, кто хочет их понять, должен отказаться раз и навсегда и от личного Бога теологов, и от безличного Божества метафизиков.

Но из того, что мы можем с полной уверенностью отрицать существование божественного законодателя, отнюдь не следует, что мы можем отдать себе отчет в том, каким образом в мире установились естественные и общественные законы. Они существуют, они неотделимы от действительного мира, от совокупности вещей и фактов, порождениями и следствиями которых являемся мы сами, с тем чтобы также стать в свою очередь причинами – но относительными – новых существ, новых вещей и новых фактов. Вот все, что мы знаем, и, я думаю, все, что мы можем знать. Впрочем, как же мы могли бы найти первопричину, когда она не существует? То, что мы назвали мировой Причинностью, сама есть Равнодействующая всех частных причин, действующих в Мироздании. Спрашивать, почему существуют естественные законы, не означало ли бы это то же самое, что спрашивать, почему существует это Мироздание, вне которого ничего нет, или спрашивать, почему есть Бог? Это абсурд.

2. ЧЕЛОВЕК. РАЗУМ. ВОЛЯ

Как я уже сказал, подчиняясь законам природы, человек ни в коей мере не раб, так как он подчиняется только тем законам, которые присущи его собственной природе, тем же условиям, посредством которых он существует и которые составляют все его существо: подчиняясь им, он подчиняется самому себе.

Однако в лоне самой этой природы существует рабство, от которого человек обязан освободиться, если не хочет отказаться от своей человечности, – это рабство естественного мира, который его окружает и который обычно называют внешней природой. Это совокупность вещей, явлений и живых существ, неотступно преследующих и постоянно окружающих его со всех сторон, без которых и вне которых он, правда, не мог бы прожить ни минуты, но которые тем не менее, как кажется, плетут против него заговор, так что в любой момент своей жизни он вынужден защищать от них свое существование. Человек не может обойтись без этого внешнего мира, так как он может жить только в нем и может питаться только за его счет; и в то же самое время он должен его остерегаться, так как этот мир, как кажется, всегда стремится в свою очередь пожрать его.

Рассматриваемый с такой точки зрения естественный мир представляет нам губительную и кровавую картину ожесточенной и непрерывной борьбы, борьбы за жизнь. Не только человек вынужден бороться: все животные, все живые существа, да что там говорить, – все существующие вещи, несущие в себе, как и человек, хотя и более или менее видимым образом, зародыш своего собственного разрушения, или, если можно так сказать, своего собственного врага – ту самую естественную фатальность, которая их порождает и вместе с тем сохраняет и разрушает, – все они борются против него, причем каждая категория вещей, каждая растительная и животная разновидность живет только тем, что уничтожает все остальные; одно пожирает другое таким образом, что, как я уже сказал в другом месте¹, «естественный мир может рассматриваться как кровавая бойня, как мрачная трагедия, порождаемая голодом. Он представляет собой постоянное поле беспощадной и непрестанной борьбы. Мы не должны задаваться вопросом, почему так происходит, и мы ни в коей мере не несем за это ответственности. Мы находим этот установленный порядок вещей, когда рождаемся на свет. Это наш естественный отправной пункт, и мы не должны делать ничего иного, кроме как устанавливать этот факт и убеждаться в том, что с тех пор, как мир существует, всегда было так и что, по всей вероятности, в животном мире по-иному не будет. Гармония устанавливается здесь борьбой: триумфом одних, поражением и смертью других, страданием всех... Мы не говорим вместе с христианами, что земля – это долина скорби; есть также и удовольствия, иначе живые существа не держались бы так за жизнь. Но мы должны согласиться с тем, что Природа совсем не такая нежная мать, как говорят, и что для того, чтобы жить, чтобы сохранять себя в ее лоне, эти существа нуждаются в особой энергии. Ибо в естественном мире живут сильные, а слабые погибают, и первые живут только потому, что погибают другие*. Таков верховный закон животного мира. Возможно ли, чтобы этот фатальный закон был также законом человеческого и

социального мира?»

* [Те, кто признает существование Бога-творца, не подозревают, какой сомнительный комплимент они делают ему, представляя его как творца этого мира. Как! Всемогущий, всемудрый, всеблагий бог не смог бы сотворить ничего другого, как подобный мир, это страшилище?

Правда, у теологов есть превосходный аргумент для того, чтобы объяснить это возмутительное противоречие. Мир был создан совершенным, говорят они; сначала в нем царила абсолютная гармония, пока человек не согрешил, и разгневанный на него Бог проклял человека и мир.

Это объяснение тем более поучительно, что оно полно нелепостей, а, как известно, в абсурде и состоит вся сила теологов. Всякая религия есть не что иное, как обожествление абсурда.

Итак, совершенный Бог сотворил совершенный мир, но вот это совершенство резко снижается и может навлечь на себя проклятие своего творца; будучи сначала абсолютным совершенством, мир становится абсолютным несовершенством. Как совершенство могло стать несовершенством? На это ответят, что так случилось потому, что мир, хотя и совершенный в момент творения, не был тем не менее абсолютным совершенством, ибо только Бог был абсолютным, совершенным в высшей степени. А мир был совершенен лишь относительно и в сравнении с тем, каков он теперь. Но зачем тогда употреблять слово «совершенство», которое совсем не подходит к относительному? Разве совершенство не является непременно абсолютным? Скажите же тогда, что Бог сотворил мир несовершенным, но лучшим, чем мир, который мы видим теперь. Но если он был только лучше нынешнего мира, если он был уже несовершенным в момент творения, он не представлял той гармонии и того абсолютного мира, рассказами о которых господа теологи прожужжали нам уши. И в таком случае мы их спросим: если вы говорите, что »бог создал все, разве не следует судить о нем по его творению, как рабочего по его работе? Творец несовершенной вещи непременно несовершенный творец; если мир был создан несовершенным, то Бог, его творец, непременно несовершенен. Ибо тот факт, что он создал несовершенный мир, не может быть объяснен только его неразумностью, или его немощью, или его злобой.

Но, скажут, мир был совершенным, но только он был менее совершенным, чем Бог. На это я отвечу, что когда речь идет о совершенстве, то нельзя говорить о большем или меньшем совершенстве; совершенство – полно, всецело, абсолютно, или же оно не существует. Следовательно, если мир был менее совершенен, чем Бог, мир был несовершенным; отсюда следует, что Бог, творец несовершенного мира, сам был несовершенным, что он остается несовершенным, что он никогда не был Богом, что Бог не существует.

Для того чтобы спасти существование Бога, господа теологи будут, следовательно, вынуждены согласиться со мной, что созданный им мир был совершенным при творении. Но тогда я задам им два маленьких вопроса. Если, во-первых, мир был совершенным, то как два совершенства могли существовать вне друг друга? Совершенство может быть лишь

единственным в своем роде; оно не терпит дуализма, так как в дуализме одно ограничивает другое и делает его непременно несовершенным. Следовательно, если мир был совершенным, то не было Бога ни над миром, ни также вне его – сам мир был Богом. Второй вопрос. Если мир был совершенным, то каким образом он мог прийти в упадок? Хорошенькое совершенство, если оно может исказиться и исчезнуть! И если признать, что совершенство может прийти в упадок, значит. Бог также может прийти в упадок! Это значит, что Бог существовал, конечно, в воображении верующих людей, но человеческий разум, все более и более торжествующий в истории, его ниспровергает.

Наконец, какой он странный, этот Бог христиан! Он сотворил человека таким образом, чтобы он мог, чтобы он должен был согрешить и пасть. Обладая в числе своих бесчисленных атрибутов всезнанием. Бог не мог не знать, что творит человека, который падет; и раз Бог это знал, человек должен был пасть; в противном случае он дерзко уличил бы во лжи божественное всезнание. Тогда зачем говорят о человеческой свободе? Здесь была фатальность! Повинуясь этому фатальному влечению, – впрочем, самый простодушный отец семейства должен был бы на месте господина Бога это предвидеть – человек падает – и вот божественное совершенство впадает в ужасный гнев, в гнев столь же смешной, сколь отвратительный; Бог проклинает не только тех, кто преступил его закон, но и все человеческое потомство в то время, когда оно еще и не существовало и, следовательно, было абсолютно невинно в грехе наших прародителей; и, не удовлетворившись этой возмутительной несправедливостью, он еще проклинает тот ни в чем не повинный гармоничный мир, который был здесь ни при чем, и превращает его во вместилище преступлений и ужасов, в постоянную бойню. Затем, оставаясь рабом своего собственного гнева и проклятия, изреченного им против людей о мире, против своего собственного творения, что делает он, вспомнив чуть позднее, что он был Богом любви? Ему недостаточно, что он своим гневом наполнил кровью мир; этот кровавый Бог проливает еще кровь своего единственного Сына; он жертвует им под предлогом примирения мира со своим божественным Величеством! И если бы еще это удалось! Но нет, естественный и человеческий мир остается так же раздираемым и окровавленным, как и до этого чудовищного искупления. Отсюда явно следует, что Бог христиан, как и все предшествующие ему боги, есть Бог столь же бессильный, сколь и жестокий, столь же нелеп, сколь и зол.

И подобные нелепости хотят навязать нашей свободе, нашему разуму! И посредством подобных чудовищных вещей стремятся нравственно, морально воспитать, гуманизировать людей! Пусть господа теологи наберутся смелости открыто отказаться от человечности, как и от разума. Недостаточно сказать вместе с Тертуллианом: «Credo quia absurdum – верю во все, что абсурд»; пусть они еще постараются навязать, если могут, нам свое христианство кнутом, как всероссийский царь, кострами, как Кальвин, Святой Инквизицией, как добропорядочные католики, насилиями, пытками и смертью, как это хотели бы также сделать священники всевозможных религий. Пусть они испытают все эти прекрасные средства, но пусть не надеются, что восторжествуют когда-нибудь другим способом.

Что касается нас, то оставим раз и навсегда эти божественные нелепости и ужасы тем, кто безумно верит в возможность еще долго эксплуатировать во имя их народ, трудящиеся массы.]

Увы! Как индивидуальная, так и социальная жизнь человека первоначально представляет собой лишь самое непосредственное продолжение животной жизни. Она есть не что иное, как та же самая животная жизнь, только осложненная новым элементом: способностью мыслить и говорить.

Человек – не единственное умное животное на земле. Более того, сравнительная психология доказывает, что не существует животного, которое бы было совершенно лишено разума, и что, чем более вид по своей организации и особенно по развитию мозга приближается к человеку, тем больше развивается и возвышается его разум. Но только в человеке он достигает того, что называют, собственно говоря, способностью мыслить, то есть сравнивать, разделять и сочетать между собой представления как о внешних, так и о внутренних предметах, которые даны нам нашими чувствами, сочетать их в группы; затем сравнивать и сочетать между собой эти группы, которые уже не являются более ни действительными существами, ни представлениями о предметах, постигаемых нашими чувствами, но отвлеченными понятиями, которые образованы и классифицированы работой нашего разума и которые, будучи удержанными нашей памятью, другой способностью мозга, становятся отправным пунктом или основанием тех выводов, которые мы называем идеями*. Все эти действия нашего мозга были бы невозможны, если бы человек не обладал другой дополнительной и неотделимой от способности мыслить способностью – способностью соединять и фиксировать вплоть до самых тонких и самых сложных вариаций и модификаций, если можно так выразиться, все эти операции ума, все эти материальные действия мозга внешними знаками; если бы, говоря одним словом, человек не обладал способностью говорить. У всех других животных также есть язык, – кто в этом сомневается? – но так же как их разум никогда не поднимается выше материальных представлений или, самое большее, выше самого элементарного сравнения или сочетания друг с другом этих представлений, так же их язык, лишенный организации и не способный проявляться, выражает только ощущения или материальные понятия, но никогда не выражает идеи. Следовательно, я могу сказать, не боясь оказаться опровергнутым, что из всех животных на земле только человек мыслит и говорит.

* Надо было обладать большой дозой теологической и метафизической экстравагантности, чтобы представить себе живую нематериальную душу, заключенную в совершенно материальное тело, тогда как совершенно ясно, что только то, что материально, может заключаться, ограничиваться, содержаться в материальной тюрьме. Надо было обладать твердой верой Тертуллиана, проявившейся в столь знаменитом лозунге: Верю во все, что абсурдно!, чтобы допустить две столь несовместимые вещи – мнимую нематериальность души и ее непосредственную зависимость от материальных изменений, патологических явлений, происходящих в теле человека. Для нас, кто не может верить в абсурд и кто совершенно не предрасположен к обожанию абсурда, человеческая душа – вся эта совокупность аффективных, интеллектуальных и волевых способностей, которые образуют идеальный или духовный мир человека, – есть не что иное, как лишь последнее и самое высшее выражение его животной жизни, совершенно материальных функций совершенно материального органа – мозга. Способность мыслить как формальная потенция, ее степень и ее особая, если можно так сказать, индивидуальная в каждом человеке природа – все это зависит прежде всего от более или менее удачного строения его мозга. Но в дальнейшем эта способность упрочивается здоровьем тела прежде всего, правильной гигиеной и

хорошим питанием; затем она развивается и крепнет посредством рациональных упражнений, воспитания, образования, применения правильных научных методов, так же как сила и мускульная сноровка человека развиваются гимнастикой.

Природа, поддерживаемая главным образом порочной организацией общества, порождает иногда, к несчастью, идиотов, очень тупых человеческих индивидов. Иногда она порождает также гениальных людей. Но как те, так и другие суть всего лишь исключения. Огромное большинство человеческих индивидов рождаются равными или примерно равными: несомненно, не одинаковыми, но равноценными в том смысле, что в каждом из них недостатки и достоинства приблизительно компенсируют друг друга так, что если рассматривать их в совокупности, то один человек оказывается равноценным другому. Только воспитание порождает огромные различия, которые нас ныне приводят в отчаяние. Отсюда я заключаю, что для того, чтобы установить равенство людей, необходимо непременно установить его в воспитании детей.

[До сих пор я говорил только о формальной способности постигать мысли. Что касается самих мыслей, которые составляют суть нашего умственного мира и которые метафизики рассматривают как спонтанные и чистые творения нашего ума, то следует сказать, что по своему происхождению они суть не что иное, как простые, сначала, естественно, очень несовершенные, установления естественных и социальных фактов, а также еще менее разумные выводы из этих фактов. Таким было начало всех человеческих представлений, воображений, галлюцинаций и идей, откуда видно, что содержание нашего мышления, будучи далеким от того, чтобы выступать, как сотворенное, совершенно спонтанным действием врожденного ума или врожденного сущего, как это утверждают еще сегодня метафизики, дано нам было с самого начала миром действительных как внешних, так и внутренних вещей и фактов. Ум человека, то есть работа, или действительная деятельность его мозга, вызванная ощущениями, которые передают ему нервы, привносит сюда только совершенно формальное действие, состоящее в том, чтобы сравнивать и сочетать эти вещи и факты в верные или ложные системы: верные, если они соответствуют действительному порядку, присущему вещам и фактам; ложные, если они ему противны. Выработанные таким образом идеи уточняются и фиксируются посредством слова в уме человека и передаются от одного человека к другому так, что индивидуальные понятия о вещах, индивидуальные идеи каждого, встречаясь друг с другом, контролируя друг друга и взаимно изменяясь, а затем смешиваясь, соединяясь друг с другом в одной системе, приходят к формированию общего самосознания, или более или менее распространенного коллективного мышления общества людей – мышления, которое постоянно изменяется и продвигается вперед новыми трудами каждого индивида; эта совокупность представлений и мыслей, передаваемая традицией от одного поколения к другому, еще больше обогащаемая и распространяемая коллективной работой веков, образует в каждую историческую эпоху в более или менее пространной социальной среде коллективное достояние всех индивидов, составляющих эту среду.

Каждое новое поколение находит в своей колыбели мир идей, представлений и чувств, которые переданы ему в форме общего наследия умственной и нравственной работой всех прошлых поколений. Сначала этот мир не представляется новорожденному в его идеальной форме как система представлений и идей, как религия, как доктрина; ребенок был бы

неспособен воспринять его в такой форме; этот мир навязывается новорожденному как мир фактов, воплощенный и осуществленный в окружающих его лицах и вещах и воздействующий на его чувства посредством того, что он понимает, и того, что он видит с первых дней после своего рождения, ибо человеческие идеи и представления, которые первоначально суть лишь произведения естественных и социальных фактов – в том смысле, что сначала они были лишь отзвуком или рефлексией в мозгу человека и, если можно так выразиться, идеальным и более или менее разумным воспроизведением этим совершенно материальным органом человеческой мысли, – приобретают позднее, после того как они вполне оформились в коллективном самосознании какого-либо общества, причем способом, который я только что объяснил, способность в свою очередь становиться производительными причинами новых, не естественных, собственно, но социальных фактов. Они изменяют человеческое существование, человеческие привычки и учреждения – одним словом, все отношения, которые существуют между людьми в обществе, и, воплотившись в самые обычные факты и вещи жизни каждого, они становятся ощутимыми и очевидными для всех, даже для детей. Таким образом, каждое новое поколение проникается ими с самого раннего своего детства; а с достижением зрелого возраста, когда начинается настоящая работа его собственной мысли, мысли закаленной, натренированной и непременно сопровождаемой новой критикой, это поколение находит как в самом себе, так и в окружающем его обществе целый мир установившихся мыслей и представлений, которые служат ему отправным пунктом и дают ему своего рода ткань или первичный материал для его собственной нравственной и умственной работы. В их числе есть традиционные и общие представления, которые метафизики ложно называют врожденными идеями, будучи введенными в заблуждение тем совершенно неосязаемым и невоспринимаемым способом, которым они, придя извне, проникают в мозг детей и запечатлеваются в нем еще до того, как дети доходят до самосознания.

Но наряду с этими общими идеями, такими, как идея Бога или души, идеями абсурдными, но вместе с тем санкционированными всеобщим невежеством и тупостью веков, против которых даже сегодня еще нельзя было бы высказаться открыто и на популярном языке, не рискуя попасть под преследование буржуазного лицемерия, наряду с этими совершенно отвлеченными идеями юноша встречает в обществе, в котором он развивается, и вследствие влияния, оказываемого этим обществом на его детство, он находит в самом себе множество других идей, которые намного больше направлены на природу и на общество, – идей, которые ближе затрагивают действительную жизнь человека, его повседневное существование. Таковы мысли о справедливости, об обязанностях, об общественных обычаях, о правах каждого, о семье, о собственности, о Государстве и еще множество Других, более частных идей, которые регулируют отношения людей между собой. Все эти идеи, которые человек находит воплощенными в своем собственном уме посредством воспитания, которому он подвергся в детстве, независимо от всякого спонтанного действия этого разума, идеи, которые в момент, когда человек доходит до самосознания, представляются ему как идеи общепринятые и освященные коллективным сознанием общества, в котором он живет, – все эти идеи были произведениями, как я сказал, коллективной умственной и нравственной работы поколений. Каким образом они были произведены? Посредством установления и своеобразного признания совершившихся фактов, ибо в практических проявлениях человечества, а также в науке в собственном смысле слова совершившиеся факты всегда предшествуют идеям, что еще раз доказывает,

что самое содержание человеческого мышления, действительная его суть отнюдь не есть спонтанное творение ума, но всегда дано осмысленным испытанием действительных вещей.]

Только человек одарен способностью отвлечения, которая, несомненно упрочившись и развившись в человеческом роде работой веков, последовательно возвысив его в самом себе, то есть в его мышлении, причем только посредством абстрагирующего действия его мышления над всеми объектами, которые его окружают, и даже над самим собой в качестве индивида и вида, позволяет ему постигать или творить идею Тотальности существ, Мироздания и абсолютной Бесконечности, – идею совершенно отвлеченную, лишенную всякого содержания и, как таковую, несомненно тождественную идее Ничто, но которая тем не менее продемонстрировала всемогущество в историческом развитии человека, так как, будучи одной из основных причин его завоеваний и в то же время всех его последующих бредней, его несчастий и его преступлений, она вырвала его из мнимого блаженства животного рая, с тем чтобы бросить его в бесконечные победы и муки безграничного развития.

Благодаря этой способности отвлечения человек, возвышаясь над непосредственным давлением, которое оказывают на индивида внешние объекты, может сравнивать их друг с другом и наблюдать их взаимоотношения: вот начало анализа и экспериментальной науки. Благодаря той же самой способности человек, если можно так выразиться, раздваивается, и, отделившись от себя в себе самом, он в некотором роде возвышается над своими собственными внутренними движениями, над ощущениями, которые он испытывает, поднимающимися в нем инстинктами, позывами, желаниями, а также над аффективными стремлениями, которые он испытывает; это дает ему возможность сравнивать их друг с другом, так же как он сравнивает внешние объекты и внешние движения, и вступаться за одних против других в соответствии с идеалом справедливости и блага или в соответствии с доминирующим чувством, которое развили и упрочили в нем влияние общества и особые обстоятельства. Эта способность вступаться в пользу одной или нескольких движущих сил, которые действуют в нем в определенном направлении против других также внутренних и определенных движущих сил, называется волей.

Таким образом объясненные и понятые ум человека и его воля не представляются более как способности совершенно автономные, независимые от материального мира и способные, творя – один из мышления, другая – из спонтанных актов, разорвать фатальное сцепление действий и причин, составляющих универсальную мировую взаимосвязь миров. Напротив, и то и другое представляются как силы, независимость которых исключительно относительна, потому что точно так же, как мускульная сила человека, эти силы или способности нервов образуются в каждом индивиде стечением внешних, материальных и социальных, обстоятельств, влияний и действий, совершенно независимых и от его мышления, и от его воли. И точно так же, как мы должны отбросить возможность того, что метафизики называют спонтанными идеями, мы должны отбросить спонтанные акты воли, свободную волю и нравственную ответственность человека в теологическом, метафизическом и юридическом смысле этого слова.

Если при своем рождении и на протяжении всего своего развития, своей жизни каждый человек представляет собой лишь равнодействующую бесчисленного множества действий, обстоятельств и бесчисленных материальных и социальных условий, которые продолжают творить его, пока он жив, то откуда у него, представляющего мимолетное и едва заметное звено в мировом сцеплении всех прошлых существ, могла бы появиться способность разорвать произвольным актом эту вечную и всемогущую взаимосвязь, единственное мировое и абсолютное сущее, которое действительно существует, но которое никакое человеческое воображение не могло бы охватить? Признаем же раз и навсегда, что перед лицом этой универсальной природы, нашей матери, которая нас создает, нас растит, нас кормит, нас окружает, пронизывает нас до мозга костей и до самых интимных глубин нашего умственного и нравственного существа и которая всегда в конце концов душит нас в своем материнском объятии, нет для нас ни независимости, ни возможности бунта.

Правда, посредством познания и сознательного применения законов природы человек постепенно освобождается, но не от этого мирового гнета, который вместе с ним испытывают все живые существа и все вещи, которые существуют, возникают и исчезают в мире; он освобождается только от грубого давления, которое оказывает на него его внешний, материальный и социальный мир, включая все окружающие его вещи и людей. Он господствует над вещами посредством науки и труда; что касается незаконного гнета людей, то он опрокидывает его посредством революций. Таков, следовательно, единственный рациональный смысл слова свобода: это господство над внешними вещами, основанное на почтительном наблюдении законов природы; это независимость перед лицом деспотических претензий и деяний людей; это наука, труд, политический бунт; это, наконец, одновременно сознательная и свободная организация социальной среды в соответствии с естественными законами, присущими всякому человеческому обществу. Первым и последним условием этой свободы всегда остаются, следовательно, самое полное подчинение всемогуществу природы, нашей матери, а также наблюдение и самое строгое применение ее законов.

Никто не говорит о свободной воле животных. Все согласны в том, что в любой момент своей жизни и в каждом из их действий животные детерминированы причинами, независимыми от их мышления и их воли; что они фатально следуют импульсам, которые получают как от внешнего мира, так и от своей собственной внутренней природы; что, одним словом, у них нет никакой возможности прервать своими идеями и спонтанными действиями своей воли мировое течение жизни и, следовательно, для них не существует никакой, ни юридической, ни нравственной, ответственности*. Однако все животные одарены и разумом и волей. Между этими способностями животных и соответствующими способностями человека есть лишь количественное различие, различие в степени. Почему же мы объявляем человека безусловно ответственным, а животное безусловно безответственным?

* Эта идея нравственной безответственности животных принимается всеми. Но она не соответствует во всех пунктах истине. Мы можем в этом убедиться на каждодневном опыте в наших отношениях с прирученными и дрессированными животными. Мы их выращиваем, не имея в виду их собственную полезность и их собственные нравственные качества, но исходя из наших интересов и наших целей; мы их приучаем сдерживать свои инстинкты, свои желания, владеть ими, то есть мы развиваем в них внутреннюю силу, которая есть не

что иное, как воля. И когда они действуют вопреки навыкам, которые мы хотели им придать, мы их наказываем; следовательно, мы их рассматриваем, мы их трактуем как существа ответственные, способные понять, что они нарушили закон, который мы им навязали, и мы подводим их под своего рода домашнюю юрисдикцию. Одним словом, мы обращаемся с ними, как христианский Господь Бог обращается с людьми – с той только разницей, что мы это делаем для нашей пользы, а он – для своей славы; мы – для того, чтобы удовлетворить свой эгоизм, он – для того, чтобы удовлетворить и накормить свое безграничное тщеславие.

Я думаю, что ошибка состоит не в этой идее ответственности, которая действительно существует не только для человека, но также для всех животных без какого-либо исключения, хотя и при различной степени для каждого; она состоит в безусловном смысле, который придает человеческой ответственности наше человеческое тщеславие, поддерживаемое теологической или метафизической аберрацией. Вся ошибка – в слове безусловный. Человек не является безусловно ответственным, а животное – безусловно безответственным. Ответственность как одного, так и другого относительна степени рефлексии, на которую они способны.

Мы можем принять в качестве общей аксиомы, что то, что не существует в животном мире, хотя бы в зародышевом состоянии, не существует и никогда не возникнет в человеческом мире, ибо человечество есть не что иное, как высшая степень развития животного состояния на земле. Следовательно, если бы не было ответственности животного, не было бы никакой человеческой ответственности, так как человек подчинен безусловному всемогуществу природы, точно так же как самое несовершенное животное на земле; таким образом, с безусловной точки зрения и животные и человек равно являются безответственными.

Но относительная ответственность несомненно существует во всех степенях животной жизни; незаметная у низших видов, она становится уже очень резко выраженной у животных, одаренных высшей организацией. Животные растят своих детей, они развивают в них на свой манер разум, то есть понимание или знание вещей и волю, то есть ту способность, ту внутреннюю силу, которая позволяет нам сдерживать наши инстинктивные движения; они даже наказывают с отеческой нежностью неповиновение своих детенышей. Следовательно, даже у животных есть начало нравственной ответственности.

Следовательно, так же как разум, воля не есть мистическая, бессмертная и божественная искра, чудесным образом упавшая с неба на землю для того, чтобы оживить части тела, трупы. Это – продукт организованного и живого тела, продукт животного организма. Самый совершенный организм – это организм человека, и, следовательно, именно в человеке находятся относительно наиболее совершенные разум и воля, особенно способные к совершенствованию, к прогрессу.

Воля, так же как разум, – это нервная способность животного организма, а особым органом ее выступает главным образом мозг, так же как физическая или собственно животная сила есть мускульная способность того же организма, и, хотя она распространена по всему телу, ее активными органами выступают главным образом ноги и руки. Нервная деятельность, которая составляет в сущности разум и волю и которая материально отличается как по

своей особой организации, так и по своему объекту от мускульной деятельности животного организма, так же, однако, материальна, как и последняя. Мускульная, или физическая, сила и нервная сила, или сила разума и сила воли, имеют то общее, что, во-первых, каждая из них зависит прежде всего от организации животного, организации, которую оно приносит с собой при рождении и которая есть, таким образом, продукт множества обстоятельств и причин, которые по отношению к животному суть не только даже внешние, но и предшествующие, и что, во-вторых, все они способны развиваться гимнастикой или воспитанием, а это нам их еще раз представляет как продукты, внешних влияний и действий.

Ясно, что, будучи как по своей сущности, так и по своей интенсивности не чем иным, как продуктами совершенно независимых от них причин, все эти силы обладают лишь совершенно относительной независимостью в лоне той мировой причинности, которая составляет и охватывает миры. Что такое мускульная сила? Это материальная способность какой-нибудь интенсивности, которая образуется в животном стечением предшествующих влияний или причин и которая позволяет ему в данный момент противопоставить давлению внешних сил какое-нибудь не безусловное, а относительное сопротивление.

Безусловно так же обстоит дело с нравственной силой, которую мы называем силой воли. Все виды животных одарены ею в различной степени, причем это различие определяется в первую очередь особенной природой их организма. Среди всех животных на земле человеческий вид одарен ею в высшей степени. Но в самом этом виде все индивиды не обладают при рождении равной волевой способностью, так как более или менее развитая способность желать предопределена в каждом индивиде здоровьем и нормальным развитием его тела, и особенно более или менее удачным строением его мозга. Следовательно, здесь с самого начала есть различие, за которое человек ни в коей мере не является ответственным. Виновен ли я, если природа одарила меня внутренней способностью желать? Самые ярые теологи и метафизики не смеют сказать, что то, что они называют душами, то есть совокупностью аффективных, умственных и волевых способностей, которые каждый индивид приносит с собой при рождении, равно.

Правда, способность желать, равно как и все другие способности человека, может быть развита воспитанием и подходящей для него гимнастикой. Эта гимнастика понемногу приучает детей сначала не проявлять немедленно наималейшие из своих впечатлений или более или менее сдерживать реактивные движения своих мускулов, когда они возбуждены как внешними, так и внутренними ощущениями, которые передаются им нервами; позднее, когда в ребенке образуется определенная степень рефлексии, развитая также подходящим для него воспитанием, та же гимнастика, приобретая в свою очередь более или менее обдуманый характер, призвав на помощь рождающийся разум ребенка и основываясь на определенной степени развившейся в нем силы воли, приучает его подавлять непосредственное проявление своих чувств и желаний и, наконец, подчинять все произвольные движения своего тела, а также то, что называют его душой, самое его мышление, его слова и его действия преобладающей благой или дурной цели.

Развитая таким образом и натренированная воля человека есть, очевидно, снова не что иное, как продукт внешних по отношению к ней и воздействующих на нее влияний, которые

определяют и формируют ее независимо от ее собственных решений. Можно ли человека представить ответственным за хорошее или плохое, достаточное или недостаточное воспитание, которое ему дали?

Правда, когда в юноше или молодом человеке выработается привычка думать или желать, выработается благодаря воспитанию, которое он получил извне, благодаря определенной степени развития, благодаря тому, что до некоторой степени оформилась внутренняя сила, тождественная отныне его существу, он может сам продолжить свое образование и даже нравственное воспитание посредством, если можно так выразиться, спонтанной гимнастики своего мышления и даже своей воли, равно как и своей мускульной силы – спонтанной в том смысле, что она уже больше не направляется и не определяется только внешними желаниями и действиями, но направляется и определяется также внутренней силой мысли и воли, которая, сформировавшись и упрочившись в нем посредством прошлого действия этих внешних причин, в свою очередь становится более или менее активной и мощной движущей силой, в некоторой степени творцом, независимым от вещей, идей, желаний и действий, которые непосредственно его окружают.

Человек может таким образом стать до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя. Но очевидно, что тем самым он завоевывает лишь совершенно относительную независимость, которая ни в коей мере не избавляет его от фатальной зависимости, или, если хотите, безусловной мировой взаимосвязи, посредством которой он, как существующее и живое существо, бесповоротно включен в цепь естественного и социального мира, продуктом которого он есть и в котором он, как и все, что существует, раз став следствием и всегда им оставаясь, в свою очередь становится относительной причиной относительно новых продуктов.

Позднее у меня будет случай доказать, что самый развитый в отношении разума и воли человек оказывается по отношению ко всем своим чувствам, своим идеям и своим желаниям в квазибезусловной зависимости от естественного и социального мира, который его окружает и который в любой момент его существования определяет условия его жизни. Но даже сейчас, в момент, в котором мы оказались, ясно, что нет места для человеческой ответственности в том виде, как ее понимают теологи, метафизики и юристы.

Мы видели, что человек ни в коей мере не ответствен ни за степень умственных способностей, которые он приносит с собой при рождении, ни за уровень хорошего или плохого воспитания, который эти способности приобрели до возраста возмужания или по крайней мере до брачного возраста. Но вот теперь мы оказались в момент, когда человек, сознающий самого себя и оснащенный благодаря воспитанию, полученному им свыше, уже обстрелянными умственными и нравственными способностями, становится некоторым образом дворцом самого себя, могущим, очевидно, развивать, распространять и упрочивать свой разум и свою волю. Виноват ли тот, кто, находя эту возможность в самом себе, не воспользовался ею?

И как он мог бы сделать это? Очевидно, что в момент, когда он должен и может принять решение работать над собой, он не начал еще эту спонтанную внутреннюю работу, которая

сделает из него в некоторой степени творца самого себя и продукт своего собственного воздействия на себя, в этот момент он есть еще не что иное, как лишь продукт действий другого или внешних влияний, которые подвели его к этому моменту; следовательно, решение, которое он примет, будет зависеть не от силы мысли и воли, которая придается ему самому, так как его собственная работа еще не началась, но от силы мысли и воли, которая ему будет придана как посредством его природы, так и посредством воспитания, независимо от его собственных решений; и какое бы решение он ни принял, хорошее или плохое, оно будет еще лишь следствием или непосредственным продуктом этого воспитания и этой природы, за которые он ни в коей мере не несет ответственности; отсюда следует, что это решение совершенно не может подразумевать ответственности индивида, который его принимает*.

* Представим себе двух молодых людей, обладающих разными натурами, получивших разное воспитание, или только две разные натуры, получившие одинаковое воспитание. Один принимает мужественное решение, если воспользоваться любимым выражением г. Гамбетты; другой не принимает никакого решения или принимает плохое решение. Есть ли в этом, в юридическом смысле этих слов, заслуга со стороны первого и ошибка со стороны второго? Да, если вы согласитесь со мной, что эта заслуга и эта ошибка в равной степени произвольны, в равной степени суть продукты комбинированного и фатального действия природы и воспитания и что они, следовательно, составляют: одно – не заслугу в собственном смысле слова, а другое – не ошибку в том же смысле, но два факта, два различных результата, один из которых соответствует тому, что в данный момент истории мы называем истинным, справедливым и добрым, а другой соответствует тому, что в данный исторический момент считается ложью, несправедливостью и злом. Продолжим этот анализ дальше. Возьмем двух молодых людей, одаренных примерно равными природами и получивших одно и то же воспитание. Предположим, что, находясь также в примерно равном общественном положении, они оба приняли хорошее решение. Один удерживается и развивается все более и более в направлении, которое он сам себе наметил. Другой отворачивается от него и терпит неудачу. Почему? Каков смысл этого различия в исходе дела? Его нужно искать либо в различии их природы и их темпераментов, каким бы неуловимым это различие ни могло сначала показаться; либо в неравенстве, которое уже существовало между степенью умственной и нравственной силы, приобретенной каждым из них в момент, когда оба они начали свое свободное существование; либо, наконец, в различии их социальных условий и обстоятельств, которые повлияли позднее на существование и на развитие каждого из них; так как у всякого следствия есть причина, отсюда ясно следует, что в любой момент своей жизни, что в каждой из своих мыслей, в каждом из своих поступков человек со своим сознанием, своим разумом и своей волей всегда определен множеством как внешних, так и внутренних, но в равной мере независимых от него действий и причин, которые приобретают над ним фатальное, неумолимое господство. Где же тогда его ответственность?

У человека нет воли; от этого ему становится стыдно и ему говорят, что он должен иметь ее, что он должен дать себе волю. Но как он даст ее? Актом своей воли? Это значит, что у него должна быть воля иметь волю; это образует несомненно порочный круг, абсурд.

Но, скажут, отрицая принцип ответственности человека или же устанавливая факт человеческой безответственности, не разрушаете ли вы основы всякой нравственности? Это опасение и этот упрек совершенно справедливы, если речь идет о теологической и метафизической нравственности, о той божественной нравственности, которая служит если не основой, то по крайней мере освящением и объяснением юридического права. (Позднее мы увидим, что экономические факты составляют единственные действительные основы этого права.) Эти опасения и упреки несправедливы, если речь идет о чисто человеческой и общественной нравственности. Эти две нравственности, как мы увидим позднее, исключают друг друга; первая в идеале есть не что иное, как фикция, а в действительности – отрицание второй, а последняя может восторжествовать лишь посредством радикального разрушения первой. Следовательно, будучи далеким от страха разрушить теологическую и метафизическую нравственность, которую я рассматриваю как исторически естественную, а равно и фатальную ложь, я, напротив, призываю к этому разрушению всеми своими желаниями, и у меня есть глубокое убеждение в необходимости всячески содействовать этому по мере своих сил.

Скажут еще, что, нападая на принцип человеческой ответственности, я подрываю первооснову человеческого достоинства. Это было бы совершенно справедливо, если бы это достоинство состояло в исполнении невозможных, сверхчеловеческих ловких штук, а не в полном теоретическом и практическом развитии всех наших способностей, а также в полном и возможном осуществлении назначения, которое нам намечено и, если можно так выразиться, нам навязано нашей природой. Человеческое достоинство и личная свобода, как их понимают теологи, метафизики и юристы, достоинство и свобода, основанные на внешне столь надменном отрицании природы и всякой естественной зависимости, приводят нас логически и прямо к установлению божественного деспотизма, отца всех человеческих деспотизмов; теологическая, метафизическая и юридическая фикция человеческого достоинства и человеческой свободы имеет своим фатальным следствием действительное рабство и действительное падение людей на земле. Наоборот, материалисты, принимая за отправной пункт фатальную зависимость людей от природы и ее законов и, следовательно, естественную безответственность, непременно приходят к ниспровержению всякого божественного авторитета, всякой человеческой опеки и, следовательно, к установлению действительной и полной свободы для каждого и для всех. В этом состоит причина, почему все реакционеры, начиная с самых деспотических суверенов и кончая по видимости самыми революционными буржуазными республиканцами, оказываются ныне столь горячими сторонниками теологического, метафизического и юридического идеализма и почему сознательные и искренние социалисты-революционеры подняли знамя материализма.

Но ваша теория, скажут нам, объясняет, оправдывает, узаконивает и поощряет все пороки, все преступления. Да, она их объясняет; она их узаконивает в том смысле, что она показывает, как преступления и пороки выступают естественными следствиями естественных причин. Но она их совершенно не поощряет; напротив, только самым широким приложением этой теории к организации человеческого общества можно будет их побороть и искоренить, нападая не столько на затронутых ими индивидов, сколько на естественные причины, естественными и фатальными продуктами которых являются эти пороки и преступления.

А вот, скажут, два человека: у одного полно достоинств, у другого полно недостатков; первый – честный, умный, справедливый, очень внимательный наблюдатель всех человеческих дел, уважающий все права; второй – вор, бандит, наглый лжец, циничный нарушитель всего, что свято для людей; и в политической жизни один – республиканец, а другой – Наполеон III, Муравьев или Бисмарк. Можете ли высказать, что между ними нет никакой разницы?

Нет, я этого не скажу. Но эту разницу я вижу уже в своих обыденных отношениях с животным миром. Есть животные исключительно отвратительные, вредные, другие – очень полезные и очень благородные. У меня антипатия и явное отвращение к одним и большая симпатия к другим. И однако, я хорошо знаю, что не вина жабы, если она – жаба; не вина ядовитой змеи, что она – ядовитая змея; не вина свиньи, если она находит огромное удовольствие в том, чтобы валяться в грязи; но также не собственная заслуга лошади в произвольном значении этого слова, если это – хорошая лошадь; не заслуга собаки, если это умное и преданное животное; но это совершенно не мешает мне раздавить пресмыкающегося и загонять свинью в грязь, ни любить, ни очень ценить лошадь и собаку.

Скажут, что я не прав? Отнюдь нет. Я признаю, что одни, если их рассматривать с точки зрения природы или мировой причинности также невиновны в том, что я называю их недостатками, равно как другие неответственны за их достоинства. В естественном мире нет ни достоинств, ни недостатков в нравственном смысле этого слова, но есть лишь более или менее хорошо или плохо развитые естественные свойства у различных животных видов и разновидностей, а также у каждого индивида в отдельности. Заслуга животного индивида состоит единственно в том, что он – вполне удачный экземпляр, полностью развитый в своем виде и в своей разновидности; и единственная заслуга двух последних состоит в принадлежности к относительно высокому порядку организации. У животного индивида недостаток тогда, когда оно есть малоудачный, не полностью развитый экземпляр; а для разновидности и вида это значит принадлежать к низшему порядку. Если змея, относящаяся к исключительно ядовитому классу, была бы малоядовитой – это был бы, следовательно, недостаток; если бы она была более ядовитой – это было бы достоинство.

Устанавливая между животными различных видов своего рода юридическое различие, объявляя одних отвратительными, антипатичными и злыми, а других – хорошими, симпатичными и полезными, а я не сужу о них, следовательно, с безусловной естественной точки зрения, с точки зрения относительной, сугубо человеческой, с точки зрения их отношений со мной. Я признаю, что одни мне неприятны, вредны и что, напротив, другие мне приятны, полезны. Но не делают ли все в действительности то же самое в суждениях, которые каждый высказывает о людях? Человек, относящийся к социальной разновидности, которую называют бандитами, ворами, провозгласит себя Мандарином и Троппманнсом как первым человеком мира; дипломаты и защитники палаша вне себя от радости, говоря о Наполеоне III или о Бисмарке; священники обожают Лайолу; идеалом буржуа выступает либо Ротшильд, либо Тьер. Потом есть еще смешанные разновидности, которые своих героев ищут в людях сомнительных с менее резко очерченным характером: Оливье, Жюль Фавр. Одним словом, каждая социальная разновидность обладает нравственной меркой, которая ей присуща и которую она прилагает ко всем людям, когда судит о них. Что касается мировой человеческой мерки, то она пока существует для всех лишь как банальная

фраза, и притом никто не думает ее применять действительным и серьезным образом.

Но существует ли в действительности этот общий закон человеческой нравственности? Да, он несомненно существует. Он основывается на самой природе человека, но не как исключительно индивидуального существа, а как существа общественного; он составляет в сущности природу и, следовательно, также истинную цель всего развития человеческого общества, и он существенно отличается от теологической, метафизической и юридической нравственности тем, что он ни в коей мере не есть мораль личная, но мораль общественная. Я вернусь еще к этому, когда буду говорить об обществе.

Очевидно, что идея человеческой ответственности, идея совершенно относительная, неприменима к человеку, взятому отдельно и рассматриваемому в качестве естественного индивида вне коллективного развития общества. Рассматриваемый как таковой перед лицом мировой причинности, в лоне которой все, что существует, есть одновременно следствие и причина, творец и продукт, каждый человек в любой момент своей жизни представляется нам как существо безусловно определенное, неспособное разорвать или только прервать мировое течение жизни, и, следовательно, как существо, стоящее вне всякой юридической ответственности. Человек со всем этим самосознанием, которое порождает в нем мираж мнимой спонтанности, несмотря на разум и волю, которые суть необходимые условия его свободы по отношению к внешнему миру, включая окружающих его людей, этот человек, как и все животные на земле, остается тем не менее безусловно подчиненным мировой фатальности, царящей в природе.

Как я уже сказал, способность мыслить и способность желать суть совершенно формальные способности, которые не подразумевают непременно и всегда одна – истину, а другая – благо. История дает нам пример многих очень сильных мыслителей, которые говорили вздор. В их число и сегодня еще входят все теологи, метафизики, юристы, экономисты, спиритуалисты и идеалисты всех мастей прошлого и настоящего. Всякий раз, когда какой-нибудь мыслитель, каким бы сильным он ни был, будет рассуждать, опираясь на ложные основания, он обязательно придет к ложным выводам, и эти выводы станут тем более чудовищными, чем больше у него будет силы для того, чтобы развивать их.

Что такое истина? Это правильное определение вещей и фактов, их развития или их естественной логики, которая проявляется в них. Это по возможности более строгое соответствие движения мысли движению действительного мира, который есть единственный предмет мысли. Следовательно, всякий раз, когда человек будет рассуждать о вещах и фактах, не интересуясь их действительными отношениями или действительными условиями их развития и их существования, или когда он будет строить свои теоретические спекуляции относительно вещей, которые никогда не существовали, о фактах, которые никогда не могли случиться и которые имеют совершенно вымышленное, совершенно фиктивное существование в невежестве и в исторической тупости прошлых поколений, он непременно будет молоть вздор, каким бы сильным мыслителем он ни был.

Так же обстоит дело с волей. Опыт доказывает нам, что сила воли далеко не всегда бывает силой блага: самые преступные, в высшей степени зловерные люди иногда бывают одарены наивысшей силой воли; но, с другой стороны, мы, увы, достаточно часто видим

людей превосходных, хороших, справедливых, полных доброжелательных чувств, но лишенных этой способности. А это доказывает, что способность желать есть совершенно формальная способность, которая сама по себе не подразумевает ни блага, ни зла. – Что такое Добро? и что такое Зло?

В момент, в котором мы оказались, продолжая рассматривать человека вне общества, как животное, целиком естественное, но более совершенно организованное, чем животные других разновидностей, и способное господствовать над ними благодаря неоспоримому превосходству своего разума и своей воли, наиболее общим и в то же время наиболее распространенным определением Добра и Зла мне представляется следующее:

Для человека, но только для человека, а не для пожираемого им животного, все, что соответствует потребностям человека, а также условиям его развития и его полного существования, – это Добро. Все, что ему противно, – это Зло*.

* Позднее мы увидим, но уже и сейчас мы знаем, что это определение добра и зла еще и ныне рассматривается всеми привилегированными классами перед лицом эксплуатируемого ими пролетариата как единственно действительное, как единственно серьезное и приемлемое определение.

Если считать доказанным, что воля животного, включая волю человека, – это целиком формальная способность, которая, как мы увидим позже, может посредством знания, приобретаемого человеком из законов природы и только строго подчиняясь им в своих действиях, изменять до известной степени как отношения человека с окружающими его вещами, так и отношения этих вещей между собой, но не порождать их и не творить самую суть животной жизни; если считать доказанным, что как только совершенно относительная сила воли окажется перед лицом единственно существующей безусловной силы, силы мировой причинности, она тотчас представится как безусловное бессилие или как относительная причина относительно новых определенных и порожденных той же самой причинностью относительных действий, то, очевидно, не в этой силе и не в воле животного, но в мировой и фатальной взаимосвязи вещей и существ мы должны искать мощную движущую силу, которая творит животный и человеческий мир.

Эту движущую силу мы не называем ни разумом, ни волей, так как в действительности у нее не было и не могло быть никакого самосознания, никакой детерминации, ни собственного решения и сама она не есть даже единственное в своем роде, невидимое, субстанциональное сущее, как его представляют себе метафизики, но сам продукт и, как я уже говорил, вечно воспроизводимая Равнодействующая всех превращений существ и вещей в Мироздании. Одним словом, это – не идея, но мировой факт, по ту сторону которого мы ничего не можем постичь; этот факт ни в коем случае не есть неизменное Сущее, но, напротив, это вечное движение, проявляющееся, формирующееся бесконечностью относительных действий и противодействий: механических, физических, химических, геологических, растительных, животных и человеческих, социальных. В качестве постоянной равнодействующей этого сочетания бесчисленных относительных движений эта мировая движущая сила столь же всемогуща, сколь и бессознательна, фатальна и слепа.

Она творит миры и в то же самое время всегда она – их продукт. В каждом царстве нашей земной природы она проявляется посредством особых законов или особых способов развития. Так, в неорганическом мире, в геологической формации земного шара она представляется как действие и непрерывное противодействие механических, физических и химических законов, которые, по-видимому, сводятся к одному основному закону: закону тяготения, или движения, или материального тяготения, по отношению к которому все остальные законы представляются лишь как различные проявления или различные превращения. Как я уже заметил выше, эти законы суть общие законы в том смысле, что они охватывают все происходящие на земле явления и направляют как отношения и развитие органической, растительной, животной и социальной жизни, так и отношения неорганической совокупности вещей.

В органическом мире та же самая мировая движущая сила проявляется посредством нового закона, который основывается на совокупности этих общих законов и который, несомненно, есть не что иное, как новое превращение, тайна которого до сих пор от нас ускользает, но который есть особый закон в том смысле, что он проявляется только в живых существах: растениях и животных, включая человека. Это закон питания, который состоит, если воспользоваться собственными выражениями Огюста Конта: «1) во внутреннем поглощении питательных материалов, почерпнутых из окружающей системы, и их постепенной ассимиляции; 2) в выделении вовне молекул, как только они станут инородными, которые непременно дезассимилируются по мере того, как происходит это питание»*.

* Comte Auguste. Cours de philosophic positive, t. III, p. 464.

Этот закон – особый закон в том смысле, как я уже сказал, что он неприменим к вещам неорганического мира, но он есть общий и основной закон для всех живых существ. Именно вопрос о питании, великий вопрос общественной экономики, составляет действительную основу всего последующего развития человечества**.

** «Бесспорно, что у громадного большинства существ, живущих животной жизнью, эта жизнь состоит лишь в простом дополнительном совершенствовании, в надстройке, если можно так выразиться, органической (растительной) или основной жизни; она пригодна лишь для того, чтобы либо добывать на жизнь посредством неосознанной, реакции, на внешний мир, либо для того даже, чтобы подготавливать или облегчать свои действия (пищеварение, поиск и выбор пищи) посредством ощущений, различных передвижении и иннервации, либо, наконец, для того, чтобы наилучшим образом предотвращать неблагоприятные влияния. Самые развитые животные, и особенно человек, суть единственные в своем роде, у кого эта общая реакция может до некоторой степени казаться испытывающей полную инверсию и у кого растительная жизнь должна казаться, напротив, предназначенной по существу для поддержания животной жизни, ставшей по видимости главной целью и преимущественной чертой органического существования. Но в самом человеке эта странная инверсия общего порядка живого мира начинает становиться понятной лишь с помощью очень заметного развития разума и общительности, которая имеет тенденцию все более и более искусственно превращать (в теории Огюста Конта – очень аристократично в том смысле, что небольшое число привилегированных интеллектов, которых, естественно, поддерживает и кормит мускульный труд масс, должно управлять, по

его мнению, остальной частью человечества) вид в один огромный и вечный индивид, одаренный способностью к постоянно прогрессивному воздействию на внешнюю природу. Только с этой точки зрения можно правомерно рассматривать это свободное и систематическое подчинение растительной жизни жизни животной как идеальный тип, к которому непрерывно стремится цивилизованное человечество, хотя он никогда не должен быть полностью осуществлен... Основы и начало существенных свойств человечества должны, бесспорно, быть заимствованы социальной наукой из биологической науки...» «Даже по отношению к человеку биология, ограниченная исключительным изучением индивида, должна строго придерживаться первоначального понятия животной жизни, подчиненной жизни растительной, как общего закона органического царства, единственное видимое исключение из которого составляет специальный предмет совершенно другой основной науки (социологии). В этой связи нужно, наконец, добавить, что а высших организмах только органическая жизнь, кроме того, что она составляет одновременно их основу и цель, остается еще целиком общей всем различным, клеткам, из которых эти организмы состоят, и в то же самое время только она осуществляется непременно непрерывным образом, тогда как животная жизнь, напротив, является по существу прерывистой» {Auguste Comte. Cours de philosophie positive, t. III, pp. 207-209}.

В собственно животном мире та же самая мировая движущая сила воспроизводит этот родовой закон питания, присущий всему организованному на земле, в особой и новой форме, сочетая его с двумя свойствами, которые отличают всех животных от всех растений: свойствами чувствительности и раздражимости, являющимися с очевидностью материальными способностями, по отношению « которым так называемые идеальные способности – способность чувства, называемая нравственностью, а также способность разума и воли, – очевидно, суть не что иное, как наивысшее их выражение или их последнее превращение. Эти два свойства, чувствительность и раздражимость, встречаются только у животных; у растений они не встречаются: в сочетании с общим для тех и других основным законом всякого живого организма, законом питания, они образуют посредством этого сочетания особый родовой закон всего животного мира. Для пояснения этого сюжета я процитирую еще несколько высказываний Огюста Конта:

«Никогда не следует терять из виду двойной глубокой связи животной жизни с жизнью органической (растительной), которая постоянно составляет для нее предварительную необходимую основу и в то же время ее общую, не менее необходимую цель. Ныне нет нужды настаивать на первом пункте, который вполне выявлен здоровым физиологическим анализом; сейчас признано, что для того, чтобы питаться и чувствовать, животное должно сначала жить в самом простом значении этого слова, то есть произрастать, и что всякое полное прекращение этой растительной жизни с необходимостью имеет своим следствием одновременное прекращение жизни животной. Что касается второго аспекта, который до сих пор гораздо менее выяснен, то каждый может легко признать – либо применительно к явлениям раздражимости, либо применительно к явлениям чувствительности, – что они по сути дела на любом уровне животной шкалы направляются общими потребностями органической жизни, основной образ действия которой они совершенствуют, либо тем, что обеспечивают для нее лучшие материалы, либо тем, что предвидят или устраняют неблагоприятные влияния: сами умственные и нравственные функции не имеют обычно никакого другого первоначального назначения. Если бы раздражимость не имела такого

общего предназначения, она непременно выродилась бы в беспорядочное возбуждение, а чувствительность – в смутное созерцание: и тогда либо одно, либо другое разрушило бы вскоре организм посредством чрезмерного его упражнения или же они спонтанно атрофировались бы из-за отсутствия надлежащей стимуляции. Только в человеческом роде, причем достигшем высокой степени цивилизации, возможно постигнуть своеобразную инверсию этого основного порядка, если представить себе вегетативную жизнь как по сути дела подчиненную животной жизни, которая единственно и предназначена для того, чтобы вызывать развитие, что, как мне кажется, составляет самое благородное понятие, которое могло бы образоваться о человечности в собственном смысле слова, отличном от животного состояния: такое превращение становится возможным, если мы не хотим впасть в очень опасный, мистицизм, лишь постольку, поскольку посредством успешного отвлечения на род в целом или по крайней мере на общество переносят первоначальную цель (цель питания и самосохранения), которая применительно к животным ограничивается индивидом или распространяется по крайней мере в настоящее время на род»*.

* Auguste Comte. Cours de philosophie positive, t. III, pp. 493-494.

В заметке, которая следует сразу же за этим пассажем, Огюст Конт добавляет:

«В наше время философ метафизическо-теологической школы претендовал на характеристику человека посредством такой звонкой формулы: Разум, пользующийся органами... Обратное определение было бы, очевидно, намного истиннее, особенно применительно к первобытному человеку, не усовершенствованному очень развитым общественным состоянием... Какой бы стадии ни достигла цивилизация, всегда только у небольшого числа избранных людей разум сможет добиться, в целом организме, достаточно явного преобладания, с тем чтобы действительно стать существенной целью всякого человеческого существования, вместо того чтобы служить простым инструментом, основным средством для наилучшего удовлетворения главных органических потребностей; а это, если отвлечься от всяких пустых декламаций, как раз то, что несомненно характеризует самый ординарный случай»*.

* Очевидно, что этими словами Огюст Конт подготавливает основы для своей социологической и политической системы, которая, как известно, увенчивается идеей управления массами – фатально приговоренными, по его мнению, к тому, чтобы никогда не выйти из ненадежного состояния пролетариата, – посредством своего рода теократии, состоящей из жрецов, – не религии, но науки, или посредством того небольшого числа избранных людей, столь удачно организованных, что полное подчинение материальных интересов жизни идеальным или трансцендентным занятиям ума, выступающего *primum desiderium* осуществления невозможного для массы людей, становится у них действительностью. Этот практический вывод Огюста Конта покоится на очень ложном наблюдении. Совершенно неправильно утверждать, что в любую историческую эпоху массы заняты исключительно своими материальными интересами. Их можно было бы, напротив, упрекнуть в том, что они до сих пор ими слишком пренебрегали, слишком легко посвящали себя платонически идеальным тенденциям, отвлеченным и фиктивным интересам, которые всегда рекомендовались их вере теми избранными людьми, которым Огюст Конт столь великодушно дарует исключительное управление человечеством. Такими были тенденции и

интересы религиозные, патриотические, национальные и политические, включая интересы исключительно политической свободы – очень реальные для привилегированных классов и всегда полные иллюзий и разочарований для масс. Несомненно огорчительно, что массы всегда тупо доверялись всем официальным и официозным шарлатанам, которые с очень корыстной в большинстве случаев целью убеждали их пожертвовать их материальными интересами. Но эта тупость объясняется их невежеством, и кто сомневается в том, что массы еще и сегодня исключительно невежественны? Но что неверно утверждать, так это то, что массы менее способны стать выше своих материальных забот, чем другие классы общества, чем ученые, например. Разве то, что мы видим ныне во Франции, не дает нам доказательство противного? Где вы найдете в этот час истинный патриотизм, способный на любую жертву? Конечно, его не будет в буржуазной ученой среде, он есть только в пролетариате городов; но, однако, родина – добрая мать только для буржуазии, а для рабочего она всегда была мачехой.

Без всякого преувеличения я могу сказать, что гораздо больше действительного идеализма, в смысле бескорыстия и самопожертвования, имеется в народных массах, чем в каком-либо другом классе общества. То, что этот идеализм чаще всего принимает странные формы, что он сопровождается большой слепотой и прискорбной тупостью, этому не стоит удивляться. Благодаря правлению избранных народ повсюду погружен в крайнее невежество. Буржуа очень презирают народ за его религиозные верования; они должны были бы презирать его также за его политические верования, ибо глупость в одном отношении стоит глупости в другом отношении, а буржуа используют и то и другое. Но вот что буржуа не понимают: то, что народ, который из-за отсутствия науки и сносного существования продолжает верить в догмы теологии и упиваться религиозными иллюзиями, проявляет себя тем самым более идеалистическим и если не более умным, то более разумным, чем буржуа, которые, ни во что не веря, ни на что не надеясь, довольствуются своим обыденным, исключительно жалким и ограниченным существованием. Религия, как и теология, есть несомненно большая глупость, но как чувство и как стремление она есть дополнение и своего рода компенсация – несомненно очень иллюзорная – убожества угнетенного существования, а также очень действительный протест против этого повседневного угнетения. Следовательно, она есть доказательство естественного, умственного и нравственного богатства человека и необъятности его инстинктивных желаний. Прудон был прав, когда говорил, что социализм не ставит другой задачи, кроме как рационально и действительно реализовать на земле иллюзорные и мистические обещания, осуществление которых отослано религией на небо. Эти обещания сводятся к следующему: благосостояние, полное развитие всех человеческих способностей, свобода в равенстве и в мировом братстве. Буржуа же, который, утратив религиозную веру, не становится социалистом (а за немногими исключениями, это относится ко всем буржуа), тем самым приговаривает себя на жалкую умственную и нравственную посредственность; и во имя этой посредственности буржуазия требует управления массами, которые, несмотря на свое прискорбное невежество, так бесспорно превосходят ее инстинктивным благородством ума и сердца!

Что касается ученых, этих привилегированных блаженных Огюста Конта, то я должен сказать, что нельзя было бы вообразить себе ничего более прискорбного, нежели судьба общества, управление которым было бы передано в их руки; это объясняется многими причинами, о которых у меня будет повод сказать ниже и которые я здесь только

перечислю: 1) достаточно обеспечить ученому, одаренному наибольшим талантом, привилегированную позицию, чтобы парализовать или по крайней мере понизить и извратить его ум, сделав его практически со-заинтересованным в поддержании как политической, так и социальной лжи. Достаточно принять во внимание поистине жалкую роль, которую играет в настоящее время огромное большинство ученых в Европе во всех политических и социальных вопросах, которые волнуют общественное мнение, чтобы убедиться: привилегированная и патентованная наука превращается почти всегда в патентованные глупости и низости, и это происходит потому, что ученые совершенно неотделимы от своих материальных интересов и жалких забот о своем личном тщеславии. Видя то, что происходит ежедневно в мире ученых, можно даже утверждать, что из всех человеческих занятий наука обладает особой привилегией развивать в людях самый утонченный эгоизм и наиболее свирепое тщеславие; 2) из очень небольшого числа ученых, которые действительно отделены от всех преходящих забот и всякого преходящего тщеславия, немногие, очень немногие не запятнаны большим пороком, который может уравновесить все другие достоинства; этот порок – надменность разума и глубокое, скрытое или открытое, презрение ко всему тому, что не столь же учено, как они. Общество, которое управлялось бы учеными, было бы поэтому правлением презрения, то есть наиболее подавляющим деспотизмом и наиболее унижительным рабством, которое человеческое общество могло бы выдержать. Это было бы также непременно правлением глупости, так как нет ничего более тупого, чем гордящийся самим собой ум. Одним словом, это было бы вторым изданием правления жрецов. И кроме того, как практически установить правление ученых? Кто их будет назначать? Это будет народ? Но он – невежествен, а невежество не может стать судьей науки ученых. Значит, это будут академии? Тогда можно быть уверенным, что будет правление ученой посредственности, ибо не было еще ни одного примера, чтобы академия сумела оценить гениального человека и отдала ему справедливость при его жизни. Академии ученых, как церковные соборы и конклавы, канонизируют своих святых лишь после их смерти; и когда они делают исключение для живого, будьте уверены, что этот живой – великий грешник, то есть дерзкий интриган или глупец.

Будем же любить науку, уважать искренних и серьезных ученых, выслушивать с большой признательностью наставления и советы, которые они • с высоты своего трансцендентного знания желают нам дать; будем, однако, принимать их только при условии, что они вновь и вновь будут пропускаться через нашу собственную критику. Но во имя спасения общества, во имя нашего достоинства и нашей свободы, а также ради спасения их собственного ума никогда не предоставим им среди нас ни привилегированного положения, ни привилегированных прав. Для того чтобы их влияние на нас было полезным и истинно благотворным, нужно, чтобы это влияние не имело иного оружия, кроме равным образом свободной для всех пропаганды, а также нравственного убеждения, основанного на научной аргументации.

К этому размышлению добавляется другое очень важное размышление. Различные функции, которые мы называем способностями животных, ни в коей мере не таковы по природе, чтобы для животного было необязательно упражнять их или совсем не упражнять; все эти способности суть существенные свойства, необходимости, присущие организации животного. Различные виды, роды и классы животных отличаются друг от друга либо

полным отсутствием какой-либо способности, либо преобладающим развитием одной или нескольких способностей в ущерб всем остальным. Даже внутри каждого вида, рода и класса животных все индивиды не в равной степени удачны. Совершенный экземпляр – это экземпляр, в котором все отличительные органы разряда, к которому индивид относится, оказываются гармонически развитыми. Отсутствие или слабость одного из этих органов составляют недостаток, и, когда это – существенный орган, индивид является уродом. Уродство или совершенство, достоинства или недостатки – все это дано индивиду природой, он получает все это при рождении. Но с момента, когда эта способность существует, она должна упражняться, и, пока животное не достигло возраста своего естественного нисхождения, она непременно стремится развиваться и упрочиваться посредством того повторяемого упражнения, которое составляет привычку, основу всякого животного развития; и чем больше она развивается и упражняется, тем больше она становится в животном непреодолимой силой, которой оно должно повиноваться.

Иногда случается, что болезнь или внешние обстоятельства, более сильные, чем это фатальное стремление индивида, мешают упражнению и развитию одной или нескольких из его способностей. Тогда соответствующие органы атрофируются, и весь организм оказывается пораженным большим или меньшим страданием в зависимости от значения этих способностей и их соответствующих органов. Индивид может от этого умереть, но, пока он живет, пока у него еще остаются способности, он должен их упражнять под угрозой смерти. Следовательно, он ни в коей степени не хозяин всего, он, напротив, его невольный агент, раб. Именно универсальная движущая сила, или комбинация причин, которые определяют и производят индивида, включая его способности, действует в нем и посредством него. Именно самая эта мировая бессознательная, фатальная и слепая Причинность, эта совокупность механических, физических, химических, органических, животных и социальных законов, побуждает всех животных, включая человека, к действию и является истинным, единственным творцом животного и человеческого мира. Являясь во всех органических и живых существах как совокупность способностей или свойств, из которых одни присущи всем, а другие – только отдельным видам, родам или классам, она составляет в действительности основной закон жизни, и навязывает каждому животному, включая человека, фатальную тенденцию к осуществлению ради самого себя всех жизненных условий своего собственного вида, т. е. тенденцию к удовлетворению всех своих потребностей. Как живой организм, одаренный двойным свойством – чувствительности и раздражимости – и как таковой испытывающий то страдание, то удовольствие, всякое животное, включая человека, вынуждено своей собственной природой прежде всего есть и, пить, а также приводить себя в движение как ради поиска для себя пищи, так и для того, чтобы повиноваться высшей потребности своих мускулов; оно вынуждено беречь свое здоровье, укрываться, защищаться от всего, что ему угрожает в его питании, в его здоровье, во всех условиях его жизни; оно вынуждено любить, совокупляться и размножаться; оно вынуждено размышлять в меру своих умственных способностей при условиях своего сохранения и своего существования; оно вынуждено желать для самого себя все эти условия; направляемое своеобразным предвидением, основанным на опыте, предвидением, которого не лишено совершенно ни одно животное, оно вынуждено работать в меру своего разума и своей мускульной силы, с тем чтобы застраховать себя на более или менее отдаленное будущее.

Фатальная и непреодолимая во всех животных, не исключая самого цивилизованного человека, эта настоящая и основная тенденция жизни составляет основу даже всех животных и человеческих страстей: инстинктивная, можно сказать почти что механическая в самых низших организмах, более осмысленная в высших видах, она достигает полного самосознания только в человеке, так как только человек, одаренный в высшей степени столь драгоценной способностью сочетать, группировать и полностью выражать свои мысли, только человек, способный к отвлечению в своем мышлении от внешнего мира и даже от своего собственного внутреннего мира, способен возвыситься до всеобщности вещей и существ и с высоты этого отвлечения, рассматривая самого себя как объект своего собственного мышления, он может сравнивать, критиковать, упорядочивать и подчинять свои собственные потребности, никогда не имея, естественно, возможности выйти за пределы жизненных условий своего собственного существования; это позволяет ему, несомненно в очень ограниченных пределах и не имея возможности ничего изменить в мировом и фатальном течении действий и причин, определять отвлеченно-рассудочным образом свои собственные деяния и дает ему по отношению к природе ложную видимость совершенной спонтанности и совершенной независимости. Освещенный наукой и направляемый отвлеченно-рассудочной волей человека, животный труд, или же активность, фатально навязанная всем живым существам как основное условие их жизни, – активность, которая направлена на изменение внешнего мира в соответствии с потребностями каждого и которая проявляется в человеке с той же фатальностью, что и в последнем животном на земле, – превращается тем не менее для сознания человека в искусный и свободный труд.

3. ЖИВОТНОЕ СОСТОЯНИЕ. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Каковы потребности человека и каковы условия его существования?

Изучая самым ближайшим образом этот вопрос, мы найдем, что, несмотря на бесконечную дистанцию, которая, как нам кажется, отделяет человеческий мир от животного мира, в сущности главные пункты самого утонченного человеческого существования и наименее развитого животного существования тождественны: родиться, развиваться и вырасти, работать, чтобы есть, чтобы укрываться и защищаться, поддерживать свое индивидуальное существование в социальной среде вида, любить, воспроизводиться и затем умереть. К этим пунктам добавляется для человека только один новый: думать и познавать – способность и потребность, которые несомненно встречаются в низшей, хотя и достаточно заметной, степени у животных, наиболее приближающихся по своей организации к человеку, но которые только в человеке достигают столь повелительной и постоянно господствующей силы, что они преобразуют всю его жизнь. Как очень хорошо заметил один из наиболее отважных мыслителей наших дней, Людвиг Фейербах, человек делает все то, что делают животные, но только он призван это делать – и благодаря столь обширной способности мыслить, благодаря силе отвлечения, которая отличает его от животных и от всех других существ, он вынужден это делать – все более и более человечно. В этом все различие, но оно огромно. Оно содержит в зародыше всю нашу цивилизацию со всеми чудесами индустрии, науки и искусств, со всеми религиозными, философскими, эстетическими, политическими, экономическими и социальными проявлениями – одним словом, весь мир истории.

Все, что живет, сказал я, побуждаемое фатальностью, которая ему присуща и которая проявляется в каждом существе как совокупность способностей или свойств, стремится осуществиться в полноте своего бытия. Человек, существо одновременно мыслящее и живое, должен, для того чтобы осуществиться в этой полноте, познать самого себя. Вот причина огромного отставания, которое мы находим в его развитии и которое приводит к тому, что для того, чтобы прийти к нынешнему состоянию цивилизации в самых передовых странах, к состоянию, еще столь мало соответствующему идеалу, к которому мы ныне стремимся, человеку понадобилось я не знаю сколько десятков или сотен веков. Можно было бы сказать, что в своем поиске самого себя, через все свои исторические странствия и преобразования, он должен был сначала исчерпать все возможные зверства, беззакония и несчастия для того, чтобы только осуществить так мало разума и справедливости, которые ныне царят в мире.

Человек, постоянно побуждаемый той же фатальностью, которая составляет основной закон жизни, создает свой человеческий мир, свой исторический мир, отвоевываая шаг за шагом у

внешнего мира и у своей собственной животности свою свободу и свое человеческое достоинство. Он отвоевывает их посредством науки и труда.

Все животные вынуждены работать, чтобы жить; все они, не опасаясь этого и не осознавая это ни в малейшей степени, участвуют в меру своих потребностей, своего разума и своей силы в столь неторопливом деле, как превращение поверхности нашего земного шара в место, благоприятное для животной жизни. Но этот труд становится трудом собственно человеческим лишь тогда, когда он начинает служить удовлетворению не только постоянных и фатально предписанных потребностей животной жизни, но еще и потребностей социального, мыслящего и говорящего существа, которое стремится завоевать и полностью осуществить свою свободу.

Выполнение этой огромной задачи, которую особая природа человека навязывает ему как необходимость, присущую его существованию (человек вынужден завоевывать свою свободу), не является только умственным и нравственным делом; во временном порядке, а также под углом зрения нашего разумного развития это прежде всего материальное освобождение. Человек становится действительно человеком, завоевывает возможность своего внутреннего освобождения лишь в той мере, в какой он добивается разрыва цепей рабства, которыми внешняя природа отягощает все живые существа. Эти цепи, начиная с наиболее грубых и наиболее очевидных, суть: лишения всякого рода, непрерывное воздействие времен года и климата, голод, холод, жара, влажность, засуха и многие другие материальные влияния, которые прямо воздействуют на животную жизнь и поддерживают живое существо в квазибезусловной зависимости от внешнего мира; это постоянные опасности, которые угрожают живому существу, угнетают его со всех сторон в форме всякого рода естественных явлений, тем более что сам он, будучи естественным существом и лишь продуктом той самой природы, которая давит на него, окружает и пронизывает его, он несет в себе, если можно так выразиться, врага в самом себе, и у него нет никакого средства от него избавиться. Из этого рождается тот постоянный страх, который его охватывает и который составляет основу всякого животного существования, страх, который, как я докажу позднее, составляет первооснову всякой религии. Отсюда для животного вытекает также необходимость бороться на протяжении всей своей жизни против опасностей, которые угрожают ему совне, необходимость поддерживать свое собственное существование как индивида и свое общественное существование как вида за счет всего того, что его окружает: вещей, живых и органических существ. Отсюда для животных всех видов вытекает необходимость труда.

Всякое животное работает и живет, лишь работая. И человек как живое существо не освобожден от этой необходимости, которая есть верховный закон жизни. Чтобы поддерживать свое существование, чтобы развиваться во всей полноте своего существа, он должен работать. Однако между трудом человека и трудом животных всех видов имеется огромное различие: труд животных – застойный труд, так как их разум застойный; напротив, труд человека существенно прогрессивен, так как его разум прогрессивен в более высокой степени.

Ничто не доказывает лучше очень низкий уровень всех других видов животных по сравнению с человеком, как тот несомненный и безусловный факт, что методы, а также

произведения как коллективного, так и индивидуального труда всех других животных, которые зачастую настолько искусны, что можно подумать, что они направляются и изготавливаются научно развитым разумом, почти не изменяются и не совершенствуются. Муравьи, пчелы, бобры, другие животные, которые живут в сообществах, нынче делают точно то же, что они делали три тысячи лет тому назад, а это доказывает, что в их разуме нет прогресса. Они столь же умны и столь же глупы сейчас, как и тридцать и сорок столетий назад. В животном мире происходит, правда, прогрессивное движение. Но медленно превращаются только сами виды, семейства и классы, которых побуждает борьба за жизнь, тот верховный закон животного мира, вследствие которого наиболее разумные и наиболее энергичные организации постепенно замещают более низкие организации, неспособные постоянно поддерживать борьбу против них. В этом отношении, но только в этом отношении, в животном мире, бесспорно, есть движение и прогресс. Но внутри самих видов, семейств и классов животных их нет или почти нет. Труд человека, рассматриваемый как с точки зрения методов, так и с точки зрения продуктов труда, так же способен к совершенствованию и развитию, как и его ум. Сочетая деятельность своего мозга и своей нервной системы со своей мускульной деятельностью, свой развитый наукой разум со своей физической силой, применяя свое развивающееся мышление к своему труду, который, бывши сначала исключительно животным, инстинктивным и почти машинальным и слепым, становится затем все более и более осмысленным, человек творит свой человеческий мир. Для того чтобы представить себе огромный путь, пройденный человеком, и огромный прогресс его индустрии, пусть сравнят только хижины дикарей с роскошными дворцами Парижа, которые, как мнят прусские дикари, провиденциально предназначены для уничтожения; и пусть сравнят жалкое оружие первобытных народов с теми страшными орудиями разрушения, которые, кажется, стали последним словом германской цивилизации.

Только человек делает то, что не могут делать все другие виды животных, вместе взятые. Он действительно преобразовал большую часть поверхности земного шара; он превратил ее в место, благоприятное для существования, для человеческой цивилизации. Он победил и подчинил себе природу. Он превратил этого врага, этого первоначально страшного деспота в полезного слугу или по крайней мере в союзника, столь же мощного, как и преданного.

Однако следует отдавать себе полный отчет в подлинном смысле выражений: победить природу, подчинить природу. Есть риск впасть в очень досадное недоразумение, тем более легкое, что всякого рода теологи, метафизики и идеалисты никогда не пропускали случая, чтобы воспользоваться им для доказательства превосходства человека-ума над природой-материей. Они утверждают, что вне материи существует некий ум, и они, естественно, подчиняют материю уму. Не довольствуясь этим подчинением, они выводят материю из ума, представляя последний как творца первой. Мы не оставили камня на камне от этой бессмыслицы, и теперь мы не будем больше ею заниматься. Мы не знаем и не признаем никакого другого ума, кроме ума животного, рассматриваемого в его наивысшем выражении, как человеческий ум. И мы знаем, что этот ум ни в коей мере не есть отдельное сущее вне материального мира, но что он есть именно функционирование этой организованной и живой материи, материи оживотворенной, и специально мозга.

Для того чтобы подчинить природу в смысле метафизиков, ум должен был бы на самом деле существовать совершенно вне материи. Но никакой идеалист еще не смог ответить на такой

вопрос: если материя не имеет предела ни в длину, ни в ширину, ни в глубину и если предположить, что ум находится вне материи, которая занимает всю бесконечность пространства во всех возможных направлениях, то каким же тогда может быть место ума? Или он должен занимать то же место, что и материя, строго распространяться повсюду, как материя, вместе с ней быть неотделимым от материи, или же он не может существовать. Но если чистый ум неотделим от материи, тогда он исчезает в материи, и он существует только как материя; а это значило бы еще раз сказать, что только материя существует.

Или же было бы нужно предположить, что, будучи неотделимым от материи, ум остается вне ее. Но тогда где, если материя занимает все пространство? Если ум находится вне материи, он должен быть ею ограничен. Но как нематериальное, бесконечное могло бы либо ограничиваться материальным, либо быть содержимым материального, конечного? Если ум совершенно чужд материи и независим от нее, то не очевидно ли, что он не должен и не может оказывать на нее ни малейшего воздействия, не может подчинять ее? Ведь только то, что материально, может воздействовать на материальные вещи.

Отсюда видно, что, как бы ни был поставлен этот вопрос, непременно приходишь к чудовищной нелепости. Если упорно настаивать на том, что вместе живут столь несовместимые вещи, как чистый ум и материя, то приходишь к отрицанию того и другого, к ничто. Для того чтобы существование материи было возможно, нужно, чтобы она была, – будучи Сущим по преимуществу, единственным в своем роде Сущим, одним словом, всем, что есть, – была единственной основой любой существующей вещи, основанием ума. А для того, чтобы ум был действительно прочным, нужно, чтобы он вел начало от материи, чтобы он выступал как ее проявление, ее функционирование, продукт. Чистый ум, как я докажу позднее, есть лишь безусловное отвлечение. Ничто.

Но раз уж ум является продуктом материи, то каким образом он может изменять материю? Так как человеческий ум есть не что иное, как функционирование человеческого организма, а этот организм есть совершенно материальный продукт той бесконечной совокупности действий и причин, той мировой причинности, которую мы называем природой, то где он берет силу, необходимую для преобразования природы? Условимся: человек не может ни остановить, ни изменить этот мировой ход действий и причин; он не способен изменить никакой закон природы, так как он сам существует и действует, сознательно или бессознательно, в силу этих законов. Возьмем, например, бушующий и уничтожающий все на своем пути ураган, который подгоняется силой, которая, как нам кажется, ему присуща. Если бы он мог иметь самосознание, он мог бы сказать: «Это я своим действием и своей спонтанной волей уничтожаю то, что создала природа». И он бы впал в ошибку. Он, несомненно, причина разрушения, но причина относительная, следствие множества других причин; он есть не что иное, как лишь феномен, фатально определенный мировой причинностью, той совокупностью непрерывных действий и противодействий, которая составляет природу. Так же обстоит дело со всеми действиями, которые могут совершаться всеми организованными, одушевленными и разумными существами. В момент, когда они рождаются, они первоначально суть лишь продукты; но как только они родились, и оставаясь вплоть до своей смерти производимыми и воспроизводимыми той самой природой, которая их сотворила, они в свою очередь становятся относительно деятельными причинами – одни с сознанием и ощущением того, что они делают, как все животные,

включая человека, другие без сознания, как все растения. Но что бы они ни делали, и те и другие суть не что иное, как лишь относительные причины, действующие в лоне природы в соответствии с законами природы, но никогда против нее. Каждый действует в соответствии со способностями, или свойствами, или законами, которые в данный момент ему присущи, которые составляют все его существо, но которые не связаны бесповоротно с его существованием; в доказательство: когда он умирает, эти способности, эти свойства, эти законы не умирают; они, соединяясь с новыми существами и не имея никакого существования вне этой современности и этой последовательности действительных существ, переживают его таким образом, что сами они не составляют какого-либо нематериального или отдельного существа, оставаясь вечно соединенными с преобразованиями неорганической, органической и животной материи или, скорее, представляя собой лишь эти упорядоченные преобразования единственно сущего, материи, каждое существо которого, даже самое разумное и по видимости самое своевольное, самое свободное в любой момент своей жизни, что бы оно ни думало, что бы ни предпринимало, что бы ни делало, есть лишь представитель, функционер, орган, невольно и фатально определенный мировым ходом действий и причин.

Воздействие человека на природу, так же фатально определенное законами природы, как и всякое другое действие в мире, есть продолжение, несомненно очень не прямое, механического, физического и химического действия всех сложных и простых неорганических сущих; это – более прямое продолжение воздействия растений на свою естественную среду и ближайшее продолжение все более и более развитого и самосознающего действия всех видов животных. Оно в самом деле есть не что иное, как животное действие, но направленное развивающимся разумом, наукой; впрочем, развивающийся интеллект и эта наука сами представляют собой лишь новое превращение материи в человеке. Отсюда следует, что когда человек действует на природу – это еще природа, которая воздействует на самое себя. Как видно, никакой бунт человека против природы невозможен.

Значит, человек никогда не может бороться против природы; следовательно, он не может ее ни победить, ни подчинить; даже тогда, как я сказал, когда он предпринимает и совершает действия, которые по видимости в наибольшей степени противны природе, он подчиняется законам природы. Ничто не может освободить его от нее, он – ее совершенный раб. Но это рабство не единственное, так как всякое рабство предполагает два существа, существующие одно вне другого, причем одно подчинено другому. Человек не находится вне природы, ибо сам есть не что иное, как природа; значит, он не может быть ее рабом.

Каково же тогда значение слов: бороться с природой, подчинить природу? Здесь есть вечное недоразумение, которое объясняется двойным смыслом, обычно придаваемым слову природа. В одном случае ее рассматривают как всеобщую мировую совокупность вещей и существ, а также естественных законов; против так понимаемой природы, как я сказал, никакая борьба невозможна; так как природа охватывает и содержит все, она является абсолютным всемогуществом, единственным сущим. В другом случае под словом природа понимают более или менее ограниченную совокупность явлений, вещей и существ, которые окружают человека, – одним словом, его внешний мир. Против этой внешней природы борьба не только возможна – она фатально необходима, фатально навязана мировой

природой всему, что живет, всему, что существует; ибо всякое существующее и живое существо, как я уже заметил, несет в себе следующий двойной естественный закон: 1) оно не имеет возможности жить вне своей естественной среды или своего внешнего мира; 2) оно может поддерживать себя, лишь существуя, лишь живя в ущерб этой среде, этому миру, постоянно борясь против этой среды, этого мира. Значит, этот мир или эту внешнюю природу человек, оснащенный способностями и свойствами, которыми его одарила всеобщая природа, может и должен победить, может и должен побороть; рожденный в первоначальной квазисовершенной зависимости от внешней природы, он должен в свою очередь покорить ее и отвоевать у нее свою собственную свободу и свою человечность.

До всякой цивилизации и до всякой истории, в исключительно отдаленную эпоху и в течение периода времени, который мог длиться неизвестное число тысяч лет, человек сначала был лишь диким животным среди многих других диких животных – может быть, как горилла или очень близкий к горилле сородич. Он, как плотоядное или скорее всеядное животное, был несомненно более прожорлив, более свиреп, более жесток, чем его родня из других видов. Он вел, как и они, разрушительную войну, и, как они, он работал. Таким было девственное состояние, как его превозносят всевозможные религии, идеальное состояние, столь расхваленное Жаном Жаком Руссо. Кто вырвал человека из этого животного рая? Его развивающийся интеллект, естественно, непременно и последовательно прилагающийся к его животному труду. Но в чем состоит прогресс человеческого разума? С формальной точки зрения он особенно состоит в наибольшей привычке мыслить, которая приобретается упражнением мышления, а также во все более точном и чистом сознании своей собственной деятельности. Но все, что формально, становится какой-либо действительностью, лишь соотносясь со своим объектом: но каков объект той формальной деятельности, которую мы называем мышлением? Это действительный мир. Человеческий разум развивается, прогрессирует лишь посредством познания действительных вещей и фактов, посредством сознательного наблюдения и посредством все более и более точного и подробного установления существующих между ними отношений и упорядоченной последовательности естественных явлений, различных порядков их развития, или, одним словом, всех присущих им законов. В момент, когда человек приобрел знание законов, которым подчинены все действительные существования, включая его собственное, он научается сначала предвидеть некоторые явления, что позволяет ему их предупредить или гарантировать себя от тех из их последствий, которые могли бы стать для него пагубными и вредными. Кроме того, это знание законов, направляющих развитие естественных явлений, примененное к его мускульному, первоначально чисто инстинктивному или животному труду, позволяет ему постоянно извлекать пользу из этих же самых естественных явлений и всех вещей, совокупность которых составляет внешний мир, который первоначально был столь враждебен ему, но который затем благодаря этой научной краже в конечном счете мощно способствует осуществлению его цели.

Если привести очень простой пример, то так происходит с ветром, который сначала давил человека деревьями, вырванными с корнем его силой, или опрокидывал его дикую хижину, а позднее вынужден был молоть его хлеб. Так происходит с одним из наиболее разрушительных элементов – огнем, который, когда его должным образом приспособили, дал человеку благодатное тепло и менее дикую, более человеческую пищу. Заметим, что наиболее разумные обезьяны знали, что можно прийти погреться, как только разжигали

огонь, но ни одна из них не могла сама разжечь его, ни даже поддерживать его, подбрасывая в него новый хворост. Несомненно также, что прошло много веков, прежде чем человек, дикий и столь же мало разумный, как обезьяны, научился этому ныне столь рудиментарному, столь тривиальному и в то же время столь ценному искусству разжигать огонь в печи и умело пользоваться огнем для своего собственного употребления. Вот почему древние мифологи не преминули обожествить человека или, скорее, людей, которые сумели первыми извлечь из этого пользу. И вообще мы должны предположить, что самые простые искусства, которые в это время составляли основы домашнего хозяйства наименее цивилизованных народов, стоили первым человеческим поколениям огромных изобретательных усилий. Это объясняет приводящую в отчаяние медлительность человеческого развития на протяжении первых веков истории по сравнению с быстрым развитием наших дней.

Таков, значит, способ, которым человек преобразовал и продолжает преобразовывать, побеждать и подчинять свою среду, внешнюю природу. Разве он это делает посредством бунта против законов той мировой природы, которая, охватывая все, что есть, составляет также его собственную природу? Напротив, именно посредством познания, самого почтительного и самого скрупулезного наблюдения этих законов ему не только удастся постепенно освободиться от ига внешней природы, но в свою очередь еще и покорить ее, по крайней мере частично.

Но человек не довольствуется этим воздействием на собственно внешнюю природу. Поскольку есть разум, способный отвлечься от своего собственного тела и своей собственной личности и рассматривать ее как внешний объект, человек, постоянно побуждаемый присущей его существу потребностью, применяет тот же способ, тот же метод для изменения, для исправления, для совершенствования своей собственной природы. Он представляет собой естественное внутреннее иго, которое человек также должен сбросить. Это иго представляется ему сначала в форме его несовершенств и слабостей или даже его индивидуальных как телесных, так и умственных и нравственных болезней; затем в более общей форме своей дикости или своей животности перед лицом своей человечности, поскольку последнее осуществляется в нем поступательно посредством коллективного развития его социальной среды.

Чтобы победить это внутреннее рабство, у человека нет также никакого иного средства, кроме науки о естественных законах, которая направляет его индивидуальное и его коллективное развитие, а также приложение этой науки как к его индивидуальному воспитанию (гигиеной, гимнастикой своего тела, своих чувств, своего ума и своей воли и посредством разумного образования), так и к постепенному преобразованию социального порядка. Ибо не только он сам, рассматриваемый как индивид, но и его социальная среда, то человеческое общество, ближайшим продуктом которого он есть, в свою очередь есть продукт мировой и всемогущей природы в том же качестве и таким же образом, каким им выступают муравейники, ульи, общности бобров и всех других видов животных ассоциаций; и так же, как эти ассоциации, бесспорно, образованы и живут доньше в соответствии с естественными свойственными им законами, человеческое общество во всех фазах своего исторического развития подчиняется, хотя само оно в этом сомневается большую часть времени, законам, которые естественны, как и законы, которые управляют животными

ассоциациями, но по крайней мере часть которых ему исключительно присуща. По своей как внешней, так и внутренней природе человек есть не что иное, как животное, которое благодаря сравнительно более совершенной организации своего мозга одарено только большей дозой разума и аффективных сил, нежели животные других видов. Поскольку, следовательно, базис человека, рассматриваемого как индивид, представляется, таким образом, полностью животным, базис человеческого общества также не мог бы быть иным, как животным. Но так как разум человека-индивида – это прогрессирующий разум, организация этого общества также должна быть прогрессивной. Прогресс есть, строго говоря, естественный основной и присущий исключительно человеческому обществу закон.

Воздействуя на самого себя и на социальную среду, ближайшим продуктом которой, как я только что сказал, он есть, человек – и не будем забывать об этом никогда – не делает ничего другого, кроме как подчиняется естественным, ему свойственным законам, которые действуют в нем с неумолимой и непреодолимой фатальностью. Будучи последним продуктом природы на земле, человек продолжает, если можно так сказать, посредством своего индивидуального и социального развития ее дело, творение, движение и жизнь. Самые разумные, самые отвлеченные и как таковые самые удаленные от того, что называют обычно природой, его мысли и его действия суть не что иное, как ее новые творения или проявления. Значит, с этой мировой природой у человека не может быть никакого внешнего отношения, ни рабства, ни борьбы, так как он носит эту природу в самом себе и ничего собой не представляет вне ее. Но, изучая эти законы, отождествляя себя некоторым образом с ними, преобразуя их психологическим способом, свойственным его мозгу, в человеческие идеи и человеческие убеждения, он освобождается от тройного ига, которое ему навязывают сначала внешняя природа, затем его собственная природа и, наконец, общество, продуктом которого он является.

После всего того, что я только что сказал, мне кажется очевидным, что никакой бунт против того, что я называю причинностью или мировой природой, невозможен для человека: она его окружает, она его пронизывает, она и вне его, и в нем самом, она составляет все его бытие. Бунтуя против нее, он бунтовал бы против самого себя. Очевидно, что для человека невозможно признать только слабость попытки и нужды в подобном бунте, так как, не существуя вне мировой природы и нося ее в самом себе, находясь в любой момент своей жизни в полном тождестве с ней, он не может ни рассматривать себя, ни чувствовать себя перед ней в качестве раба. Напротив, только изучая и присваивая себе, если можно так выразиться, посредством мысли вечные законы этой природы, – законы, которые проявляются равным образом и во всем том, что составляет его внешний мир, и в его собственном индивидуальном развитии: телесном, умственном и нравственном, – он добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и, как мы увидим позднее, ига авторитарно установленной социальной организации.

Но как тогда могла возникнуть в уме человека эта историческая мысль о разделении ума и материи? Как можно было понять беспомощную, смешную, но также историческую попытку бунта против природы? Эта мысль и эта попытка современны историческому творению идеи бога; они были ее необходимым следствием. Сначала под словом «природа» человек понимал только то, что мы называем внешней природой, включая его собственное тело; а

то, что мы называем мировой природой, он назвал Богом; с тех пор законы природы стали не законами, присущими природе, но проявлениями божественной воли, заповедями Бога, навязанными свыше как природе, так и человеку. После этого человек, вступившись за этого созданного им самим Бога против природы и против самого себя, взбунтовался против нее и создал свое собственное политическое и социальное рабство.

Таким стало историческое дело всех религиозных догм и культов.

4. РЕЛИГИЯ

Ни одно большое политическое и социальное преобразование не совершилось в мире без сопровождения часто предшествующего аналогичного движения в религиозных и философских идеях, направляющих сознание как индивидов, так и общества.

Разве, впрочем, не доказывает нам история, что священники всех религий, за исключением преследуемых культов, всегда были союзниками тирании? И разве даже эти последние, борясь с противными им властями и проклиная их, не дисциплинировали своих собственных верующих во имя новой тирании? У умственного рабства, каким бы оно ни было по природе, всегда неизбежным следствием будет политическое и социальное рабство. В настоящее время христианство во всех его различных формах, а вместе с ним и та доктринерская деистическая и пантеистическая метафизика, которая есть не что иное, как плохо загримированная теология, образуют огромное препятствие на пути освобождения общества. И это доказывается тем фактом, что все правительства, все государственные люди, все, кто считает себя официально или официозно пастырями народа и огромное большинство которых в настоящее время не являются несомненно ни христианами, ни даже деистами, но вольнодумцами, такими, как г. Бисмарк, покойный граф Кавур, покойный Муравьев-вешатель и павший император Наполеон III, не верящими ни в Бога, ни в Дьявола, с явным интересом оказывают тем не менее покровительство всем религиям, лишь бы эти религии учили, как, впрочем, они все это делают, смирению, терпению и подчинению.

Этот единодушный интерес правителей всех стран к поддержанию религиозного культа доказывает, насколько необходимо в интересах народа, чтобы он был опровергнут и опрокинут.

Наряду с одновременно негативным и позитивным вопросом об освобождении и организации труда на основах экономического равенства, наряду с исключительно негативным вопросом об уничтожении политической власти и ликвидации Государства вопрос об уничтожении религиозных идей и религиозных культов есть один из наиболее неотложных, ибо, пока религиозные идеи не будут радикально искоренены из представлений народов, полная эмансипация народа останется невозможной.

Для человека, разум которого вознесся на современную высоту науки, единство Вселенной или действительного Сущего есть отныне усвоенный факт. Но невозможно отрицать тот факт, который для нас представляется настолько очевидным, что мы не можем даже понять, что его можно не знать, находится в явном противоречии со всемирным сознанием человечества, которое, если отвлечься от различий форм, в которых оно проявлялось в истории, всегда единогласно высказывалось за существование двух различных миров: мира духовного и мира материального, мира божественного и мира действительного. Начиная с грубых фетишистов, которые обожают в окружающей их среде действие сверхъестественной силы, воплощенной в каком-нибудь материальном предмете, и кончая

самыми утонченными и наиболее трансцендентальными метафизиками, огромное большинство людей, все народы верили и верят еще и ныне в существование какого-нибудь надмирового божества.

Мне кажется поэтому срочным полное решение следующего вопроса:

Если человек, образует вместе с мировой природой одно целое и если он есть лишь материальный продукт стечения бесконечных материальных причин, то как могла возникнуть, установиться и так глубоко укорениться в человеческом сознании идея этого дуализма, предположение о существовании двух противостоящих миров, из которых один – духовный, а другой – материальный, один – божественный, а другой – естественный?

Действие и беспрестанное противодействие Целого на каждую точку и каждой точки на Целое составляют, как я уже сказал, общий, верховный закон и даже действительность этого единственного в своем роде Сущего, которое мы называем Мирозданием и которое всегда есть производитель и продукт. Вечно активная, всемогущая, источник и вечная равнодействующая всего, что есть, что рождается, действует и противодействует, а затем умирает в ее недрах, эта всемирная взаимосвязь, эта взаимная причинность, этот вечный процесс действительных, как всеобщих, так и бесконечно дробных превращений, совершающихся в бесконечном пространстве, природа создала среди бесконечного числа других миров нашу землю со всей лестницей ее существ, начиная с простейших химических элементов, с первичных образований материи со всеми ее механическими и химическими свойствами и кончая человеком. Она их постоянно воспроизводит, развивает, питает, сохраняет, а затем, когда приходит их срок, а часто даже до того, как он пришел, она их разрушает или, скорее, превращает в новые существа. Она, следовательно, есть Всемогущество, от которого нет ни независимости, ни возможной автономии, она – верховное сущее, которое заключает в себе и пронизывает своим непреодолимым действием все существование существ; и среди живых существ нет ни одного, которое не несло бы в себе несомненно более или менее развитого чувства или ощущения этого верховного влияния и этой безусловной зависимости. И это ощущение и это чувство составляют самую основу всякой религии.

Как видно, религия, как и все остальное у человека, имеет свой первоисточник в животной жизни. Нельзя сказать, что у какого-либо животного, исключая человека, есть определенная религия, так как самая грубая религия предполагает уже определенную степень рефлексии, до которой ни одно животное, кроме человека, не поднялось. Но нельзя также отрицать, что в существовании всех животных без всякого исключения имеются все, если можно так выразиться, материальные или инстинктивные элементы, составные части религии, за исключением ее собственно идеальной стороны, той даже стороны, которая должна ее рано или поздно разрушить, – мышления. В самом деле, каково действительное существо всякой религии? Это как раз чувство безусловной зависимости обычного индивида перед лицом вечной и всемогущей природы.

Нам трудно наблюдать это чувство и анализировать все его проявления у животных низших видов; однако мы можем сказать, что инстинкт сохранения, который обнаруживается даже в самых бедных организациях, несомненно в меньшей степени, чем в высших, представляет

собой лишь обычное послушание, образующееся в каждом животном под влиянием этого чувства, которое есть не что иное, как первое основание религиозного чувства. У животных, одаренных более полной организацией и которые ближе к человеку, оно проявляется гораздо более ощутимым для нас образом, например в инстинктивном и паническом страхе, который охватывает их при приближении какой-нибудь большой естественной катастрофы, такой, как землетрясение, лесной пожар или сильная буря, или же при приближении какого-нибудь свирепого хищного животного, какого-нибудь лесного прусака". И вообще можно сказать, что страх – это одно из господствующих чувств в животной жизни. Все животные, живущие на свободе, – пугливы, что доказывает, что они живут в непрерывном инстинктивном страхе, что у них всегда есть чувство опасности, то есть чувство всемогущего влияния, которое их всегда и везде преследует, пронизывает, окружает. Эта боязнь, боязнь Бога, сказали бы теологи, есть начало послушания, то есть религии. Но у животных она не становится религией, так как им не хватает той силы рефлексии, которая фиксирует чувство и определяет его объект и которая превращает это чувство в отвлеченное понятие, 'которое можно выразить словами. Значит, было основание утверждать, что человек религиозен по природе, он им является, как и все другие животные; но только у него на земле есть сознание своей религии.

Говорят, что религия – это первое пробуждение разума. Да, но в форме неразумия. Религия, как я только что сказал, начинается со страха. И в самом деле, пробуждаясь при первых лучах того внутреннего солнца, которое называется самосознанием, медленно, шаг за шагом выходя из гипнотического полусна, из того совершенно инстинктивного существования, которое он вел, когда находился еще в состоянии чистой девственности, то есть в животном состоянии; родившись, между прочим, как всякое животное, в страхе перед тем внешним миром, который его породил и который его уничтожает, – у человека первым объектом его рождающейся рефлексии неизбежно должен был быть сам этот страх. Можно даже допустить, что у первобытного человека при пробуждении его интеллекта этот инстинктивный ужас должен был быть более сильным, чем у других животных, прежде всего потому, что он рождается гораздо менее вооруженным, чем другие, и его детство длится дольше; затем потому, что, едва зародившись и еще не достигнув достаточной степени зрелости и силы для того, чтобы познавать и использовать внешние предметы, эта самая рефлексия сразу же должна была вырвать человека из союза, из инстинктивной гармонии, в которой он, как сородич гориллы, и до того, как его мысль пробудилась, должен был находиться вместе с остальной частью природы. Первая рефлексия изолировала его некоторым образом в том внешнем мире, который, став ему чуждым, должен был ему представляться сквозь призму его детского, возбужденного и усиленного самим действием этой начинающейся рефлексии, воображения как мрачная и таинственная сила, бесконечно более враждебная и более угрожающая, чем она была в действительности.

Нам исключительно трудно, если не сказать невозможно, отдать себе точный отчет в первых религиозных ощущениях и представлениях дикого человека.

В своих подробностях они должны были быть так же разнообразны, как разнообразна была собственная природа первобытных народов, которые их испытывали и постигали, как разнообразны были климат, природа местностей и другие определяющие обстоятельства, в которых они развивались. Но так как это были прежде всего человеческие ощущения и

представления, они должны были, несмотря на это большое разнообразие в подробностях, сводиться в несколько простых тождественных моментов общего характера, которые не слишком сложно зафиксировать. Каким бы ни было происхождение различных человеческих групп; какой бы ни была причина анатомических различий, существующих между человеческими расами; пусть у людей в качестве предка будут единственный Адам-горилла, или сородич гориллы, или, что более возможно, они произошли от нескольких предков, которых природа создала независимо друг от друга в различных точках земного шара и в различные эпохи, способность, которая составляет и создает собственно человеческое в человеке, – рефлексия, сила отвлечения, разум, то есть способность сочетать идеи, – всегда и везде остается одной и той же, так же как законы, которые определяют ее различные проявления таким образом что ни какое человеческое развитие не могло бы совершиться вопреки этим законам. Это дает нам право думать, что главные стадии, наблюдавшиеся на первом этапе религиозного развития одного народа, должны были воспроизводиться на первом этапе развития всех других первобытных народов на земле.

Если судить по единодушным сообщениям путешественников, которые начиная с прошлого столетия посещали острова Океании, а также тех, кто в наши дни проник в глубь Африки, фетишизм должен быть первой религией, религией всех диких народов, наименее удаленных от природного состояния. Но фетишизм есть не что иное, как религия страха. Он есть первое человеческое выражение того ощущения безусловной зависимости, смешанное с инстинктивным ужасом, которое мы находим в основе всякой животной жизни и которое, как я уже заметил, составляет религиозное отношение со всемогуществом природы индивидов, относящихся даже к самым низкоразвитым видам. Кто не знает о влиянии, которое оказывают, и впечатлении, которое производят на все живые существа такие великие явления природы, как восход и заход солнца, полнолуние, смена времен года, чередование холода и жары или же естественные катастрофы, а также столь разнообразные и взаимно разрушительные отношения животных видов между собой и с различными растительными видами? Для каждого животного все это составляет совокупность условий существования, характер, природу, и у меня было уже почти искушение сказать – особый культ; ибо у животных, всех живых существ вы обнаружите своего рода обожание природы, смешанное со страхом и радостью, надеждой и беспокойством – радостью жить и боязнью перестать жить, и оно как чувство очень похоже на человеческую религию. Не преминут наличествовать здесь также мольба и даже молитва. Понаблюдайте за прирученной собакой, вымаливающей ласку, взгляд своего хозяина: разве это не образ человека, преклоненного перед своим Богом? Разве собака посредством своего воображения и посредством начальной рефлексии, развитой в ней опытом, не переносит естественное всемогущество, во власти которого она находится, на своего хозяина, так же как верующий человек переносит его на своего Бога? В чем тогда различие между религиозным чувством собаки и религиозным чувством человека? Это даже не рефлексия, это степень рефлексии или даже скорее это способность ее фиксировать и постигать ее как отвлеченную мысль, ее обобщать, называя ее; человеческая речь имеет ту особенность, что, будучи неспособной называть действительные вещи, вещи, которые непосредственно воздействуют на наши чувства, она выражает лишь понятие о них или их отвлеченную общность; и так как речь и мышление – это две различные, но неразделимые формы одного и того же акта человеческой рефлексии, эта последняя, фиксируя объект животного ужаса и обожания или первого культа человека, обобщает его, превращает его,

если можно так выразиться, в абстрактное сущее, стремясь назвать его по имени. Предмет, действительно обожаемый тем или тем индивидом, всегда остается этим: этот камень, этот кусок дерева, этот лоскут, а не другой; но как только он обозначен словом, он становится отвлеченной общей вещью: камень, кусок дерева, лоскут. Именно так вместе с первым пробуждением проявляющейся посредством речи мысли начинается исключительно человеческий мир, мир абстракций.

Эта способность отвлечения, источник всех наших знаний и всех наших идей, есть несомненно единственное основание всех человеческих освободительных дел. Но первое пробуждение в человеке этой способности не порождает непосредственно свободы.

Когда она начинает формироваться, медленно высвобождаясь из пеленок животной инстинктивности, она проявляется сначала не в форме осмысленной рефлексии, имеющей сознание и знание о своей собственной деятельности, но в форме воображающей рефлексии, не сознающей того, что она делает, и по этой причине всегда принимающей даже свои собственные продукты за действительные сущие, которым она наивно приписывает независимое существование, предшествующее всякому человеческому знанию, а себе приписывает только ту заслугу, что открыла эти продукты вне самой себя. Этим способом воображающая рефлексия человека заселяет свой внешний мир фантомами, которые ему кажутся более опасными, более сильными, более ужасными, чем действительные окружающие его существа; она освобождает человека от естественного рабства, во власти которого он находится, лишь для того, чтобы тотчас снова бросить его под иго в тысячу раз более тяжелого и еще более ужасного рабства – под иго религии.

Именно воображающая рефлексия человека превращает естественный культ, элементы и следы которого мы обнаружили у всех животных, в человеческий культ в элементарной форме фетишизма. Мы видели животных, инстинктивно обожающих великие явления природы, которые действительно оказывают на их существование прямое и сильное действие; но мы никогда не слышали о животных, которые обожают безвредный кусок дерева, тряпку, кость или камень, тогда как мы обнаруживаем этот культ в первобытных религиях дикарей и даже в католицизме. Как объяснить эту аномалию, по крайней мере по видимости столь странную, что с точки зрения здравого смысла и чувства реальности вещей демонстрирует нам человека как более низкое по сравнению с самыми скромными животными?

Эта нелепость есть продукт воображающей рефлексии дикого человека. Он не только чувствует, как другие животные, всемогущество природы, он делает из него объект своей постоянной рефлексии, он его фиксирует, он пытается его локализовать и в то же время он обобщает его, давая ему какое-нибудь имя; он превращает его в центр, вокруг которого группируются все его детские представления. Еще неспособный охватить своей мыслью мироздание, даже земной шар, даже столь ограниченную среду, в которой он родился и живет, он ищет повсюду, где же находится та всемогущая сила, чувство которой, отныне продуманное и закрепленное, неотступно следует за ним? И игрой, искажением своей невежественной фантазии, которую ныне нам было бы трудно объяснить, он приписывает это всемогущество куску дерева, тряпке, камню. Это – чистый, самый религиозный фетишизм, то есть самый нелепый из религий.

За фетишизмом, а часто рядом с ним идет культ колдунов. Это культ если не гораздо более рациональный, то по крайней мере более естественный, который нас меньше удивит, чем фетишизм. Мы к нему более привыкли, так как еще и ныне, даже в лоне той цивилизации, которой мы так гордимся, нас окружают колдуны: разве спириты, медиумы, ясновидцы со своим гипнотизмом, священники католической, греческой и римской Церкви, которые претендуют на то, что с помощью нескольких таинственных формул могут заставить господина Бога нисходить на воду и могут увидеть даже, как он превращается в хлеб и вино, все эти насильники над подчиненным их волшебству Божеством не такие же колдуны? Правда, божество, обожаемое и вызываемое нашими современными колдунами, обогащенное несколькими тысячами лет человеческой экстравагантности, намного сложнее, чем Бог первобытного колдовства, так как у последнего в качестве объекта сначала было только, несомненно уже закрепленное, но еще малоопределенное, представление о материальном Всемогушестве, у которого не было никакого другого атрибута, будь то умственного или нравственного. Различие добра и зла, справедливости и несправедливости тут еще неизвестно. Не знали о том, что Всемогушество любит, что оно ненавидит, что оно желает, чего оно не желает: оно – не доброе и не злое, оно – лишь Всемогушество. Однако божественный характер начинает уже вырисовываться: оно – эгоистично, тщеславно, оно любит похвалу, коленопреклонение, смирение и жертвоприношения людей, их обожание и их жертвы, и оно преследует и жестоко наказывает тех, «кто не хочет подчиняться: бунтовщиков, гордецов, безбожников. Это, как известно, – главное основание божественной природы у всех древних и современных богов, созданных человеческим неразумием. Разве было когда-либо в мире существо более чудовищно завистливое, тщеславное, эгоистическое, мстительное, чем Иегова евреев, ставший позднее Богом-отцом христиан?

В культе первобытного колдовства Бог, или неопределенное в умственном и нравственном отношении Всемогушество, появляется сначала неотделимым от личности колдуна: он сам есть Бог, как фетиш. Но со временем для действительного человека, особенно для дикаря, который, не имея никакого средства для того, чтобы укрыться от нескромного любопытства своих верующих, остается с утра до вечера открытым для их наблюдения, роль сверхъестественного человека, человека-Бога, становится невозможной. Здравый смысл, практический ум дикого племени, который развивается, правда, медленно, но постоянно опытом жизни, несмотря на все религиозные отклонения, приводит к тому, что доказывает ему практическую невозможность положения, при котором подверженный всем человеческим слабостям и недугам человек был бы Богом. И тогда колдун остается для диких верующих существом сверхъестественным, но только на время, пока он управляет*. Но кем управляет? Всемогушеством, Богом. Значит, обычно Божество находится вне колдуна. Где его искать? Фетиш, Бог-вещь – преодолен; колдун, человек-Бог – тоже. В первобытные времена все эти превращения совершались несомненно веками. Дикий, но уже продвинувшийся вперед, немного развитый и обогащенный традицией нескольких веков человек ищет теперь Божество довольно далеко от себя, но все еще среди действительно существующих существ: в лесу, на горе, в реке, а позднее на солнце, на луне, на небе. Религиозная мысль начинает уже охватывать Мироздание.

* Так же как католический священник, который выступает действительно святым лишь тогда, когда он выполняет свои кабалистические таинства; так же как папа, который

непогрешим, пока он, вдохновленный Святым Духом, определяет догматы веры.

Я уже сказал, что этого момента человек мог достичь лишь по истечении многих веков. Его способности отвлечения, его разум уже упрочились и развились практическим знанием вещей и наблюдением за их отношениями или их взаимной причинностью, а правильное чередование одних и тех же явлений дало ему первое понятие о некоторых естественных законах. Он начинает интересоваться совокупностью фактов и их причин. В то же время он начинает познавать самого себя и благодаря этому – ту силу отвлечения, которая позволяет ему рассматривать себя как объект; он отделяет свое внешнее и живое сущее от своего думающего сущего, свое внешнее от своего внутреннего, свое тело от своей души; и так как у него нет ни малейшего представления о естественных законах и так как он не ведает даже по названию эти науки, к тому же совершенно современные, называющиеся психологией и антропологией, он совершенно ослепляется этим открытием в самом себе своего собственного ума и, естественно, по необходимости воображает себе, что его душа, этот продукт его тела, напротив, есть его начало и причина. Но как только он различил в самом себе Внутреннее и Внешнее, духовное и материальное, он так же по необходимости переносит это различие на своего Бога: он начинает искать невидимую душу в видимой Вселенной. Таким образом должен был родиться религиозный пантеизм индийцев.

На этом пункте мы должны остановиться, так как именно здесь начинается собственно религия в полном значении этого слова, а вместе с нею также теология и метафизика. До этого момента религиозное воображение человека, находящегося во власти закрепленного представления о неопределенном и неуловимом Всемогушестве, естественно, протекало при его поиске путем экспериментального наблюдения, сначала в наиболее близких объектах, в фетишах, затем в колдунах, а еще позднее – в великих явлениях природы и, наконец, в звездах, но при этом оно всегда связывалось с каким-либо действительным и видимым объектом, каким бы удаленным он ни был. Теперь человек поднимается до идеи Бога-Вселенной, до абстракции. До сих пор все его Боги были отдельными и ограниченными Существами, находящимися среди многих других не божественных, не всемогущих, но тем не менее действительно существующих существ. Теперь он впервые ставит вопрос о всемирном Божестве: о Существе существ, субстанции, творящей все ограниченные и отдельные существа, о мировой душе, о Великом Целом. Вот здесь и начинается настоящий Бог, а вместе с ним и настоящая Религия.

5. ФИЛОСОФИЯ. НАУКА

Теперь мы должны изучить способ, посредством которого человек пришел к этому результату, с тем чтобы распознать по его историческому происхождению истинную природу Божества. И сначала первый вопрос, который представляется следующим образом: не является ли Великое Целое пантеистической религии абсолютно тем же, что и единое Сущее, которое мы называли Мировой Природой?

И да и нет. Да, ибо две системы – система пантеистической религии и научная, позитивистская система – охватывают ту же самую Вселенную. Нет, ибо они охватывают ее совершенно различным образом.

Что такое научный метод? Это реалистический метод по преимуществу. Он идет от подробностей к совокупности, от установления, изучения фактов к их сравнению, к идеям; при этом идеи суть лишь точное изложение отношений координации, последовательности и действия или взаимной причинности, которые действительно существуют между действительными вещами и действительными явлениями; их логика есть не что иное, как логика вещей. Так как в историческом развитии человеческого ума положительная наука появляется после теологии и после метафизики, человек приходит к науке уже подготовленным и значительно испорченным своего рода отвлеченным воспитанием. Значит, он привносит много отвлеченных идей, выработанных как теологией, так и метафизикой, – идей, которые для первой были предметами слепой веры, для второй – предметами трансцендентных спекуляций и игры более или менее искусных слов, объяснений и доказательств, которые, безусловно, ничего не объясняют и не доказывают, потому что они образовались вне какого-либо действительного экспериментирования и потому что у метафизики нет никакой другой гарантии для самого существования объектов, над которыми она размышляет, кроме заверений или императивного мандата теологии.

Человек, который прежде был теологом и метафизиком, но устал и от теологии и от метафизики по причине бесплодности их результатов в теории, а также по причине их столь пагубных последствий на практике, естественно, привносит эти идеи в науку; но он привносит их не как определенные принципы, которые как таковые должны служить ему отправным пунктом; он привносит их как вопросы, которые наука должна решить. Он приходит к науке только потому, что сам он начал их как раз ставить под сомнение. И он сомневается в них, так как длительный опыт теологии и метафизики, которые создали эти идеи, доказал ему, что ни та ни другая не дают никакой серьезной гарантии действительности их творений. То, в чем он сомневается и что он в первую очередь отбрасывает, – это не столько эти творения, эти идеи, сколько методы, пути и средства, которыми теология и метафизика их создала. Он отбрасывает систему откровения и верование теологов в абсурд, потому что это абсурд* и он не хочет больше поддаваться деспотизму священников и кострам Инквизиции. Он отбрасывает метафизику главным образом потому, что она, приняв без какой-либо критики или с иллюзорной, слишком

снисходительной, легкой критикой идеи творения, основные идеи теологии: идеи Мироздания, Бога, души или ума, отделенного от материи, – построила на этих данных свои системы, и, приняв нелепость за отправную точку, она по необходимости и всегда приходила к нелепости. Значит, то, что человек ищет прежде всего, выйдя из теологии и метафизики, это – истинно научный метод, метод, который дает ему полную уверенность в действительности вещей, над которыми он размышляет.

*Credo quia absurdum (Тертуллиан).

Но для человека нет никакого другого средства, чтобы убедиться в несомненной действительности вещи, явления или факта, кроме как действительная встреча с ними, их установление, познание в их собственной целостности, без какой-либо примеси фантазий, предположений и прибавлений человеческого разума. Значит, опыт становится основой науки. В данном случае речь идет не только об опыте одного человека. Никакой человек, сколь бы умным, сколь бы любознательным, сколь бы счастливо одаренным он ни был во всех отношениях, не может все видеть, все встретить, все лично испытать. Если бы знание каждого ограничивалось бы своим собственным личным опытом, было бы столько наук, сколько есть людей, и каждая наука умирала бы вместе с каждым человеком. И не было бы науки.

Значит, основой для науки является коллективный опыт не только всех современных людей, но также и всех прошлых поколений. Но наука не принимает никакого свидетельства без критики. Прежде чем принять свидетельство современника или того, кто им уже не является, я должен, если только я не хочу ошибиться, сначала осведомиться о характере и природе, а также о состоянии разума этого человека, о его методе. Я должен прежде всего удостовериться, что этот человек был честным человеком, отвергающим ложь, с добрыми намерениями и со рвением ищущим истину; что он не был ни фантазером, ни поэтом, ни метафизиком, ни юристом, ни тем, кого называют человеком политическим, заинтересованным в политической лжи, и что таковым его считало громадное большинство его современников. Есть люди, например, которые очень умны, очень просвещенны, свободны от всяких предрассудков и всяких фантастических предубеждений, у которых, одним словом, реалистический ум, но которые, будучи слишком ленивыми для того, чтобы потрудиться над установлением существования и действительной природы вещей, предполагают их, изобретают их. Так делают статистики в России. Естественно, что свидетельство этих людей ничего не стоит. Иначе обстоит дело с людьми также очень умными и слишком честными для того, чтобы лгать и уверять о вещах, в которых они не уверены, но ум которых находится под игом либо метафизики, либо религии, либо какого-нибудь идеалистического предубеждения. Свидетельство этих людей, по крайней мере относящееся к предметам, которые близко касаются их навязчивой идеи, также должно быть отброшено, так как они имеют несчастье всегда попадать пальцем в небо. Но если человек соединит с большим реалистическим разумом, развитым и настоящим образом подготовленным наукой, преимущество в одно и то же время скрупулезного и усердного исследователя действительности вещей, его свидетельство становится ценным.

И еще: не должен ли я всегда принимать его свидетельство критично? И в чем состоит эта критика? В сравнении вещей, которые он мне обрисовывает, с результатами моего

собственного личного опыта. Если его свидетельство гармонирует с ним, у меня нет никаких оснований отбрасывать это свидетельство, и я принимаю его как новое подтверждение того, что я признал сам; но если это свидетельство противно моему опыту, то должен ли я отбросить его, не осведомляясь о том, кто из нас двоих прав, он или я? Отнюдь нет. Я знаю по опыту, что мой эксперимент с вещами может быть ошибочным. Значит, я должен сравнить его результаты с моими и подвергнуть их новым наблюдениям и экспериментам. При необходимости я прибегаю к посредничеству и экспериментам третьего и многих других наблюдателей, серьезный научный характер которых внушает мне доверие, и я прихожу посредством модификаций либо моих, либо его результатов, иногда не без большого труда, к общему убеждению. Но в чем состоит опыт каждого? В свидетельстве его чувств, направляемых его разумом. Самостоятельно я не принимаю ничего, чего бы я материально не встретил, не увидел, не услышал и при необходимости не потрогал пальцами. Для меня лично это – единственное средство удостовериться в действительности вещи. И я верю только в свидетельства тех, кто действует непременно таким же образом.

Из этого следует, что наука основана прежде всего на координации массы современных и прошлых личных опытов, постоянно подвергаемых строгой взаимной критике. Нельзя представить себе более демократической основы, чем эта. Это определяющая и первая основа, и всякое человеческое познание, которое в конечном счете на ней не покоится, должно быть исключено, как лишенное всякой достоверности и всякой научной ценности. Однако наука не может остановиться на этой основе, которая дает ей сначала лишь бесчисленное множество фактов самой различной природы, должным образом установленных бесчисленным количеством личных наблюдений и экспериментов. Наука в собственном смысле начинается лишь с понимания вещей, явлений и фактов. Понять вещь, действительность которой сначала была должным образом установлена (что всегда забывали делать теологи и метафизики), – значит открыть, распознать и установить этим эмпирическим способом, которым пользовались для того, чтобы удостовериться сначала в ее действительном существовании, все ее свойства, то есть все ее как прямые, так и косвенные отношения со всеми другими существующими вещами, что значит определить различные способы ее действительного воздействия на все то, что остается вне ее. Понять явление или факт – значит открыть и установить последовательные фазы его действительного развития, то есть распознать его естественный закон.

Эти установления свойств и эти открытия естественных законов также имеют сначала своим единственным источником наблюдения и эксперименты, действительно проведенные тем или другим лицом или даже многими лицами одновременно. Но сколь бы значительным ни было их число, пусть все они будут знаменитыми учеными, наука принимает их свидетельство лишь при том главном условии, что в то же самое время, когда они объявляют результаты своих исследований, они должны также представить исключительно подробный и точный отчет о методе, которым они пользовались, а также о наблюдениях и экспериментах, которые они провели, чтобы прийти к ним; все это необходимо сделать так, чтобы все люди, которые интересуются наукой, могли бы самостоятельно повторить, следуя тому же методу, эти же наблюдения и эти же эксперименты; лишь тогда, когда новые результаты будут таким образом проверены и получены многими новыми наблюдателями и экспериментаторами, они обычно рассматриваются как окончательные завоевания науки. При этом часто случается, что новые наблюдения и эксперименты, проведенные другим

методом и под иным углом зрения, ниспровергают или существенно изменяют эти первые результаты. Нет ничего так же антипатичного для науки, как вера, и только критика всегда имеет в ней последнее слово. Только она, представительница великого принципа бунта в науке, есть строгая и неподкупная хранительница истины.

Так последовательно, трудом столетий, понемногу устанавливается в науке система истин, или всеобщепризнанных естественных законов. Раз установленная и постоянно сопровождаемая самым подробным изложением методов, наблюдений и экспериментов, а также историей исследований и проявлений, с помощью которых она была установлена, так чтобы всегда имелась возможность подвергнуть новому контролю и новой критике, эта система становится отныне вторым основанием науки. Она служит отправным пунктом для новых исследований, которые по необходимости развивают ее и обогащают новыми методами.

Мир, несмотря на бесконечное разнообразие входящих в него сущих, – един. Человеческий ум, принимающий его за объект и стремящийся распознать и понять его, также един или тождественен, несмотря на бесчисленное множество различных, настоящих и бывших человеческих существ, которыми он представлен. Это тождество доказывается тем бесспорным фактом, что если только человек думает, то, какой бы ни была его среда, его природа, его раса, его социальное положение и степень его умственного и нравственного развития, даже тогда, когда он несет бред и вздор, его мысль всегда развивается по одним и тем же законам; и именно в этом, несмотря на огромное разнообразие возрастов, климатов, рас, наций, социальных положений и индивидуальных особенностей природы, состоит великое единство человеческого рода. Следовательно, наука, которая есть не что иное, как познание и понимание мира человеческим умом, также должна быть единой.

Она, бесспорно, едина. Но, огромная, как мир, она превышает умственные способности одного человека, будь он самым умным из всех. Никто не способен охватить ее одновременно в ее всеобщности, а также в ее бесконечных, хотя и по-разному, частностях. Тот, кто хотел бы остановиться только на общности, игнорируя частности, впал бы тем самым в метафизику и в теологию, ибо научная общность отличается как раз от метафизических и теологических общностей тем, что она устанавливается не отвлечением от всех частных, как делают две последние, но, напротив, только путем координации частных. Это великое научное Единство конкретно: это единство в бесконечном разнообразии; теологическое и метафизическое Единство – отвлеченно: это единство в пустоте. Чтобы охватить научное Единство во всей его бесконечной действительности, нужно было бы иметь возможность познать в частных все сущие, прямые и косвенные естественные отношения которых образуют Мироздание, что, очевидно, превосходит способности человека, поколения, человечества в целом.

Желая охватить всеобщность науки, человек останавливается, раздавленный бесконечно великим. Но, отказываясь от частных в науке, он встречается с другим пределом, а именно с бесконечно малым. Впрочем, действительно он может распознать только то, действительное существование которого засвидетельствовано ему его чувствами, а его чувства могут постигнуть лишь бесконечно малую часть бесконечного Мироздания: земной шар, солнечную систему, самое большее ту часть небесного свода, которая видна с земли. Все это составляет в бесконечном пространстве лишь незаметную точку.

Теологи и метафизики тотчас предусмотрели бы из этого вынужденного и по необходимости вечного незнания рекомендации для своих бредней или снов. Но наука гнушается этого тривиального утешения, она ненавидит эти иллюзии, сколь смешные, столь и опасные. Когда она вынуждена остановить свои исследования за отсутствием средств для их продолжения, она предпочитает сказать: «Я не знаю», нежели представлять как истины гипотезы, проверка которых невозможна. Наука сделала даже больше: она с безукоризненной уверенностью поднялась до доказательства нелепости и ничтожества всех теологических и метафизических концепций; но она их разрушила не для того, чтобы заменить их новыми нелепостями. Дойдя до своего предела, она честно скажет: «Я не знаю», но никогда не будет делать никакого вывода из того, чего не будет знать.

Мировая наука есть, следовательно, идеал, который человек никогда не сможет осуществить. Человек всегда будет вынужден довольствоваться наукой о его мире, распространяя последнюю самое большее на звезды, которые он может видеть, и всегда он будет знать из этого довольно мало. Действительная наука охватывает лишь солнечную систему, особенно наш земной шар и все то, что рождается и происходит на нем. Но даже в этих границах наука слишком огромна, чтобы ее могли охватить один человек или даже одно поколение, тем более что, как я уже заметил, частности этого мира теряются в бесконечно малом, а его разнообразие не имеет точно определимых границ.

Эта невозможность охватить одним взглядом огромную совокупность и бесконечные частности видимого мира дала основание для деления единой и неделимой, или общей, науки на множество частных наук; это деление тем более естественное и необходимое, что оно соответствует различным порядкам, которые действительно существуют в мире, а также различным точкам зрения, под которыми человеческий ум вынужден, если так можно выразиться, рассматривать их: Математика, Механика, Астрономия, Физика, Химия, Геология, Биология и Социология, включая историю развития человеческого вида, – таковы главные деления, которые установились в науке, если можно так выразиться, сами по себе. Каждая из этих частных наук в своем историческом развитии создала и принесла с собой метод исследования и установления вещей и фактов, метод дедукций и заключений, которые ей присущи если не всегда исключительно, то по крайней мере в частности. Но все эти различные методы имеют одно, и даже первое, основание, сводящееся в конечном счете к личному и действительному установлению чувствами вещей и фактов, и все они, в пределах человеческих способностей, имеют целью построение мировой науки, понимание единства, действительной всеобщности миров, научное воссоздание великого Целого, Мироздания.

Но не находится ли эта цель, которую я только что назвал, в вопиющем противоречии с очевидной невозможностью для человека смочь когда-либо осуществить ее? Да, несомненно, но, однако, человек не может от нее отказаться и никогда от нее не откажется. Огюст Конт и его ученики напрасно проповедовали нам кротость и покорность. Человек никогда не станет кротким и не покорится. Это противоречие находится в природе человека, и особенно в природе нашего ума: вооруженный огромной силой отвлечения, он не признаёт и никогда не признает никаких пределов для своей властной, страстной любознательности, алчущей все узнать и все охватить. Ему достаточно сказать: «Ты не пойдешь по ту сторону», чтобы он со всей силой этой любознательности, раздраженной

препятствием, устремился по ту сторону. В этом отношении господь Бог Библии оказался намного предусмотрительнее, чем г. Огюст Конт и его ученики-позитивисты; высказав несомненное пожелание, чтобы человек съел запретный плод, он запретил ему его есть. Эта неумеренность, это неповиновение, этот бунт человеческого ума против всякого навязанного предела либо во имя господя Бога, либо во имя науки составляют его честь, тайну его силы и его свободы. Именно домогаясь невозможного, человек всегда осуществлял и распознавал возможное, а те, которые благоразумно ограничились тем, что казалось им возможным, никогда не продвинулись вперед ни на один шаг. Впрочем, перед лицом огромной карьеры, проделанной человеческим умом в течение примерно трех тысяч лет, известных истории, кто осмелился сказать, что через три, пять, десять тысяч последующих лет станет возможным и невозможным.

Эта тенденция к вечно неизвестному столь в человеке непреодолима, она столь глубоко присуща нашему уму, что, если вы закроете ему научный путь, он, чтобы удовлетворить его, откроет себе новый путь, путь мистический. И надо ли приводить другие примеры, чем пример знаменитого основателя позитивной философии, самого Огюста Конта, который закончил, как известно, свою великую философскую карьеру тем, что выработал систему очень мистической «позитивной» политики. Я очень хорошо знаю, что некоторые из его учеников приписывают это последнее творение выдающегося ума, который можно рассматривать, после Гегеля или скорее рядом с ним, как самого крупного философа нашего столетия, досадной аберрацией, обусловленной большими несчастьями, и особенно скрытым и беспощадным преследованием патентованных ученых и академиков, естественных врагов всякой новой инициативы и всякого великого научного открытия*.

* Можно было бы сказать, что ученые хотели ему доказать *a posteriori*, как мало способны представители науки управлять миром и что только наука, а не ученые, ее жрецы, призваны управлять им.

Но, оставляя в стороне эти случайные причины, от которых – увы! – не избавлены самые великие гении, можно доказать, что система позитивной философии Огюста Конта открывает дверь мистицизму.

Позитивная философия никогда еще не утверждала себя открыто как атеистическая. Я очень хорошо знаю, что атеизм – во всей ее системе; что эта система, система действительной науки, покоясь по сути дела на имманентности естественных законов, исключает возможность существования Бога, как существование Бога исключало бы возможность этой науки. Но никто из признанных представителей позитивной философии, начиная с ее основателя Огюста Конта, никогда не пожелал сказать это открыто. Знают ли они это сами, или же они еще не были уверены в этом пункте? Мне кажется, очень трудно допустить их незнание в пункте столь решающего значения для всей позиции науки в мире, тем более что в каждой строчке, которую они писали, чувствуется, как проявляется отрицание Бога, атеизм. Я думаю, что было бы, следовательно, более справедливым обвинять их добрую волю или, если говорить более вежливо, объяснять их молчание их политическим, одновременно консервативным инстинктом. С одной стороны, они не хотят ссориться ни с правительствами, ни с лицемерным идеализмом правящих классов, которые с большим основанием рассматривают атеизм и материализм как мощные орудия

революционного разрушения, очень опасные для современного порядка вещей. Может быть, именно благодаря этому осторожному молчанию и этой двусмысленной позиции, занятой позитивной философией, она смогла внедриться в Англию – страну, где религиозное лицемерие продолжает еще оставаться социальной силой и где атеизм еще ныне рассматривается как общественное преступление*. Известно, что в этой стране политической свободы социальный деспотизм огромен. Разве в первой половине этого века великий поэт Шелли, друг Байрона, не вынужден был эмигрировать и не был лишен своего ребенка только из-за этого атеистического преступления! Нужно ли после этого удивляться, что такие выдающиеся люди, как Бокль, г-н Стюарт Милль, г-н Герберт Спенсер, с радостью воспользовались возможностью, предоставленной им позитивной философией, для того, чтобы примирить свои научные исследования с религиозным ханжеством, деспотически навязываемым английским общественным мнением всякому, кто составляет часть этого общества!

* Джентльменом там выступают только при условии посещения церкви. Воскресенье в Англии – это истинный день публичного лицемерия. Будучи в Лондоне, я испытал истинное отвращение, видя, как много людей, ни в коей мере не беспокоясь о Господе Боге, важно шествуют в церковь со своими prayer-books в руках, силясь спрятать глубокую скуку под видом смирения и раскаяния. В их оправдание нужно сказать, что, если бы они не ходили в церковь и посмели бы признать свое безразличие к религии, они были бы не только очень плохо приняты в аристократическом и буржуазном обществе, но и еще рисковали бы быть покинутыми их слугами. Одна горничная взяла расчет у одной моей знакомой русской семьи в Лондоне по такому двойному основанию: «Потому что мсье и мадам никогда не ходили в церковь и потому что кухарка не носила кринолина». Только рабочие в Англии, к великому отчаянию правящих классов и их проповедников, осмеливаются открыто, публично отбрасывать божественный культ. Они рассматривают этот культ как аристократический и буржуазный институт, противный делу освобождения пролетариата. Я не сомневаюсь, что в основе исключительного рвения, которое ныне начинают проявлять правящие классы к делу народного образования, лежит тайная надежда протащить контрабандой в массу пролетариата некоторые из этих лживых религиозных измышлений, усыпляющих народы и обеспечивающих их спокойную эксплуатацию. Напрасные расчеты! Народ приобретет образование, но он оставит религию тем, кто будет в ней нуждаться для того, чтобы утешать себя перед лицом своего неминуемого поражения. У народа есть своя религия—это религия будущего триумфа всеобщей справедливости, всеобщей свободы, всеобщего равенства, всеобщей солидарности на земле посредством всеобщей и социальной революции.

Правда, французские позитивисты с гораздо меньшей покорностью и меньшим терпением переносят это навязанное им иго, и они совсем не ободряются, когда видят, что их так компрометируют их собратья английские позитивисты. Поэтому они не упускают возможности время от времени протестовать, причем достаточно энергично, против союза, который английские позитивисты предлагают заключить во имя положительной науки с безобидными, недогматическими, но неопределенными и очень смутными религиозными стремлениями, каковы ныне обычно суть всякие теоретические стремления привилегированных классов, утомленных и изнуренных слишком долгим наслаждением своими привилегиями. Французские позитивисты энергично протестуют против любого

взаимодействия с теологическим умом, – взаимодействия, которое они отвергают как бесчестие. Но если они рассматривают как оскорбление подозрение в том, что они могли бы заключить с теологическим умом любовное соглашение, то почему они продолжают провоцировать это подозрение своими недомолвками? Им было бы очень легко покончить со всеми этими двусмысленностями, открыто провозгласив себя тем, кем они являются в действительности, то есть материалистами и атеистами. До сих пор они не соизволили сделать это, и, так как они боялись обрисовать свою настоящую позицию точнейшим и яснейшим образом, они по-прежнему предпочитали объяснять свое мышление, быть может, гораздо более научными, но гораздо менее ясными, чем эти простые слова, разглагольствованиями. Но именно этой пугающей их ясности они не хотят любой ценой. И объясняется это двойной причиной.

Конечно, никто не будет ставить под сомнение ни нравственное мужество, ни личную добросовестность выдающихся умов, представляющих ныне во Франции позитивизм. Но позитивизм – это не только свободно исповедуемая теория; в то же время это – политическая и вместе с тем священническая секта. Стоит только внимательно прочитать «Курс положительной философии» Огюста Конта, и особенно конец третьего тома, а также три последних тома, чтение которых г-н Литтре в своем предисловии особенно рекомендует рабочим*, как можно обнаружить, что главная политическая забота знаменитого основателя позитивизма состояла в создании нового, на этот раз не религиозного, но научного духовенства, призванного отныне, по его мнению, управлять миром. Огромное большинство людей, считает Огюст Конт, не способно к самоуправлению. Почти все, говорит он, непригодны для умственного труда, не потому, что они невежественны и что их повседневные заботы помешали им приобрести навык к мышлению, но потому, что так их создала природа: у большинства индивидов задняя часть мозга, соответствующая, согласно системе Галла, наиболее общим, но вместе с тем наиболее грубым инстинктам животной жизни, гораздо более развита, чем передняя часть, в которой находятся собственно умственные органы. Отсюда следует, во-первых, что презренное большинство совершенно не призвано пользоваться свободой, так как эта свобода должна по необходимости всегда приводить к достойной сожаления духовной анархии, и, во-вторых, это большинство всегда испытывает, к большому счастью для общества, инстинктивную потребность к подчинению. К большому счастью, всегда находятся несколько человек, которые получили от природы задание командовать этой массой и подчинять ее спасительной как духовной, так и мирской дисциплине. Некогда, до необходимой, но достойной сожаления революции, которая вот уже три столетия изводит человеческое общество, этот долг верховного командования лежал на клерикальном духовенстве, к которому Огюст Конт испытывает почтение, искренность которого представляется мне достойной исключительного уважения. На другой день после той самой революции этот долг будет возложен на научное духовенство, на академии ученых, которые установят для наивысшего блага человечества новую дисциплину и очень крепкую власть.

* «Предисловие ученика». «Курс положительной философии Огюста Конта», изд. 2-е, с. XLIX14.

Таково политическое и социальное кредо, которое Огюст Конт завещал своим ученикам. Из него для них следует необходимость подготовиться для достойного выполнения столь вы-

сокой миссии. Как у людей, знающих о том, что рано или поздно они будут призваны управлять, у них есть инстинкт сохранения и почтения ко всем существующим правлениям; для них это тем более легко делать, что, будучи по-своему фаталистами, они рассматривают все, даже самые негодные, правления в качестве не только необходимых, но еще и спасительных переходных стадий в историческом развитии человечества*. Как видно, позитивисты – это люди комильфо, а не скандалисты. Они ненавидят революции и революционеров. Они не хотят ничего разрушать, и, будучи уверены, что их час придет, они спокойно ждут, что противные им вещи и люди разрушатся сами собой. В ожидании они *mezza voce* ведут настойчивую пропаганду, притягивая к ней более или менее доктринерские и антиреволюционные натуры, которые они находят среди учащейся молодежи Политехнической школы и Медицинской школы, не гнушаясь иногда снизойти также до «промышленных мастерских», с тем чтобы посеять там ненависть к «смутным, метафизическим и революционным взглядам» и, естественно, более или менее слепую веру в политическую и социальную систему, выдвигаемую положительной философией. Но они очень остерегаются того, чтобы возбудить против них консервативные инстинкты правящих классов и в то же время пробудить слишком откровенной пропагандой своего атеизма и материализма разрушительные страсти масс. Они говорят об этом во всех своих сочинениях, но так, чтобы их могли услышать только немногие из их избранных.

* Я также рассматриваю все, что произошло, и все, что происходит в действительности как в естественном, так и в социальном мире, как необходимое следствие естественных причин. Но я далек от мысли о том, что все, что необходимо или фатально, есть добро. Порыв ветра только что вырвал с корнем дерево. Это – необходимо, но совершенно не есть добро. Политика Бисмарка по видимости восторжествовала на протяжении некоторого времени в Германии и в Европе. Этот триумф – необходим, так как он есть фатальное следствие многих действительных причин, но он ни в коей мере не спасителен ни для Европы, ни для Германии.

Я же, не будучи ни позитивистом, ни кандидатом в какое-либо правительство, но являясь франк-революционером-социалистом, не нуждаюсь в том, чтобы останавливаться перед такими соображениями. Значит, я буду бить стекла и постараюсь поставить все точки над «i».

Позитивисты никогда прямо не отрицали возможность существования Бога; они никогда не говорили вместе с материалистами, опасную и революционную солидарность с которыми они отвергают: Бога нет, и его существование совершенно невозможно, так как оно несовместимо с нравственной точки зрения с имманентностью, или, говоря еще более ясно, с самим даже существованием справедливости, а с материальной точки зрения – с имманентностью, или существованием естественных законов или каким-либо порядком в мире; оно несовместимо даже с самим существованием мира.

Эта столь очевидная, столь простая истина, которую, как я полагаю, достаточно развернул в данном сочинении, составляет отправной пункт научного материализма. Сначала это только негативная истина. Она еще ничего не утверждает, она представляет собой лишь необходимое, окончательное и мощное отрицание того пагубного исторического призрака, который создало воображение первобытных людей и который уже четыре или пять тысяч лет давит на науку, на свободу, на человечность, на жизнь. Вооруженные этим

непреодолимым и неопровержимым отрицанием, материалисты застрахованы от возврата всех, старых и новых, божественных призраков, и никакой английский философ не придет к ним с предложением о союзе с каким-либо религиозным непознаваемым*. А французские позитивисты убеждены в этой негативной истине, да или нет? Несомненно, они убеждены, и так же энергично, как и сами материалисты. Если бы это было не так, они должны были бы отказаться от самой возможности науки, так как они лучше, чем кто-либо, знают, что согласование между естественным и сверхъестественным совершенно невозможно и что та имманентность сил и законов, на которой они основывают всю свою систему, в самой себе прямо содержит отрицание Бога. Почему же ни в одном из их сочинений не находят открытого и простого выражения этой истины, такого выражения, чтобы каждый мог знать, на чем с ними остановиться? А! Это потому, что они – политические и осторожные консерваторы, философы, готовые взять в свои руки власть над презренным и невежественным большинством. И вот как они выражают ту же самую истину:

* Выражение г-на Герберта Спенсера.

Бог не встречается в сфере науки; поскольку Бог, согласно определению теологов и метафизиков, есть абсолют, а наука имеет своим предметом то, что относительно, ей нечего делать с Богом, который для нее может быть лишь не поддающейся проверке гипотезой.

Лаплас говорил то же самое в более откровенных выражениях: «Для построения моей системы миров я не нуждался в этой гипотезе». Позитивисты не добавляют, что допущение этой гипотезы привело бы по необходимости к отрицанию, ликвидации науки и мира. Нет, они не довольствуются утверждением о том, что наука бессильна осуществить проверку этой гипотезы и что, следовательно, они не могут принять ее как научную истину.

Заметьте, что теологи – не метафизики, а истинные теологи – говорят совершенно то же самое: «Так как Бог есть существо бесконечное, всемогущее, безусловное, вечное, человеческий ум, наука человека не способны возвыситься до него». Отсюда вытекает необходимость особого откровения, предопределенного божественной благодатью; и эта откровенная истина, которая как таковая непостижима для анализа мирского ума, становится основанием теологической науки.

Гипотеза есть, строго говоря, гипотеза не только потому, что она еще не была поверена. Наука различает два вида гипотез: гипотеза, проверка которой кажется возможной, вероятной, и гипотеза, проверка которой совершенно невозможна никогда. Божественная гипотеза со всеми ее различными модификациями: Бог-творец, Бог – душа мира, или то, что называют божественной имманентностью, первопричиной и конечными причинами, внутренней сущностью вещей, бессмертной душой, спонтанной волей и т. д. и т. д., – все это по необходимости попадает в эту последнюю категорию. Все это, поскольку оно носит безусловный характер, совершенно не поддается проверке с точки зрения науки, которая может распознать только действительность вещей, существование которых обнаруживается нашими чувствами, следовательно, определенных и конечных вещей, которыми наука, не претендуя на углубление во внутреннюю их сущность, должна ограничиться, изучая их внешние отношения и законы. Но является ли тем самым все, что не поддается проверке с научной точки зрения, по необходимости ничтожным под углом зрения

действительности? Совсем нет, и вот доказательство: Вселенная не ограничивается нашей солнечной системой, которая есть лишь незаметная точка в бесконечном пространстве, и, как мы знаем, как видим, точка, окруженная миллионами других солнечных систем. Но сам наш небесный свод, со всеми его миллионами систем, в свою очередь есть не что иное, как незаметная точка в бесконечности пространства, и очень возможно, что она окружена миллиардами и миллиардами миллиардов других солнечных систем. Одним словом, природа нашего ума вынуждает нас вообразить пространство бесконечным и заполненным бесконечностью неведомых миров. Вот гипотеза, которая действительно представляется человеческому уму сегодня и которая, однако, останется для нас вечно не поддающейся проверке. Теперь вообразим себе – это мы также вынуждены думать, – что любое это бесконечное множество вечно неведомых миров подчинено тем же естественным законам, что у них дважды два так же четыре, как и у нас, когда в это не вмешивается теология. Вот еще одна гипотеза, которую наука никогда не сможет подвергнуть проверке. Наконец, самый простой закон аналогии обязывает, если можно так выразиться, думать, что многие из этих миров, если не все, заселены организованными и разумными существами, живущими и думающими в соответствии с той же действительной логикой, которая проявляется в нашей жизни и в нашем мышлении. Вот третья гипотеза, несомненно менее настоятельная, чем две первые, но которая, исключая то, что теология заполнила земным эгоизмом и тщеславием, представляется по необходимости уму каждого. Она так же не поддается проверке, как и две другие. Но скажут ли позитивисты, что все эти гипотезы ничтожны и что их предметы лишены всякой действительности?

На это выдающийся современный и повсеместно признанный глава позитивизма во Франции г-н Литтре отвечает столь красноречивыми и прекрасными словами, что я не могу отказать себе в удовольствии процитировать их:

«Я также пытался наметить под названием безмерность философский характер того, что г-н Спенсер называет непознаваемое; то, что находится по ту сторону положительного знания, будь то материально – сущность бескрайнего пространства, будь то умственно – ряд бесконечных причин, – недоступно человеческому уму. Но сказать «недоступное» – не значит сказать «ничтожное» или «несуществующее». Как материальная, так и умственная безмерность тесными узами связана с нашими знаниями и посредством этого союза становится идеей положительной и идеей одного и того же порядка; я хочу сказать, что, затрагивая эти знания и вступая с ними в контакт, эта безмерность проявляет свой двойной характер – действительности и недоступности. Это океан, который бьется о наш берег и для которого у нас ни лодки, ни паруса, но ясное видение которого так же спасительно, как потрясающе»*.

* Cours de Philosophie positive d'Auguste Comte, tome I: Preface d'un disciple, pages XLIV-XLV.

Мы должны быть несомненно довольны этим прекрасным объяснением, так как мы его подразумеваем в нашем смысле, который несомненно будет и смыслом знаменитого главы позитивизма. Но к несчастью, теологи им также будут восхищены до такой степени, что для того, чтобы доказать свою признательность знаменитому академику за это прекрасное заявление в пользу их собственного принципа, они окажутся способными предложить ему даром тот парус и ту лодку, которых ему не хватает, по его собственному признанию, и

которые, в чем они уверены, они имеют в своем исключительном владении, чтобы совершить действительную экспедицию, исследовательскую поездку в этот неведомый океан, предупреждая, однако, его, что, как только он покинет границы видимого мира, он должен будет сменить метод, научный метод, который, как он, впрочем, сам хорошо знает, неприложим к вещам вечным и божественным.

И в самом деле, как теологи могли бы быть недовольны заявлением г-на Литтре? Он заявляет, что безмерность недоступна человеческому уму; они никогда другого не говорили. Затем он добавляет, что ее недоступность ни в коей мере не исключает ее действительности. И это все, чего они требуют. Безмерность, Бог, есть действительное Сущее, и оно недоступно для науки; но это совсем не значит, что оно недоступно для веры. Раз уж оно есть одновременно безмерность и действительное Сущее, то есть Всемогущество, оно, если пожелает, может найти средство дать о себе знать человеку помимо и под носом науки; и это средство известно; в истории оно всегда называлось непосредственным откровением. Вы скажете, что это – малонаучное средство. Несомненно, и именно поэтому это – хорошее средство. Вы скажете, что это – нелепость; нет ничего лучше, это как раз для того, что божественно: *Credo quia absurdum*.

Вы, скажет теолог, меня совершенно успокоили, утверждая меня под углом зрения вашей научной точки зрения в том, что моя вера побуждала меня всегда смутно предполагать и предчувствовать: действительное существование Бога. Как только я убедился в этом факте, я больше не нуждаюсь в вашей науке. Действительный бог сводит ее к ничто. Она имела смысл существования, пока она его не знала, пока она его отрицала. Как только она признала его существование, она должна раболепствовать вместе с нами и самоуничтожиться перед ним.

В заявлении г-на Литтре есть, однако, несколько слов, которые, если их понять надлежащим образом, могли бы замутить головы теологов и метафизиков. «Как материальная, так и умственная безмерность, – говорит он, – тесными узами связана с нашими знаниями, и посредством этого союза она становится идеей положительной и идеей одного и того же порядка». Последние слова или не значат ничего, или значат вот что:

Безмерный, бесконечный регион, начинающийся по ту сторону нашего видимого мира, недоступен для нас не потому, что он имеет другую природу и подчиняется законам, противным законам, которые управляют нашим естественным и социальным миром*, но исключительно потому, что явления и вещи, заполняющие эти неведомые миры и составляющие их действительность, находятся вне сферы действия наших чувств. Мы не можем понять вещи, действительное существование которых мы не можем даже определить, установить. Только таков характер этой недоступности. Но, не имея возможности образовать малейшее представление о формах и условиях существования вещей и существ, заполняющих эти миры, мы прекрасно знаем, что там нет места для животного, которое называется Абсолют; уже на том простом основании, что, будучи исключенным из видимого мира, сколь бы незаметную точку ни представлял последний в безмерности пространства, он был бы абсолютом ограниченным, то есть не-абсолютом, если бы только он существовал там таким же образом, как у нас: если бы только он был, так же как у нас, Сущим, совершенно невидимым и неосязаемым. Но в таком случае перед нами

снова появляется по крайней мере кусочек, а по этому кусочку мы можем судить об остальном. После того как мы исследовали, внимательно рассмотрели и изучили Абсолют в его историческом происхождении, мы пришли к убеждению, что Абсолют есть существо совершенно ничтожное, чистый призрак, созданный детским воображением первобытных людей и раскрашенный теологами и метафизиками; он есть не что иное, как мираж человеческого ума, который искал самого себя на протяжении своего исторического развития. Ничтожен Абсолют на земле, ничтожным он должен быть также в безмерности пространств. Одним словом, Абсолют, Бог, не существует и не может существовать.

* Признаться, я всегда испытываю отвращение, употребляя слова: «Естественные законы, которые управляют миром». Естественная наука позаимствовала слово закон у юридической науки и юридической практики, которые, естественно, предшествовали ей в истории человеческого общества. Известно, что все первобытные законодательства носили сначала религиозный и божественный характер; юриспруденция есть так же дочь теологии, как и политика. Следовательно, законы представляли собой не что иное, как божественные распоряжения, навязанные человеческому обществу, и они имели своей задачей управлять. Перенесенное позднее в естественные науки слово законы, надолго сохранило здесь свой первобытный смысл, причем на большом основании, так как на протяжении длительного периода своего детства и своей юности естественные науки, еще подчиненные внушениям теологии, сами рассматривали природу как подчиненную божественному законодательству и божественному правлению. Но как только мы пришли к отрицанию существования божественного законодателя, мы не можем больше говорить ни об управляемой природе, ни о законах, которые ею управляют. В природе нет никакого правления, и то, что мы называем естественными законами, есть не что иное, как различные упорядоченные способы развития явления и вещей, которые протекают неведомым нам образом в недрах мировой причинности.

Но как только божественный призрак исчезает и с момента, как он не может больше выступать посредником между нами и неведомыми регионами безмерности, совершенно неведомыми, как они для нас суть, как они останутся перед нами навсегда, эти регионы не представляют для нас ничего чуждого; ибо, не зная форму вещей, существ и явлений, рождающихся в безмерности, мы знаем, что они не могут быть ничем иным, как материальными продуктами материальных причин, и что, если там есть разум, этот разум, как и у нас, всегда и повсюду будет следствием, но никогда первопричиной. По-моему, только такой смысл можно придать утверждению г-на Литтре о том, что безмерность посредством союза с нашим известным миром становится идеей положительной и идеей одного и того же порядка.

Тем не менее в том же самом заявлении имеется выражение, которое представляется мне неудачным и которое могло бы принести радость теологам и метафизикам. «То, что находится за пределами знания, – говорит он, – будь то материально, сущность бесграничного пространства, будь то умственно, цепь бесконечных причин, – недоступно». Почему эта цепь бесконечных причин кажется г-ну Литтре более умственной, чем сущность бесконечного пространства? Поскольку все причины, действующие в известных и неизвестных мирах, как в бесконечных регионах пространства, так и на нашем земном шаре, материальны*, то г-н Литтре, как кажется, говорит и думает, что цепь этих причин не

такова. И если поставить вопрос наоборот, то почему идея сущности безграничного пространства не есть также умственная идея, как и идея цепи бесконечных причин, коль скоро умственное есть для нас не что иное, как идеальное воспроизведение нашим мозгом объективного и действительного порядка, или же материальной последовательности материальных явлений?

* Животный разум, проявляясь в своем наивысшем выражении как человеческий ум, как ум есть единственное умственное сущее, существование которого было действительно установлено, единственный разум, который мы знаем; он существует только на земле. Мы должны, несомненно, рассматривать его как одну из прямо действующих в нашем собственном мире причин; но как я уже доказал, его действие не есть совершенно спонтанное действие; не будучи причиной безусловной, он, напротив, есть по сути причина относительная в том смысле, что прежде, чем в свою очередь стать причиной относительных следствий, он сам был следствием материальных причин, которые породили человеческий организм, одной из функций которого он есть; в таком случае и несмотря на то, что он действует как причина новых следствий во внешнем мире, он продолжает еще оставаться сущим, производным от материального действия материального органа – мозга. Значит, он, так же как органическая жизнь растения, – жизнь, которая, будучи производной от материальных причин, оказывает естественное и необходимое действие на свою среду, – есть причина совершенно материальная. Мы называем ее умственной только для того, чтобы различить ее особое действие, состоящее в выработке тех отвлечений, которые мы называем мыслями, и в сознательном определении воли – особого действия животной жизни, состоящего в явлениях чувствительности, раздражимости и произвольного движения, а также особого действия растительной жизни, состоящего в явлениях питания. Но все эти три действия, равно как механическое, физическое и химическое действия неорганических тел, также суть материальные действия; каждое из них есть в одно и то же время материальное следствие и материальная причина. Ни в нашем собственном мире, ни в безмерности нет других следствий и других причин. Существует только материальное, а духовное есть его продукт. К несчастью, слова материя, материальное сформировались в эпоху, когда спиритуализм доминировал не только в теологии и в метафизике, но и в самой науке, что привело к тому, что под названием материи сформировалась отвлеченная и совершенно ложная идея чего-то, что было не только чуждо, но и совершенно противоположно уму; и именно такой нелепый способ понимать материю еще сегодня превалирует не только у спиритуалистов, но даже у многих материалистов. Вот почему многие современные умы с отвращением отбрасывают ту бесспорную, однако, истину, что ум есть не что иное, как один из продуктов, одно из проявлений того, что мы называем материей. И в самом деле, материя, взятая в таком отвлечении, как мертвое и пассивное сущее, не могла бы произвести ничего, даже растительного мира, не говоря о мире животном и умственном. Для нас же материя – совсем не такой инертный *substratum*, произведенный человеческой отвлеченностью. Это действительная совокупность всего, что есть, всех действительно существующих вещей, в том числе ощущений, ума и воли животных и людей. Родовым именем таким образом понимаемой материи было бы Бытие, действительное Бытие, которое в то же самое время есть становление: то есть движение, всегда и вечно истекающее из бесконечной суммы всех отдельных движений вплоть до бесконечно малых, тотальная совокупность действий и взаимодействий и непрерывных преобразований, которые возникают и которые поочередно исчезают, вечное производство

и воспроизведение Целого каждой точкой и каждой точки Целым, взаимная и мировая причинность.

Вне пределов этой идеи, которая есть одновременно и положительная и отвлеченная, мы ничего не можем понять, потому что вне ее не остается ничего для понимания. Так как она охватывает все, в ней нет внешнего, в ней есть лишь безмерно, бесконечно внутреннее, что мы должны по мере своих сил попытаться понять. И с самого начала действительной науки мы находим драгоценную истину, открытую мировым опытом и установленную рефлексией, то есть посредством генерализации этого опыта; эта истина состоит в том, что все действительно существующие вещи и существа, какие бы ни были их взаимные отличия, имеют общие свойства, свойства математические, механические, физические и химические, которые составляют, собственно, всю их сущность. Все вещи, все тела занимают прежде всего пространство; у всех у них есть свойства тяжести, теплоты, света, электричества, и все они испытывают химические превращения. Ни одно из действительных сущих не существует вне этих условий, ни одно не может существовать без существенных свойств, которые составляют его движение, его действие, его бесконечные преобразования. Но, скажут, ведь умственные вещи, религиозные, политические и социальные институты, идеи, наконец, существуют вне этих условий. Отнюдь нет. У всего этого есть действительность только во внешнем мире, только в отношениях людей между собой, и все это существует только при явно материальных географических, климатологических, этнографических и экономических условиях. Все это – комбинированный продукт материальных обстоятельств и проявления чувств, человеческих потребностей, человеческих стремлений и человеческого мышления. Но любое из этих проявлений, как я уже многократно повторял и доказывал, – это продукт нашего мозга, являющегося совершенно материальным органом человеческого тела. Самые отвлеченные идеи имеют действительное существование только для людей, в людях и посредством людей. Записанные или напечатанные в книге, они суть лишь материальные знаки, набор материальных и видимых букв, начертанных или напечатанных на каких-то листках бумаги. Они становятся идеями лишь тогда, когда какой-нибудь человек, лишь бы он был телесным существом, их читает, понимает и воспроизводит в своем собственном уме; следовательно, исключительно умственный характер идей – это большая иллюзия; идеи материальны по-другому, но они так же материальны, как все самые грубые материальные существа. Одним словом, все, что называют духовным, божественным и человеческим миром, сводится к комбинированному действию внешнего мира и человеческого тела, которое представляет собой самую сложную и самую полную организацию из всех существующих на земле вещей. Но человеческое тело представляет собой те же математические, механические и физические свойства и так же подлежит химическому действию, как и все другие существующие тела. Более того, каждое сложное тело: животное, растение или неорганическое тело – может быть разложено путем химического анализа на определенное число элементарных или простых тел, которые принимаются за таковые, так как еще не пришли к разложению на еще более простые тела. Вот каковы истинные составные элементы действительного мира, в том числе мира человеческого, индивидуального и общественного, умственного и божественного. Это не та однообразная, бесформенная и отвлеченная материя, о которой говорят нам положительная философия и метафизические материалисты; это – бесконечный набор элементов или простых тел, каждый из которых обладает всеми математическими, механическими и физическими свойствами и каждый из которых отличается особыми для него химическими

действиями. Распознать все действительные элементы или простые тела, различные комбинации которых составляют все сложные органические и неорганические тела, заполняющие мироздание; воспроизвести мыслью и в мысли, с помощью всех свойств или действий, присущих каждому телу, и никогда не принимая никакой теории, которая не подлежала бы строгой проверке и не была бы подтверждена самым строгим наблюдением и самым строгим экспериментированием, воспроизвести, как я сказал, или мысленно реконструировать все мироздание с бесконечным разнообразием его астрономических, геологических, биологических и социальных проявлений – такова идеальная и высшая цель науки, цель, которую, несомненно, никакой человек, никакое поколение никогда не осуществят, но которая, оставаясь тем не менее предметом непреодолимого стремления человеческого ума, придает науке, рассматриваемой в ее наивысшем выражении, своего рода религиозный, но ни в коей мере не мистический и не сверхъестественный характер – характер совершенно реалистический и рациональный, но в то же время действующий на тех, кто способен ощутить все возбуждающее действие бесконечных стремлений.

Это приводит нас к другому неприемлемому заключению, которое позитивисты обычно противопоставляют слишком нетерпеливой жажде знаний как метафизиков, так и материалистов. Я хочу поговорить о проблемах первопричины и конечных причинах, а также о глубинной сущности вещей, постановка которых так отличается от постановки того же вопроса о существовании или несуществовании Бога.

Как известно, метафизики – всегда в поиске Первопричины, то есть Бога – творца мира. Материалисты говорят, что эта причина никогда не существовала. Всегда преданные своей системе двусмысленных недомолвок и сомнительных утверждений, позитивисты довольствуются утверждением, что Первопричина не может быть предметом науки, что это – гипотеза, которую наука не может подвергнуть проверке. Кто прав, материалисты или позитивисты? Несомненно, первые.

Что делает положительная философия, отказываясь высказаться по вопросу о Первопричине? Отрицает ли она ее существование? Ни в коей мере. Она ее только исключает из научной сферы, объявляя ее не подлежащей научной проверке; на простом человеческом языке это означает, что эта Первопричина, может быть, существует, но человеческий ум не способен ее постичь. Метафизики будут недовольны таким заявлением, потому что в отличие от теологов они воображают, что познали ее с помощью трансцендентных спекуляций чистого мышления. Но теологи будут этим очень довольны, так как они всегда провозглашали, что чистое мышление ничего не может сделать без помощи Бога и что для того, чтобы постичь Первопричину, акт божественного творения, нужно получить божественную благодать.

Таким образом позитивисты открывают дверь теологам и могут оставаться их друзьями в общественной жизни, продолжая развивать научный атеизм в своих книгах. Они действуют как осторожные политические консерваторы.

Материалисты – революционеры. Они отрицают Бога, они отрицают Первопричину. Они не довольствуются ее отрицанием, они доказывают ее нелепость и невозможность.

Что такое Первопричина? Это причина природы, совершенно отличной от природы бесчисленного множества действительных, относительных, материальных причин, взаимодействие которых составляет самую действительность Мироздания. Она разрывает, по крайней мере в прошлом, ту вечную цепь причин, не имеющих ни начала ни конца, о которых сам г-н Литтре говорит как о достоверном, что должно было бы заставить его, как мне кажется, также сказать, что Первопричина, которая по необходимости была бы отрицанием, есть нелепость. Но он этого не говорит. Он говорит много прекрасных вещей, но не хочет сказать те простые слова, которые сделали бы отныне всякое недоразумение невозможным: Первопричина никогда не существовала, никогда не могла существовать. Первопричина – это причина, которая сама не имеет причин или которая есть причина самой себя. Это Абсолют, творящий Мироздание, чистый ум, творящий материю, это – бессмыслица.

Я не буду повторять аргументы, которыми, я думаю, достаточно доказал, что предположение о Боге-творце подразумевает отрицание распорядка и даже существования Мироздания. Но для того чтобы доказать, что я не оклеветал позитивистов, я процитирую собственные слова г-на Литтре. Вот что он говорит в своем «Предисловии ученика» (Курс положительной философии Огюста Конта, издание 2-е, том 1-й):

«Мир образован материей и силами материи: материи, происхождение и сущность которой для нас недоступны; силами, которые имманентны материи. Вне этих двух терминов, материи и силы, положительная наука не знает ничего» (стр. IX).

Вот заявление весьма откровенно материалистическое, не правда ли? И все-таки в нем имеется несколько слов, которые, кажется, вновь открывают дверь самому необузданному, ненаучному, но религиозному спиритуализму.

Что значат такие, например, слова: «Происхождение и сущность материи для нас недоступны»? Вы, следовательно, допускаете возможность того, что то, что вы называете материей, могло иметь происхождение, то есть начало во времени или по крайней мере в идее, как об этом мистически говорят пантеисты; возможность того, что она могла быть произведена чем-то или кем-то, кто не был материей? Вы допускаете возможность Бога?

Для материалистов материя, или, лучше сказать, мировая совокупность прошлых, настоящих и будущих вещей*, не имеет происхождения ни во времени, ни в пантеистической идее, ни в каком-либо другом роде абсолюта.

* Позитивисты сильно и с большим основанием выступают против метафизических абстракций или против сущностей, которые представляют лишь имена, а не вещи. И, однако, они сами пользуются некоторыми метафизическими сущностями к большому вреду для позитивности своей науки. Что значит, например, слово материя, представляющая собой нечто безусловное, однообразное и единое, разновидность мирового substratum всех определенных, относительных и действительно существующих вещей? Но кто когда-либо видел эту безусловную, однообразную и единую материю? Насколько я знаю, никто. То, что все видели и видят в любой момент жизни, – это множество материальных, сложных или простых, различно определенных тел. Что понимать под словами материальные тела? Тела,

действительно существующие в пространстве, которые, несмотря на все свое разнообразие, обладают в целом всеми физическими свойствами. Эти общие свойства составляют их общую материальную природу, и именно этой общей природе путем отвлечения от всех вещей, в которых эта природа проявляется, дают безусловное, или метафизическое, имя материи. Но общая природа, общий характер не существует в себе, через себя вне различных и действительных вещей и тел, с которыми он оказывается связанным. Следовательно, безусловная, однообразная и единая материя, о которой говорит г-н Литтре, есть не что иное, как абстракция, метафизическая сущность, которая существует только в нашем уме. То, что действительно существует, что будет существовать, – это различные, сложные или простые, тела; если предположить все существующие органические и неорганические, разложимые на их простые элементы тела, тогда это будут простые тела, которые все также имеют все физические свойства различных степеней, а также химически дифференцированные свойства в том смысле, что по свойственному им закону сродства каждое из них, сочетаясь в определенной пропорции с некоторыми другими телами, может составить вместе с ними новые, более сложные тела, давая повод для различных явлений, присущих каждой особой комбинации. Следовательно, если бы мы могли познать все химические элементы или простые тела и все способы их взаимных комбинаций, мы могли бы сказать, что мы знаем субстанцию материи, или – скорее – все материальные вещи, образующие Вселенную.

Вселенная, то есть совокупность всех этих вещей со всеми их свойствами, которые, будучи присущи им и составляя, собственно, их сущность, определяют законы их движения и развития и выступают поочередно следствиями и причинами этого бесконечного множества отдельных действий и противодействий, тотальность которых составляет мировое действие, мировую связь и мировую причинность; эта вселенная, это вечное и всеобщее превращение, постоянно воспроизводимое бесконечностью отдельных превращений, происходящих в ее недрах, это безусловное и единое сущее, не может иметь ни начала, ни конца. Все актуально существующие вещи, включая известные и неизвестные миры со всем тем, что может проявиться в их недрах, суть продукты взаимного и взаимосвязанного действия бесконечного множества других вещей, часть которых, несомненно бесконечно большая, не существует больше в их первоначальных формах, поскольку их элементы соединились в новые вещи: в течение всего времени их существования последние производились и сохранялись таким же образом, как сегодня производятся и сохраняются нынешние вещи и как завтра будут производиться и сохраняться будущие вещи.

Чтобы не впасть снова в метафизическую абстракцию, нужно отдавать себе полный отчет в том, что понимают под словами «деятельные и производящие причины» или «деятельные и производящие силы». Нужно хорошо понимать, что причины не имеют отдельного, идеального существования, что они отнюдь не находятся вне действительных вещей, что они суть не что иное, как эти вещи. Вещи отнюдь не подчиняются общим законам, как нравится говорить позитивистам, чье доктринерское преклонение перед системами правления находит, естественно, поддержку в этом ложном выражении. Вещи, рассматриваемые в своей совокупности, не подчиняются этим законам, так как вне вещей нет никого и ничего, кто мог бы им их диктовать и навязывать. Вне вещей эти законы не существуют даже как абстракция, как идея, и поскольку все идеи есть не что иное, как установление и объяснение существующего факта, для того чтобы появилась идея какого-

нибудь закона, нужно, чтобы сначала существовал факт. К тому же мы знаем, что все идеи, в том числе идеи естественных законов, возникают и существуют на земле как идеи лишь в человеческом мозгу.

Если, следовательно, законы как причины, как естественные силы не имеют никакого существования вне вещей, они должны, если только они существуют – а мы по опыту знаем, что они существуют, – они должны, говорю я, существовать в совокупности вещей, образуя их собственную природу; не в каждой отдельно взятой вещи, но в мировой совокупности, охватывающей все прошлые, настоящие и будущие вещи. Но мы видели, что эта совокупность, которую мы называем Вселенной или Мировой Причинностью, есть не что иное, как Равнодействующая, вечно воспроизводимая бесконечностью действий и противодействий, естественно осуществляемых бесконечным множеством вещей, которые рождаются, существуют, а затем исчезают в ее лоне. Поскольку вселенная сама есть лишь бесконечно вновь воспроизводимая Равнодействующая, она не может рассматриваться ни как диктатор, ни как законодатель. Она сама есть ничто вне вещей, которые живут и которые умирают в ее лоне, она есть только посредством них, благодаря им. Она не может навязывать им законы. Отсюда следует, что каждая вещь несет в самой себе свой закон, то есть способ своего проявления, своего существования и своего отдельного действия. Закон, отдельное действие, та деятельная сила вещи, которая превращает ее в причину новой вещи, – три различных понятия для выражения одной и той же идеи – все это определено тем, что мы называем свойствами или подлинной сущностью этой вещи, из всего этого образуется собственно природа.

Нет ничего более иррационального, более антипозитивистского, более метафизического и, я бы сказал, более мистического, более теологического, чем высказывать фразы, подобные следующим: «Происхождение и сущность материи нам недоступны» (стр. IX) – или же: «Физик, отныне мудро убежденный в том, что глубинные связи вещей для него закрыты» (стр. XXV).

Это можно было сказать, вернее, простительно было сказать специалистам-физикам, которые для того, чтобы избавиться от всех своих врагов, способных обвинить их в навязчивых идеях метафизиков и теологов, отвечали им таким неприятием жалобы и имели некоторое право сделать это, потому что все вопросы высокой философии их интересовали в действительности очень мало и только мешали им выполнять их столь полезную миссию, которая состояла в изучении только действительных явлений и фактов. Но со стороны философа-позитивиста, который отдается задаче построить всю систему человеческого знания на непоколебимых основаниях и определить раз навсегда ее непреодолимые границы, со стороны столь явного врага всех метафизических теорий подобный ответ, заявление, в высшей степени позаимствованное из метафизического ума, – непростительны.

Я не хочу говорить о недоступной субстанции материи, так как сама материя, взятая в такой отвлеченной общности, есть призрак, созданный человеческим умом, как и многие другие призраки, например призрак мирового ума, который не более и не менее действителен, не более и не менее рационален, чем мировая материя. Если под материей вообще г-н Литтре понимает тотальность существующих вещей, тогда я ему скажу, что субстанция этой материи состоит как раз из всех этих вещей, или, если он хочет их разложить на тела

простые, известные и неизвестные, я скажу ему, что субстанция материи состоит из тотальной совокупности этих первоначальных химических элементов и всех их возможных сочетаний. Но мы, возможно, знаем лишь малейшую часть простых тел, составляющих материю, или материальную совокупность нашей планеты; возможно также, что многие элементы, которые мы рассматриваем как простые тела, делятся на новые, нам еще не известные элементы. Наконец, мы всегда не будем знать бесконечность других простых элементов, которые, возможно, образуют материальную совокупность той бесконечности миров, которые навечно нам неведомы и которые заполняют безграничность пространства. Вот естественная граница, перед которой останавливаются исследования человеческой науки. Это – не метафизическая, не теологическая, но действительная граница и, как я сказал, совершенно естественная граница, которая не представляет для нашего ума ничего оскорбительного, ничего нелепого. Мы можем знать только то, что подпадает по крайней мере под одно из наших чувств, только то, действительное существование которого мы можем установить и материально испытать. Дайте нам лишь наималейшую вещь, происходящую из этих невидимых миров, и мы посредством терпения и науки реконструируем эти миры, по крайней мере частично, как Кювье с помощью нескольких найденных в земле разрозненных костей допотопных животных реконструировал весь их организм, как с помощью иероглифов, найденных на египетских и ассирийских памятниках, реконструировали языки, которые, как казалось, были утрачены навсегда; я видел в Бостоне и в Стокгольме двух индивидов, рожденных слепыми, глухими и немыми, которые, не обладая другими чувствами, кроме осязания, запаха и вкуса, чудом упорного терпения и с помощью лишь первого из этих чувств могли понимать то, что им говорили знаками, проводимыми на их ладони, а также выражать свои мысли о множестве вещей, которых нельзя было бы понять, не обладая уже достаточно развитым разумом. Но понять то, чего ни одно из наших чувств не может хотя бы слегка коснуться, и то, что на самом деле не существует для нас как действительное сущее, – вот что действительно невозможно и против чего было бы смешно и бесполезно бунтовать.

Но может быть, категорически скажут, что для нас эти миры не существуют никоим образом? Если не говорить о постоянной навязчивой идее, что эта безмерность неизвестных миров воздействует на наш ум, то есть о признанном и столь красноречиво выраженном самим г-ном Литтре действии, которое, несомненно, составляет действительное отношение, поскольку ум человека, как продукт, проявление или функция человеческого тела, сам является реальным сущим, то можем ли мы допустить, что наше видимое мироздание, эти миллионы звезд, блистающих на нашем небесном своде, остается вне всякой взаимосвязи и всякого взаимодействия с безмерной и для нас невидимой вселенной? В этом случае мы должны были бы рассматривать наше мироздание как ограниченное и носящее в самом себе свою причину, как абсолют; но абсолютное и ограниченное одновременно – это противоречие, слишком очевидный нонсенс для того, чтобы мы могли хоть на мгновение остановиться на нем. Очевидно, что наше видимое мироздание, каким бы огромным оно нам ни казалось, есть не что иное, как материальная совокупность тел, очень ограниченных сравнительно с бесконечным количеством других подобных мирозданий; оно есть, следовательно, сущее определенное, конечное, относительное и, как таковое, сущее, находящееся в необходимом отношении действия и противодействия со всеми этими невидимыми мирозданиями; будучи продуктом этой взаимосвязи, или этой бесконечной мировой причинности, оно содержит в себе в форме своих собственных естественных

законов и, в частности, присущих ему свойств все свое влияние, характер, природу, всю свою сущность. Таким образом, распознавая природу нашего видимого мироздания, мы имплицитно, косвенно изучаем природу бесконечного Мироздания, и мы знаем, что в этой невидимой безмерности несомненно имеется бесконечное множество миров и вещей, которые мы никогда не познаем, но мы знаем также, что никакой из этих миров, никакая из этих вещей не может представлять ничего, что было бы противно тому, что мы называем законами нашего Мироздания. В этом отношении во всей безмерности должно существовать сходство и даже абсолютное тождество природы, ибо в противном случае наш собственный мир не мог бы существовать. Он может существовать лишь в непрерывном соответствии с безмерностью, включающей в себя все неведомые Мироздания.

Но, скажут нам, мы не знаем также и никогда не сможем познать наше видимое мироздание. В самом деле, очень мало вероятно, что человеческая наука придет когда-либо к сколько-нибудь удовлетворительному знанию явлений, происходящих на одной из тех бесчисленных звезд, самая близкая из которых почти в двести семьдесят пять тысяч раз дальше от Земли, чем наше Солнце. Все, что до сих пор смогло установить научное наблюдение, – это то, что все эти звезды суть солнца различных планетных систем и что эти солнца, включая наше, находятся во взаимодействии друг с другом, более или менее точное определение которого останется, возможно, еще долгое время, если не всегда, за пределами научной мощи человека. Вот что говорит Огюст Конт по этому поводу:

«Философские умы, которым чуждо углубленное изучение астрономии, и даже сами астрономы до сих пор не различали достаточным образом в совокупности наших исследований о небе точку зрения, которую я называю солярной, и точку зрения, которая действительно заслуживает названия мировой. Это различие мне кажется тем не менее необходимым для того, чтобы строго отделить часть науки, которая находится в полной завершенности, от той части, которая по своей природе, не будучи несомненно чисто гадательной, представляется тем не менее все еще остающейся почти в детстве, по крайней мере по сравнению с первой. Рассмотрение солярной системы, часть которой мы составляем, дает нам, очевидно, очень ограниченный предмет, который поддается полному изучению и должен привести нас к самым удовлетворительным познаниям. Напротив, мысль о том, что мы называем мирозданием, по необходимости представляется в самой себе неопределенной, так что, сколь бы обширными ни предположить применительно к будущему наши действительные знания в этом роде, мы никогда не сможем подняться до истинной концепции совокупности небесных светил*. В настоящее время разница – исключительно разительная, так как рядом с высоким совершенством, достигнутым солярной астрономией за два последних века, в звездной астрономии мы не имеем даже еще первого и простейшего элемента всякого положительного исследования – определения звездных интервалов. Несомненно, мы имеем все основания предполагать, что эти расстояния вскоре могут быть исчислены по крайней мере в определенных границах по отношению к многим звездам, что, следовательно, мы узнаем применительно к тем же самым небесным светилам, другие различные и важные элементы и что теория уже совершенно готова для того, чтобы вывести из этих первых основных данных такие данные, как их масса и т. д. Но выше установленное важное различие отнюдь не будет тем самым затронуто. Даже если однажды нам удастся полностью изучить относительные движения некоторых сложных звезд, это познание, которое было бы, впрочем, очень ценным, особенно

если оно могло относиться к группе, часть которой, возможно, составляет наше Солнце, мы, очевидно, остались бы очень далеки от настоящего знания о мироздании, которое неизбежно должно всегда от нас ускользать.

* Вот ограничение, против которого невозможно протестовать, так как оно ни в коей мере не произвольно, не абсолютно и не навязывает уму запрет проникать в безмерные и неведомые регионы. Оно вытекает из ограниченной природы самого предмета и содержит то простое предостережение, что, сколь бы далеко ни смог проникнуть ум, он никогда не сможет ни исчерпать этот предмет, ни достигнуть границы или конца безмерности на том простом основании, что эта граница и этот конец не существуют.

«Во всех разделах наших исследований и во всех значительных отношениях существует постоянная и необходимая гармония между объемом наших умственных потребностей и действительным, настоящим и будущим, пределом наших действительных знаний»*. Эта гармония, что я должен отметить применительно ко всем явлениям, отнюдь не представляется, как пытались это утверждать вульгарные философы, результатом и признаком конечной причины**. Она вытекает просто из очевидной необходимости: мы жаждем знать только то, что может действовать на нас более или менее прямо***; а с другой стороны уже потому, что такое влияние существует, оно рано или поздно становится для нас достоверным средством познания****. В настоящем случае это отношение проверяется замечательным образом. Самое совершенное, насколько это возможно, изучение солнечной системы, часть которой мы составляем, представляет для нас капитальный интерес, и поэтому мы стремились придать ему замечательную точность. Если, напротив, точное познание мироздания представляется для нас по необходимости запретным, то очевидно, что оно не дает нам ничего, кроме того, что оно дает нашей неутолимой любознательности в полном смысле этого слова*****. Повседневное применение астрономии доказывает, что внутренние явления каждой солнечной системы, которые только и могут затрагивать ее обитателей, по сути дела независимы от более общих явлений, относящихся ко взаимодействию солнц, подобно тому как наши метеорологические явления соотносятся с планетарными явлениями*****. Наши таблицы небесных событий, составленные намного вперед, не принимающие во внимание во вселенной никакого другого мира, кроме нашего, до сих пор строго согласуются с прямыми наблюдениями при некоторых небольших уточнениях, которые мы вносим в них сегодня. Эта столь явная независимость оказывается, впрочем, вполне объяснимой безмерной диспропорцией, которая, как мы знаем, несомненно существует между расстояниями от солнц до солнц и небольшими расстояниями между нашими планетами*****. Если планеты, лишенные атмосферы, такие, как Меркурий, Венера, Юпитер и т. д., на самом деле обитаемы, что весьма правдоподобно, мы можем рассматривать их обитателей как своего рода наших сограждан, так как из такого рода общей родины по необходимости должна вытекать некоторая общность мыслей и даже интересов*****, тогда как обитатели других солнечных систем должны нам представляться совершенно чуждыми*****.

* Но так как объем умственных потребностей человека, рассматриваемого не в качестве отдельного индивида, ни даже в качестве нынешнего поколения, но в качестве прошлого, настоящего и будущего человечества, безграничен, действительный предел человеческих знаний в бесконечном будущем также безграничен.

** Вот одна из тех оплеух господу Богу, которыми полна книга Огюста Конта.

*** Это значит, что мы жаждем знать всё. Число вещей, действующих прямо на «я», всегда очень мало. Но те вещи, которые представляются по отношению ко мне действующими прямо, существуют и, следовательно, также действуют на «я» лишь потому, что они сами подчинены прямому действию других вещей, которые действуют прямо на них и через них косвенно на «я». Я жажду познать вещи, оказывающие на «я» прямое действие; но для того, чтобы познать их, у меня должно появиться желание познать вещи, действующие на них, и так далее до бесконечности. Отсюда следует, что я должен знать всё.

**** Отсюда я делаю логический вывод о том, что никакой мир, каким бы удаленным и невидимым он ни был, не закрыт совершенно для знаний человека.

***** Возможно, Огюст Конт хочет тем самым сказать, что это знание не имеет для нас прямого практического значения и что оно может оказывать влияние лишь очень косвенно и очень слабо на устройство нашего материального существования на земле; ибо эта неутолимая любознательность человеческого разума есть нравственная сила, которой человек отличается от остального животного мира, может быть, больше, чем-либо другим, и, следовательно, ее удовлетворение представляется очень важным для триумфа человечности.

***** Но эта независимость далека от того, чтобы быть безусловной; ибо достаточно того, чтобы наша планета немного изменила свое положение по отношению к нашему Солнцу, чтобы все метеорологические явления на Земле значительно изменились; это произошло бы несомненно так и с нашей планетарной системой, если бы наше Солнце заняло новое положение по отношению к другим солнцам.

***** Но поскольку эта диспропорция не абсолютна, а лишь относительна, из этого следует, что независимость нашей солнечной системы по отношению к другим солнцам также лишь относительна. Это значит, что, если мы возьмем для измерения времени жизнь одного поколения или даже несколько веков, ощутимый эффект определенной зависимости, в которой наша солнечная система находится по отношению ко вселенной, окажется абсолютно ничтожным.

***** Общность мыслей всегда подразумевает общность интересов.

***** Опять в относительном смысле слова: более чуждыми, но не совершенно чуждыми. Признаем, что как одни, так и другие, если они только существуют, примерно одинаково чужды нам, так как мы не знаем, а возможно, никогда не сможем вполне удостовериться в том, существуют ли они.

Нужно, следовательно, более глубоко, чем это обычно привыкли делать, отделять солярную точку зрения и общемировую точку зрения, идею мира (включающую исключительно первую точку зрения) и идею вселенной; первая точка зрения – это самая высокая точка, которой мы могли бы достичь, и поэтому она – единственная, которая по-настоящему нас интересует. Вот почему, не отказываясь полностью от надежды получить некоторые звездные познания, следует считать, что положительная астрономия заключается по существу в

геометрическом и механическом знании о небольшом числе небесных тел, составляющих мир, часть которого мы составляем»*.

* Auguste Comte. Cours de philosophic positive, 2-e ed., t. II, pp. 10-12.

Но если положительная наука, то есть серьезная наука, единственно достойная такого названия и основанная на наблюдении действительных фактов, а не на воображении об иллюзорных фактах, должна отказаться от действительного или более или менее удовлетворительного знания о вселенной с астрономической точки зрения, то на гораздо большем основании она должна от этого отказаться под углом зрения физических, химических и органических отношений. «Наше искусство наблюдения, – говорит далее Огюст Конт, – включает в общем три различных способа: 1) наблюдение в собственном смысле слова, то есть прямое изучение явления таким, как оно естественно представляется; 2) эксперимент, то есть созерцание явления, более или менее измененного искусственными обстоятельствами, которые мы создаем только с целью более совершенного исследования; 3) сравнение, то есть постепенное рассмотрение ряда аналогичных случаев, в которых явления все более и более упрощаются. Наука об организованных телах, изучающая явления на более трудной доступности, есть единственная наука, которая позволяет по-настоящему объединить эти три средства.

Астрономия, напротив, по необходимости ограничена первым средством. Эксперимент здесь, очевидно, невозможен; а что касается сравнения, то оно могло бы существовать лишь в случае, если бы мы могли прямо наблюдать несколько солнечных систем, что невозможно. Остается, значит, простое наблюдение малейшего возможного объема, так как оно может относиться лишь к одному из наших чувств (к зрению). Измерение углов и подсчет истекшего времени – таковы единственные средства, с которыми наш разум может приступить к открытию законов, которые управляют небесными явлениями» (том II, стр. 13-14).

Очевидно, что для нас будет всегда невозможно не только проводить эксперименты на физических, химических, геологических и органических явлениях, происходящих на различных планетах нашей солнечной системы, не говоря уже о других системах, и проводить сравнения их соответствующих проявлений, но также наблюдать их и устанавливать их действительное существование, что означает, что мы должны отказаться от того, чтобы получить о них знание, которое лишь несколько приближается к знанию, « которому мы можем и должны прийти применительно к явлениям нашего земного шара. Недоступность вселенной для нас – не абсолютна; но ее доступность по сравнению с доступностью нашей солнечной системы и еще более по сравнению с доступностью нашего земного шара – столь мала, что она почти походит на абсолютную недоступность.

С практической точки зрения нам кажется, что мы выигрываем очень мало от того, что вселенная не представляется абсолютно недоступной. Но с точки зрения теории выигрыш огромен. А если он безмерен для теории, то, как следствие, он становится безмерным также для социальной практики человечества, так как всякая теория рано или поздно претворяется в человеческие учреждения и человеческие факты. В чем же в таком случае заключается интерес и теоретическая выгода от идеи не-недоступности Вселенной?

В том, что господь Бог, Абсолют так же изгнан из Вселенной, как он изгнан с нашего земного шара.

Раз Вселенная для нас немного доступна, хотя бы даже в бесконечно малой мере, она должна иметь природу, подобную природе нашего известного мира. Ее недоступность отнюдь не обусловлена различием в природе, но исключительной материальной удаленностью этих миров, что делает невозможным наблюдение за их явлениями. Материально удаленные от нашего земного шара, эти миры так же представляются исключительно материальными, как и земной шар. Материальные и материально ограниченные нашей солнечной системой, эти бесконечные неизвестные миры по необходимости находятся в непрерывных отношениях действия и взаимного противодействия между собой и с солнечной системой. Они рождаются, они существуют, они погибают и поочередно преобразуются в лоне бесконечной мировой Причинности так же, как рождается, существует и рано или поздно несомненно погибнет наш солярный мир, и основные законы этого происхождения или этого материального превращения должны быть одинаковыми, но несомненно измененными в соответствии с бесконечными обстоятельствами, которые, возможно, дифференцируют развитие каждого отдельно взятого мира. Но природа этих законов и их проявления должна быть одинаковой по причине того действия и постоянного противодействия, которое вечно происходит между ними. Таким образом, не имея нужды в пересечении непересекаемых пространств, мы можем изучать всеобщие законы миров в нашей солнечной системе, которая, будучи продуктом, должна содержать их все в самой себе и – еще ближе – на нашей собственной планете, на земном шаре, который есть ближайший продукт нашей солнечной системы. Значит, изучая и распознавая законы Земли, мы можем быть уверены в том, что одновременно изучаем и распознаем законы вселенной.

Теперь мы можем перейти прямо к частностям: наблюдать их, экспериментировать с ними и сравнивать их. Сколь бы ограниченным по сравнению со Вселенной ни был наш земной шар, он также представляется бесконечным миром. В этом отношении можно сказать, что наш мир в самом узком смысле этого слова, наша Земля, так же недоступна, то есть неисчерпаема. Никогда наука не дойдет до последней границы и не скажет своего последнего слова. Должно ли это нас приводить в отчаяние? Напротив, если бы задача была ограниченной, она скоро расхолодила бы ум человека, который, что бы мы ни говорили и что бы ни делали, всегда чувствует себя счастливым лишь тогда, когда он может нарушить и пересечь границу. И к большому счастью для него, наука о природе такова, что чем более ум пересекает в ней границы, тем более он приближается к новым границам, которые провоцируют его неутолимую любознательность.

Есть одна граница, которую научный ум никогда не сможет пересечь полностью, – это как раз то, что г-н Литтре называет сокровенной природой или сокровенной сущностью вещей и что метафизики школы Канта называют вещь сама по себе (*das Ding an sich*). Я уже сказал, что это выражение столь же ложно, как и опасно, так как, исключая по видимости из сферы науки абсолют, оно восстанавливает его, подтверждает его как действительное сущее. Когда я говорю, что во всех существующих, самых обыкновенных, самых известных, включая самого себя, вещах есть внутренняя, недоступная, вечно неизвестная сущность, которая как таковая остается по необходимости вне и абсолютно независимой от их феноменального

существования и от многочисленных связей относительных причин и относительных следствий, которые определяют и координируют все существующие вещи, устанавливая между ними своего рода постоянно воспроизводимое единство, я тем самым утверждаю, что весь этот феноменальный мир, мир видимый, чувственный, известный, – это своего рода внешняя оболочка, скорлупа, внутри которой скрывается, как ядро, безотносительная, недетерминированная сущность, Абсолют. Как видно, г-н Литтре, вероятно даже по причине своего глубокого презрения к метафизике, сам остается в сфере метафизики, подобной метафизике Канта, которая, как известно, теряется в тех антиномиях, или противоречиях, которые она полагает непримиримыми и неразрешимыми: противоречиями конечного и бесконечного, внешнего и внутреннего, относительного и абсолютного и т. д. Ясно, что, изучая мир, опираясь на идефикс о неразрешимости этих категорий, которые кажутся, с одной стороны, абсолютно противоположными, а с другой – столь тесно, столь абсолютно связанными, что нельзя думать об одной, не думая в то же время о другой, – ясно, как я сказал, что, подходя к существующему миру с таким метафизическим предрассудком в голове, мы всегда окажемся неспособными понять что-либо в природе вещей. Если бы французские позитивисты захотели познакомиться с драгоценной критикой, которой Гегель в его Логике, представляющей несомненно одну из самых глубоких книг, написанных в нашем столетии, подверг все эти кантовские антиномии, они разуверились бы в этой мнимой невозможности познать внутреннюю природу вещей. Они поняли бы, что во внутреннем любой вещи действительно не может быть природы, которая не проявлялась бы в ее внешнем, или, как сказал Гёте, отвечая какому-то немецкому поэту, утверждавшему, что «никакой сотворенный ум не мог проникнуть во внутреннее Природы» (In's Innere der Natur dringt kein erschaffener Geist):

Вот уже двадцать лет я слышу, как это повторяют,

И как я на это ругаюсь, но тайно.

Природа не имеет ни ядра, ни скорлупы;

Она есть все это одновременно.

Schon zwanzig Jahre hör' ich's wiederholen,

Und fluche drauf, aber verstohlen.

Natur hat weder Kern noch Schale;

Alles 1st sie auf einem Male.

Я прошу читателя извинить меня за эту длинную диссертацию о природе вещей. Но речь идет об интересе высшего порядка, о заинтересованности в действительном и полном исключении, конечном уничтожении абсолюта, который уже не довольствуется только тем, что прогуливается, как жалкий призрак, по краю нашего видимого мира, в бесконечной безмерности пространства, но который, одобряемый совершенно кантианской метафизикой позитивистов, стремится исподтишка внедриться в сущность всех известных вещей, в нас самих и водрузить свое знамя даже в лоне нашего земного мира.

Сокровенное внутреннее вещей, говорят позитивисты, нам недоступно. Что они понимают под словами сокровенное внутреннее вещей? Чтобы для нас была ясность в этом пункте, процитирую фразу г-на Литтре полностью:

«Физик, мудро убежденный отныне в том, что сокровенное внутреннее вещей для него закрыто, не отвлекает свое внимание на того, кто спрашивает, почему тела теплые или тяжелые; он понапрасну этого не искал и не будет его больше искать. Таким же образом в сфере биологии нет места для вопроса, почему живая субстанция образуется в формах, при которых система ее органов с большей или меньшей точностью приведена в соответствие с целью, с функцией. Такая юстировка – одно из имманентных свойств этой субстанции, как питание, сокращение, ощущение, мышление. Этот взгляд, распространенный на все пертурбации, без труда все их обнимает; и ум, который перестал стремиться к невозможному примирению фатализма с финализмом, не находит более ничего, что было бы неинтеллигибельного, то есть противоречивого, в том, что для него отдельно от мира (стр. XXV-XXVI).

Перед нами несомненно этот очень удобный способ философствования и верное средство избежать всех возможных противоречий. Вас спрашивают о явлении: почему это так? И вы отвечаете: потому что это так. После этого не остается ничего, кроме только одного: установить действительность явления и его порядок сосуществования или последовательности относительно других более или менее связанных с ним явлений; удостовериться путем наблюдения и эксперимента, что это сосуществование и эта последовательность воспроизводятся в одинаковых обстоятельствах всегда и везде и, убедившись в этом, обратить их в общий закон. Я полагаю, что ученые-специалисты должны поступать таким образом; если они поступают по-другому, если они включают свои собственные идеи в порядок фактов, положительная философия очень рисковала бы иметь в качестве основы для суждений лишь более или менее искусные фантазии, но не факты. Но я не думаю, что философ, желающий понять порядок фактов, мог бы удовлетвориться столь малым. Я знаю, что понять – очень трудно, но это необходимо, если мы хотим развивать серьезную философию.

Человеку, который спросил бы меня: каковы происхождение и субстанция материи вообще, или, лучше сказать, совокупности материальных вещей, Вселенной, я не мог бы ответить доктринерски и таким двусмысленным образом, что он мог бы заподозрить меня в теологизме: происхождение и сущность материи для нас недоступны. Я его сначала спросил бы, о какой материи он хочет говорить. Только о совокупности сложных или простых материальных вещей, составляющих наш земной шар и нашу солнечную систему в ее наибольшем объеме, или же о всех известных и неизвестных телах, бесконечная и неопределенная совокупность которых образует Вселенную?

Если речь идет о первом, то я сказал бы ему, что материя нашего земного шара несомненно имеет происхождение, так как была столь отдаленная эпоха, что ни он, ни я не можем высказать о ней какую-либо мысль, но была определенная эпоха, когда наша планета не существовала. Я сказал бы ему, что она родилась во времени и что нужно искать происхождение нашей планетной материи в материи нашей солнечной системы. Но я сказал бы, что сама наша солнечная система, не будучи ни абсолютным, ни бесконечным, но очень

ограниченным, описанным миром, который, следовательно, существует лишь посредством своих бесконечных и действительных отношений действия и взаимного противодействия с бесконечностью подобных миров, не может быть вечным миром. Несомненно, что, разделяя судьбу всего того, что обладает определенным и действительным существованием, эта система должна будет однажды, может быть через несколько миллионов миллионов веков, исчезнуть и что, как и наша планета, но несомненно до нее, она должна была иметь начало во времени; отсюда следует, что происхождение солнечной материи нужно искать в мировой материи.

А если теперь меня спросят, каково происхождение мировой материи, материи той бесконечной совокупности миров, которую мы называем бесконечной вселенной, я ответил бы, что в этом вопросе содержится бессмыслица, что этот вопрос побуждает меня дать, если так можно выразиться, нелепый ответ, который хотели бы услышать от меня. Этот вопрос сводится к следующему: было ли время, когда мировая материя, бесконечная вселенная, абсолютное и единое Сущее не были? Когда была лишь идея, по необходимости божественная идея, Бог, который, будучи на протяжении бесконечной в прошлом вечности Богом праздным, или Богом бессильным, Богом незаконченным, по странному капризу подумал вдруг и почувствовал в какой-то данный момент, в определенную во времени эпоху, силу и волю создать Вселенную? Когда существовал Бог, который, будучи на протяжении вечности Богом не-творцом, стал неизвестно по какому чуду внутреннего развития Богом-творцом?

Все это по необходимости содержится в вопросе о происхождении мировой материи. Даже допуская на мгновение нелепость Бога-творца, мы поневоле приходим к признанию вечности Вселенной. Бог – есть Бог только потому, что он предполагает быть абсолютно совершенным; но абсолютное совершенство исключает всякую идею, всякую возможность развития. Бог есть Бог только потому, что его природа неизменна. То, что он есть сегодня, тем он был вчера и тем будет завтра. Он – бог-творец и всемогущий бог сегодня, значит, он таким был испокон веков; значит, не в определенную эпоху, а испокон веков он сотворил миры, Вселенную. Значит, Вселенная – вечна. Но, будучи вечной, она не была сотворена, и, значит, не было никогда Бога-творца.

В идее Бога-творца противоречие состоит в том, что всякое творение, всякая заимствованная из человеческого опыта идея и факт предполагают эпоху, определенную во времени, тогда как идея Бога подразумевает вечность; отсюда вытекает очевидная нелепость. Такое же рассуждение приложимо также к нелепости Бога—распорядителя и законодателя миров. Одним словом, идея Бога не выдерживает ни малейшей критики. Но если Бог падает, что остается? Вечность бесконечной вселенной.

Вот истина, относящаяся к абсолюту и носящая тем не менее характер абсолютной достоверности: Вселенная – вечна и никогда не была никем сотворена. Эта истина очень важна для нас, так как она раз и навсегда сводит к ничто вопрос о происхождении мировой материи, который г-н Литтре находит столь трудным для решения, и в тоже время в корне уничтожает идею абсолютного духовного, пред существующего или сосуществующего, бытия, идею Бога.

В познании абсолюта мы можем сделать шаг вперед, вполне сохраняя гарантию абсолютной достоверности.

Напомним, что есть истинная вечность, вечность существования мира. Нам очень трудно это вообразить, настолько самая отвлеченная идея вечности с трудом укладывается в наших бедных, увы, столь кратковременно существующих головах. Тем не менее несомненно, что это – неопровержимая истина, которая навязывается с абсолютной необходимостью нашему уму. Ничто не позволяет нам не принять ее. Но если господь Бог откладывается про запас, перед нами возникает второй вопрос: существовала ли в предшествующей настоящему моменту зияющей и бесконечной вечности определенная во времени эпоха, когда впервые началась организация мировой материи, или Сущего, в отдельные и организованные миры? Было ли время, когда вся мировая материя могла остаться в состоянии материи, способной к организации, но еще не организованной?

Предположим, что прежде, чем мировая материя смогла спонтанно организовать в отдельные миры, она должна была пройти огромное, неизвестное множество предварительных превращений, о чем мы никогда не смогли бы составить какую-либо даже самую смутную идею. Эти превращения могли занять время, которое своей относительной безмерностью превышает все, что мы можем вообразить. Но так как в данном случае речь идет о материальных проявлениях, а не о проявлениях неизменного абсолюта, это время, каким бы необъятным оно ни было, по необходимости было определенным временем и как таковое бесконечно меньшим, чем вечность. Назовем x время, которое истекло с предполагаемого первого формирования во вселенной миров и до настоящего времени; назовем y все время, в течение которого длились предварительные проявления мировой материи, прежде чем она смогла сорганизоваться в отдельные миры; $x+y$ представляют период времени, которое, каким бы относительно безмерным оно ни было, есть тем не менее определенная величина и, следовательно, бесконечно меньшая вечности. Назовем z их сумму ($x+y=z$); значит, позади z остается еще вечность. Расширьте x и y , насколько вам захочется, умножьте и то и другое на самые большие цифры, которые вы могли бы представить или написать своим самым убористым почерком на такой длинной линии, как расстояние от Земли до самой удаленной видимой звезды; вы увеличите z в той же пропорции, но чтобы вы ни делали, для того чтобы увеличить z , каким бы безмерным ни становилось это значение, оно всегда будет меньше, чем вечность, оно всегда будет иметь позади себя вечность. К какому выводу это вас подтолкнет?

К выводу о том, что на протяжении вечности мировая материя – та материя, лишь спонтанное действие которой могло сотворить, организовать миры, поскольку, как мы видели, исчез божественный призрак, творец и распорядитель, – оставалась инертной, без движения, без предварительного проявления, без действия и что затем, в какой-то данный и определенный момент, она, оставаясь в вечности, вдруг, без всякого основания, не побуждаемая никем извне ее, ни самой собой, начала приходить в движение, проявляться, действовать без какой-либо будь то внешней или внутренней причины. Это была бы столь же очевидная бессмыслица, как и бессмыслица Бога-творца. Но вы вынуждены принять эту бессмыслицу, если предположите, что организация миров во Вселенной имела какое-либо определенное начало, каким бы безмерно отдаленным ни представлялось вами в данный момент это начало. Отсюда с безусловной очевидностью следует, что организация

Вселенной, или мировой материи, в отдельные миры так же вечна, как ее бытие.

А вот и вторая абсолютная истина, представляющая полные гарантии совершенной достоверности. Вселенная – вечна, и ее организация – также вечна. И в этой бесконечной вселенной нет ни малейшего места для господа Бога! Это уже много, не правда ли? Но посмотрим, не сможем ли мы сделать вперед еще и третий шаг.

Вселенная вечно организована в бесконечность отдельных миров, остающихся вне друг друга, но вместе с тем сохраняющих необходимые и постоянные отношения друг с другом. Это то, что Огюст Конт называет взаимодействием солнц, взаимодействием, которое никто не сможет подвергнуть опыту и которое можно только наблюдать; но сам знаменитый основатель положительной философии, столь строгий по отношению ко всему, что носит характер неповеряемой гипотезы, говорит об этом тем не менее как о положительном факте, который не может быть предметом какого-либо сомнения. И он говорит так об этом потому, что этот факт действительно, сам и с абсолютной необходимостью навязывается человеческому уму, как только этот ум освободился от оупляющего ига божественного призрака.

Взаимодействие солнц по необходимости вытекает из их отдельного существования. Сколь бы безмерными они ни могли быть, даже если предположить, что действительная безмерность самых больших из них превышает все, что мы можем представить в качестве протяженности и величины, все они представляются не менее определенными, относительными, конечными сущими, и как таковые все они не могут нести исключительно в самих себе причину и основу их собственного существования, каждая из них существует и может существовать лишь посредством их постоянных связей или их прямых или косвенных взаимных действий или противодействий со всеми остальными солнцами. Это бесконечное сцепление постоянных действий и противодействий составляет действительное единство бесконечной Вселенной.

Но это мировое единство не существует в своей бесконечной полноте как конкретное и действительное единство, которое на самом деле содержит все безграничное количество миров с неисчерпаемым богатством их проявлений; оно не существует, говорю я, и не проявляется как таковое ни для кого. Оно не может существовать для Вселенной, которая, будучи сама лишь собирательным единством, вечно слагающимся из взаимодействия отдельных миров в безграничной безмерности пространства, не имеет никакого органа для его понимания; и оно не может существовать ни для кого вне Вселенной, так как вне Вселенной нет ничего. Как одновременно необходимая и отвлеченная идея оно существует лишь в сознании человека.

Эта идея – последняя степень положительного знания, момент, в котором сходятся положительность и абсолютная отвлеченность. Еще один шаг в этом направлении, и вы впадете в метафизическую и религиозную фантазмагорию. Следовательно, под страхом бессмыслицы запрещается основывать что-либо на этой идее. Как конечная граница человеческого знания, она не может служить ему основанием.

Важное и последнее определение, вытекающее не из этой идеи, но из факта существования бесконечного множества отдельных миров, постоянно оказывающих друг на друга взаимное действие, которое, собственно, и образует существование каждого из них, состоит в том, что ни один из этих миров не вечен, что все они имели начало и у всех у них будет конец, сколь бы отдаленным ни было одно и сколь бы отдаленным ни должно быть другое. В лоне этой мировой причинности, которая составляет вечное и единое сущее, вселенную, миры рождаются, формируются, существуют, оказывают действие, соответствующее своему бытию, затем дезорганизуются, умирают или превращаются, как это происходит с самыми малыми из вещей на Земле. Значит, повсюду – один и тот же закон, один и тот же порядок, одна и та же природа. Мы никогда не сможем ничего узнать за этими пределами. Несметное число превращений, которые совершались в вечном прошлом, несметное число других превращений, которые совершаются даже в данный момент в безмерности пространства, вечно останутся для нас неизвестными. Но мы знаем, что повсюду – одна и та же природа, одно и то же сущее. Пусть этого будет для нас достаточно!

Значит, мы не будем больше задаваться вопросом, каково происхождение мировой материи, или, лучше сказать, Вселенной, рассматриваемой как тотальность бесконечного числа отдельных более или менее организованных миров, так как этот вопрос предполагает нонсенс, творение и так как мы знаем, что Вселенная вечна. Но мы могли бы спросить, каково происхождение нашего солярного мира, так как мы с уверенностью знаем, что он рожден, что он сформировался в определенную эпоху, во времени. Но как только мы поставим этот вопрос, мы тотчас должны будем признать, что у него нет для нас возможного решения. Распознать происхождение вещи – значит распознать все причины или же все вещи, одновременное и последовательное, прямое и косвенное действие которых породило ее. Очевидно, что для того, чтобы определить происхождение нашей солнечной системы, мы должны были бы знать до конца не только все бесконечное число миров, которые существовали в эпоху ее рождения и собирательное, прямое или косвенное, действие которых породило ее, но также все прошлые миры и все мировые действия, которыми были порождены сами эти миры. Достаточно сказать, что происхождение нашей солнечной системы теряется в бесконечном пространстве, вечной в прошлом цепи причин и действий, и что, следовательно, каким бы действительным или материальным ни было это происхождение, мы никогда не сможем его определить.

Но если для нас невозможно распознать совершившееся в вечном прошлом и в безграничной безмерности пространства происхождение нашей солнечной системы или же неопределенную сумму причин, комбинированное действие которых породило ее и будет продолжать ее всегда воспроизводить до тех пор, пока она в свою очередь не исчезнет, мы можем исследовать это происхождение или эти причины в их действии, то есть в. наличной действительности нашей солнечной системы, которая занимает в бесконечном пространстве ограниченный и, следовательно, определимый, если еще не определенный, объем. Ибо заметьте, что причина есть причина, лишь пока она осуществляется в своем действии. Причина, которая не могла бы претвориться в действительный продукт, была бы причиной воображаемой, не-сущей; отсюда следует, что всякая вещь, поскольку она по необходимости порождена неопределенной суммой причин, содержит в самой себе действительное сочетание¹ всех этих причин и в действительности есть не что иное, как действительное сочетание всех породивших ее причин. Это сочетание – это все ее

действительное бытие, ее сокровенная сущность, ее субстанция.

Вопрос относительно субстанции мировой материи, или Вселенной, заключает в себе, следовательно, нелепое предположение: предположение о происхождении, о первопричине миров, или о Творении. Так как всякая субстанция есть не что иное, как эффективное осуществление неопределенного числа причин, сочетающихся в одном общем действии, то для того, чтобы объяснить субстанцию Вселенной, нужно было бы искать ее происхождение или ее причины, а Вселенная их не имеет, потому что она вечна. Всеобщий мир есть – абсолютное, единое и верховное Сущее, вне которого ничто не могло бы существовать; но как в таком случае дедуцировать это Сущее из чего-то?

Мысль о том, чтобы подняться над единым Сущим или стать вне его, подразумевает Ничто, и нужно было бы иметь возможность сделать это для того, чтобы вывести начальную субстанцию, которая не была бы в нем, которая не была бы им самим. Все, что мы можем сделать, – это установить сначала это единое и верховное Сущее, которое навязывается нам с абсолютной необходимостью, затем изучить его действия в мире, который нам действительно доступен; сначала в нашей солнечной системе, но затем и особенно на нашем земном шаре.

Раз субстанция вещи есть не что иное, как действительное сочетание или осуществление всех причин, которые ее породили, то очевидно, что, если бы мы могли распознать субстанцию нашего солярного мира, мы распознали бы сразу все его причины, то есть всю бесчисленность миров, комбинированное, прямое или косвенное действие которых осуществилось в ее творении, – мы познали бы Вселенную.

Но тут мы вступаем в порочный круг: для того, чтобы распознать всеобщие причины солярного мира, мы должны распознать их субстанцию, а для того, чтобы распознать последнюю, мы должны были бы распознать все эти причины. Из этой трудности, которая на первый взгляд кажется неразрешимой, есть, однако, выход, и вот какой: сокровенная природа, или субстанция, вещи не распознается только по сумме или сочетанию всех породивших ее причин, она распознается равным образом по сумме ее различных проявлений или всех действий, которые она оказывает вовне.

Любая вещь существует лишь тогда, когда она делает: ее дело, ее внешнее проявление, ее постоянное и многократное действие на все вещи, которые находятся вне ее, – это полная экспозиция ее природы, ее субстанции, или того, что метафизики и г-н Литтре вместе с ними называют ее сокровенным сущим. Она не может иметь ничего в том, что называют внутренним, что не проявилось бы в ее внешнем, одним словом, ее действие и ее бытие суть одно.

Можно было бы удивляться тому, что я говорю о действии всех вещей, даже самых инертных по видимости, если привыкнуть связывать смысл этого слова только с актами, которые сопровождаются видимым, несомненным волнением, внешними движениями и особенно движениями животного или человеческого сознания того, кто действует. Но собственно говоря, в природе нет ни одной точки, которая была бы когда-либо в покое, так как каждая из них в каждый момент находится в бесконечно малом соучастии со всякой

другой точкой и возбуждается постоянными действиями и противодействиями. То, что мы называем неподвижностью, покоем, есть лишь грубая видимость, совершенно относительные понятия. В природе все есть движение и действие: быть не означает ничего иного, как делать. Все, что мы называем свойствами вещей, свойствами механическими, физическими, химическими, органическими, животными, человеческими – суть не что иное, как различные способы действия. Любая вещь есть определенная и действительная вещь лишь при посредстве свойств, которыми она обладает; а она обладает ими лишь постольку, поскольку она их проявляет, так как эти свойства определяют ее отношения с внешним миром, то есть ее различные способы действия на внешний мир; отсюда следует, что каждая вещь действительна лишь постольку, поскольку она проявляется, действует. Сумма ее различных действий – в этом все ее бытие*.

* Это – всеобщая истина, которая не допускает никаких исключений и которая прилагается также к неорганическим, по видимости самым инертным вещам, к самым простым телам, а также к самым сложным организациям: к камню, к простому химическому телу, а также к гениальному человеку и всем умственным и общественным вещам. У человека в его внутреннем мире действительно есть лишь то, что каким-то образом проявляется в его внешнем. Эти так называемые непризнанные гении, эти надменные и самовлюбленные умы, которые вечно жалуются на то, что им никогда не удастся продемонстрировать сокровища, которые, как им кажется, они несут в себе, на самом деле всегда суть самые жалкие по отношению к своему сокровенному бытию индивиды: ничего подобного в самих себе они не несут. Возьмем, к примеру, гениального человека, который умрет в момент вступления в возраст полной возмужалости и который унесет в могилу, как обычно говорят, самые возвышенные, навсегда потерянные для человечества концепции. Это пример, который, как кажется, доказывает всю противоположность этой истины; это – очень реальное, очень серьезное сокровенное бытие, которое совсем не могло бы проявиться. Но присмотримся поближе к этому примеру, и мы увидим, что в нем содержатся лишь преувеличения или совершенно ложные суждения.

Во-первых, что такое гениальный человек? Это индивидуальная природа, которая в одном или нескольких отношениях, с человеческой, умственной и нравственной точек зрения, гораздо лучше организована, чем у заурядных людей; это высшая организация, сравнительно намного более совершенный инструмент.

Мы не оставили камня на камне от врожденных идей. Никто из людей при рождении не приносит с собой никакой идеи. Все, что человек приносит, – это более или менее значительная естественная и формальная способность постигать идеи, которые он находит готовыми либо в собственной социальной среде, либо в чуждой среде, которая, однако, тем или другим образом вступает с нею в связь; сначала – постигать, затем – воспроизводить их посредством совершенно формальной работы его собственного мозга и иногда придавать им посредством этой внутренней работы новое развитие, новую форму и новый объем. Только в этом заключается творчество самых великих гениев. Следовательно, никто не приносит с собой сокровенного клада. Ум и сердце самых великих гениальных людей рождаются ничтожными, как их тела нагими. То, что рождается с ними, – это прекрасный инструмент, несвоевременная потеря которого есть несомненно большое несчастье; ведь очень хорошие инструменты особенно в современной социальной организации, в

организации с современной гигиеной, – очень редки. Но то, что человечество теряет вместе с ними, – это не какое-либо действительное содержание, это их возможность сотворить нечто.

Для того чтобы судить о том, чем могут быть эти мнимые врожденные сокровища и сокровенное бытие природы гения, представьте, что эту природу с самого раннего детства поместили на необитаемый остров. Если предположить, что она не погибнет, то чем он станет? Диким животным, которое ходит поочередно то на своих нижних конечностях, то на четырех лапах, как обезьяны, которое живет жизнью и мыслью обезьян, которое, как и они, выражается не словами, а звуками, которое, следовательно, оказывается неспособным мыслить и даже глупее последней из обезьян: ведь эти последние, живя в обществе, до некоторой степени развиваются, тогда как наша гениальная натура, поскольку она не поддерживает никаких отношений с себе подобными существами, по необходимости осталась бы идиотской.

Возьмите ту же самую гениальную натуру в двадцатилетнем возрасте, когда она уже значительно развилась благодаря социальным сокровищам, которые она заимствовала из своей среды и которые она выработала и воспроизвела в самой себе вместе с той способностью или той совершенно формальной силой, которой одарила ее природа. Перенесите ее в пустыню и заставьте ее жить там в течение двадцати или тридцати лет вне всяких человеческих отношений. Чем станет она? Безумцем, мистическим дикарем, возможно, основателем какой-нибудь новой религии; но не одной из тех великих религий, которые в прошлом обладали мощью глубоко волновать народы и двигать их вперед в соответствии с методом, присущим религиозному духу. Нет, он изобретет какую-то уединенную, мономанную и в то же время бессильную и смешную религию.

Что это значит? Это значит, ни у кого из людей, даже у самого могучего гения, нет в сущности никаких собственных сокровищ; но что все то, что он распространяет с широкой щедростью, было им заимствовано у того самого общества, которому он их по видимости позднее отдает. Можно даже сказать, что в этом отношении гениальные люди – это как раз те люди, которые больше берут от общества и которые, следовательно, должны ему больше.

Самый счастливо одаренный природой ребенок довольно долго остается, не оформив в себе видимость того, что можно было бы назвать его сокровенным бытием. Известно, что всякое умственное бытие детей сначала направлено исключительно вовне; сначала они – целиком во впечатлении и наблюдении; лишь только тогда, когда в них рождается начало рефлексии и самообладания, то есть воли, они начинают овладевать внутренним миром, сокровенным бытием. Для большинства людей этой эпохой датируется воспоминание о самих себе. Но со своего рождения это сокровенное бытие никогда не остается исключительно внутренним; по мере того как оно развивается, оно полностью проявляется вовне и выражается поступательными изменениями всех отношений ребенка с окружающими его людьми и вещами. Эти многочисленные, часто неуловимые отношения, которые по большей части проходят незамеченными, суть действия, которыми рождающаяся и возрастающая относительная автономия ребенка воздействует на внешний мир; это – хотя и незамедленные, но очень реальные действия, тотальность которых выражает в любой

момент жизни ребенка все его сокровенное бытие; они теряются в массе человеческих отношений, которые все вместе составляют действительность социальной жизни, оставляя на этих отношениях свои хотя бы слабые следы или свое влияние.

То, что я сказал о ребенке, верно также в отношении юноши. Его отношения умножаются по мере того, как развивается его сокровенное бытие, то есть инстинкты и движения животной жизни, а также его человеческие мысли и чувства, и всегда все его сокровенное бытие проявляется в тотальности его отношений с внешним миром либо в положительной форме, например в форме притяжения и сотрудничества, либо отрицательно, в виде бунта и отталкивания. Ничто из действительно существующего не может остаться, если оно не проявилось полностью из себя вовне, как у людей, так и в самых инертных и наименее демонстративных вещах. Примером может служить история цирюльника царя Мидаса: не смея сообщить никому свой страшный секрет, он доверил его земле, а земля его разгласила, и, как только это произошло, стало известно, что у царя Мидаса ослиные уши. Для людей, как и для всего того, что существует, действительно существовать – значит только проявляться.

А теперь доведем до конца дело с предложенным примером: молодой гениальный человек умирает в двадцатилетнем возрасте, в момент, когда он совершал какое-то великое деяние или возвещал миру какую-то возвышенную концепцию. Взял ли он что-то с собой в могилу? Да, большую возможность, но не действительность. Поскольку эта возможность осуществилась в нем самом при становлении его сокровенного бытия, то будьте уверены, что тем или другим способом эта возможность уже проявилась в ее отношениях с внешним миром. Гениальные концепции, а также великие героические деяния, которые открывают новое направление для жизни народов, отнюдь не рождаются спонтанно ни в гениальном человеке, ни даже в социальной среде, которая его окружает, кормит, вдохновляет, будь то положительно или даже отрицательно. То, что гениальный человек изобретает или делает, уже с давних пор находится в состоянии элементов, которые развиваются и все более стремятся сконцентрироваться и оформиться в том самом обществе, которому он несет либо свое изобретение, либо свое деяние. И в самом гениальном человеке изобретение, возвышенная концепция или героическое деяние не рождаются непосредственно; они всегда – продукт длительной внутренней подготовки, которая по мере своего развития никогда не преминет проявиться тем или иным образом.

Предположим же, что гениальный человек умирает в тот момент, когда он собирался завершить эту долгую внутреннюю работу и возвестить о ней удивленный мир. Поскольку эта работа не завершена, она не действительна. Но как подготовка она, напротив, очень действительна, и как таковая, будьте уверены, она полностью проявилась либо в деяниях, либо в трудах, либо в разговорах этого человека. Ведь если человек совершенно ничего не делает и вместе с тем ничего не пишет и ничего не говорит, то, будьте уверены, он также ничего не изобретет, и в нем не совершается никакая внутренняя подготовка; значит, он может спокойно умереть, не оставив после себя сожаления о какой-либо крупной утраченной концепции.

В молодости у меня был очень дорогой друг – Николай Станкевич (1813—1840). Это была истинно гениальная натура: великий разум сочетался у него с великим сердцем. И однако,

этот человек ничего не сделал, ничего не написал, что могло бы сохранить его имя в истории. Значит, в таком случае сокровенное бытие должно было бы утратиться без проявления и без следа? Отнюдь нет. Несмотря на то – или, быть может, именно потому, – что Станкевич был существом наименее претенциозным и наименее амбициозным из всех, он стал в Москве живым центром группы молодых людей, которые в течение нескольких лет прожили, если можно так выразиться, свой разум, свои мысли, свою душу. Я был в их числе, и я рассматриваю его в некотором роде как своего творца. Он сотворил таким же образом другого человека, имя которого останется немеркнувшим в литературе и в истории умственного и нравственного развития России: мой покойный друг Виссарион Белинский (февраль 1810) – самый энергичный борец за дело освобождения народа при императоре Николае. Он умер в страданиях в 1848 г. (26 мая старого стиля), в самый момент, когда тайная полиция выдала ордер на арест; он умер, благословляя республику, которая была только что провозглашена во Франции.

Возвращаюсь к Станкевичу. Его сокровенное бытие полностью проявилось прежде всего в отношениях с друзьями, а затем со всеми теми, кто имел счастье сблизиться с ним – истинное счастье, ибо было невозможно жить рядом с ним, не чувствуя себя в некотором роде улучшенным и облагороженным. В его присутствии казались невозможными никакая подлая или тривиальная мысль, никакой дурной инстинкт; самые обычные люди переставали ими быть под его влиянием. Станкевич принадлежал к той категории одновременно богатых и изысканных натур, которых г-н Давид Штраус столь удачно охарактеризовал более тридцати лет назад в брошюре, озаглавленной, кажется, «Религиозный гений» (Ueber das religiose Genie). Есть люди, одаренные великим гением, говорит он, которые не проявляют его никаким великим историческим деянием, никаким будь то научным, артистическим, промышленным творением; они никогда ничего не предприняли, ничего не сделали, ничего не написали, и все их действие сосредоточилось в их личной жизни и сводилось к ней, но которые тем не менее оставили после себя своим действием глубокий, правда исключительно личный, но тем очень мощный отпечаток на своем ближайшем окружении, на своих учениках. Сначала это действие распространяется и упрочивается посредством устной традиции, а позднее либо посредством писанных трудов, либо посредством исторических деяний их учеников или учеников их учеников.

Как мне кажется, д-р Штраус с большим основанием утверждает, что Иисус как исторический и действительный персонаж был одним из наиболее великих представителей, одним из великолепных образцов этой совершенно особенной категории сокровенных гениев. Станкевич также был им, хотя несомненно в гораздо меньшей мере, чем Иисус.

Мне думается, что я сказал, достаточно для того, чтобы доказать, что нет сокровенного бытия, которое не проявилось бы полностью в полной сумме всех его внешних отношений или его воздействий на внешний мир. Но раз уже это очевидно по отношению к человеку, одаренному величайшим гением, это тем более так в отношении всех остальных действительных существ: животных, растений, неорганических вещей и простых тел. Все животные-функции, гармоническое сочетание которых образует животное единство, жизнь, душу, животное я, суть не что иное, как непрерывное отношение действия и противодействия с внешним миром, следовательно, постоянное проявление, независимо от которого никакое сокровенное животное бытие не могло бы существовать, так как

животное живет, пока функционирует его организм. Так же происходит с растениями. Попробуйте исследовать, анатомировать животное. Вы найдете различные системы органов: нервы, мускулы, кости, затем различные материальные, видимые и поддающиеся химическому разложению соединения. Это же вы увидите в растениях, в органических клетках, а если продолжить анализ – в простых химических телах. Вот в чем состоит их сокровенное бытие: оно полностью внешнее и вне его нет ничего, И все эти материальные части, – а их совокупность, упорядоченная определенным, свойственным им образом, образует животное, и каждая из этих частей полностью проявляется посредством своего собственного механического, физического, химического и органического действия в течение жизни животного и посредством лишь механического, физического и химического действия после его смерти, – все они находятся в непрерывном движении беспрестанных действий и противодействий, и это движение составляет все их бытие.

Так же обстоит дело со всеми органическими телами, включая простые тела. Возьмите металл или камень: есть ли что-либо по видимости более инертное и менее экспансивное? И тем не менее все это приходит в движение, действует, изливается, бесконечно проявляется, и все это существует, лишь пока совершая это. Камень и металл обладают всеми физическими свойствами, и как простые или сложные химические тела они включены в процесс, иногда очень медленный, но непрерывный процесс молекулярного соединения и разложения. Я уже сказал, что эти свойства суть также способы действия и проявления вовне. Но отнимите у камня все его свойства, что от него останется? Абстракция вещи, ничего. Из всего этого с неопровержимой очевидностью следует, что сокровенное Бытие вещей, вымышленное метафизиками к большому удовлетворению теологов и объявленное действительным самой позитивной философией, есть Не-Бытие, равно как сокровенное Бытие Вселенной, Бог, есть также Не-Бытие; все, что имеет действительное существование, проявляется целостно и всегда в его свойствах, его отношениях или его деяниях.

Что же значат слова: «Физик, отныне мудро убежденный в том, что сокровенная сущность вещей закрыта для него» и т.д.? Вещи только что и делают, как проявляют себя наивно, полно, во всей целостности своего бытия, к которому нужно только присматриваться просто, без предрассудков и без метафизических и теологических идефикс; а физик позитивистской школы, который ищет, как говорят, вчерашний день и не понимает ничего в этой наивной простоте действительных вещей, естественных вещей, будет важно заявлять, что в их лоне есть сокровенное бытие, которое они тайно хранят для самих себя, а метафизики и теологи, очарованные этим открытием, которое они ему, впрочем, подсказали, ухватятся за эту сокровенность, за эту вещь б себе для того, чтобы поместить туда своего господа Бога.

Любая вещь, любое сущее, существующее в мире, какова бы ни была его) природа, имеет такой общий характер: быть ближайшим результатом комбинации всех причин, которые способствовали либо прямо, либо косвенно его рождению; а это предполагает – на шути постепенных переходов – действие всех прошлых и настоящих причин в бесконечной Вселенной, каким бы отдаленным или отсроченным оно ни было; и так как все причины или действия, рождающиеся в мире, суть проявления действительно существующих вещей; и так как всякая вещь действительно существует лишь в проявлении своего сущего, каждая из них передает, если так можно выразиться, свое собственное бытие •вещи, особое

действие которой способствует рождению, – отсюда следует, что каждая вещь, рассматриваемая как определенное бытие, рожденное в пространстве и во времени, или как продукт, в (самой себе несет отпечаток, отпечаток, природу всех вещей, которые существовали и которые в настоящее время существуют во Вселенной, что по необходимости подразумевает тождество материи и мирового Сущего.

Так как каждая вещь во всей целостности своего бытия есть не что иное, как продукт, ее свойства и ее различные способы действия на внешний мир, составляющий, как мы это видели, все ее сущее, также по необходимости суть продукты. Как таковые они отнюдь не представляются автономными свойствами, происходящими лишь из собственной природы вещи независимо от всякой внешней причинности. В природе или в действительном мире нет ни независимого сущего, ни независимого свойства. Напротив, все взаимозависимо. Следовательно, исходя от этой внешней причинности, свойства вещи навязываются ей; они, рассматриваемые все вместе, составляют ее вынужденный образ действия, ее закон. С другой стороны, нельзя в сущности сказать, что этот закон навязан вещи, так как это выражение предполагало бы существование вещи, предшествующей закону или отдельной от нее, тогда как закон, действие, свойство составляют самое сущее вещи. Отсюда следует, что все действительные вещи в своем развитии и во всех своих проявлениях фатально управляются их законами, но что эти законы им навязаны в очень малой степени, но, напротив, составляют все их сущее*.

* Во всех вещах действительно существует сторона или, если хотите, своего рода сокровенное бытие, которое отнюдь не-недоступно, но которое неуловимо для науки. Это отнюдь не сокровенное бытие, о котором говорит г-н Литтре саз всеми метафизиками и которое должно было бы составлять, согласно их точке зрения, в себе вещей и причину явлений; напротив, эта сторона – наименее существенное, менее всего внутреннее, наиболее внешнее и вместе с тем наиболее действительное и наиболее мимолетное, наиболее образное у вещей и существ: это их непосредственная материальность, их действительная индивидуальность, как она представляется только нашим чувствам и которую не могла бы удержать никакая рефлексия ума и не могло бы выразить никакое слово. Повторяя очень любопытное наблюдение, которое впервые сделал, как я думаю, Гегель, я уже говорил об особенности человеческого слова, которое может выражать лишь общие определения, но не непосредственное существование вещей в той реалистической грубости, непосредственное впечатление о которой дается нам нашими чувствами. Все, что вы сможете сказать о вещи для того, чтобы определить ее, все свойства, которые вы ей придадите или найдете в ней, будут общими определениями, приложимыми в различной степени и в бесчисленном числе различных комбинаций ко многим другим вещам. Самые подробные, самые сокровенные, самые материальные определения или описания, которые вы сможете им дать, суть еще только общие, но ни в коей степени не индивидуальные определения. Индивидуальность вещи не выражается. Для того чтобы указать ее, вы должны или же привести своего собеседника в контакт с ней, дать ему возможность ее увидеть, услышать или ощупать; или же вы должны определить ее место и ее время, а также ее отношения с другими уже определенными и известными вещами. Она убегает, ускользает от всех других определений. Но она убегает, она ускользает также от самой себя, так как она сама есть не что иное, как непрерывное превращение: она есть, она была, ее больше нет, или же есть другая вещь. Ее неизменная действительность – исчезать или

превращаться. Но эта неизменная действительность – это ее общая сторона, ее закон, предмет науки. Этот закон, взятый и рассматриваемый отдельно, есть лишь абстракция, лишенная всякого действительного свойства, всякого действительного существования. Он действительно не существует, он является фактическим законом лишь в действительном и живом процессе непосредственных, образных, неуловимых и невыразимых превращений. Такова двойная природа, противоречивая природа вещей: действительно существовать в том, что постоянно перестает быть, и не существовать действительно в том, что остается общим и неизменным между их непрерывными превращениями.

Законы остаются, но вещи гибнут, что означает, что они перестают быть этими вещами и становятся новыми вещами. И тем не менее это вещи существующие и действительные, тогда как их законы имеют фактическое существование лишь постольку, поскольку они теряются в вещах, будучи на самом деле не чем иным, как действительным способом действительного существования вещей, так что, рассматриваемые отдельно, вне этого существования, законы становятся неподвижными и инертными абстракциями, не-сущими.

Наука, которая имеет дело лишь с тем, что выразимо и неизменно, то есть с более или менее развитыми и определенными общими положениями, становится в тупик и спускает флаг перед жизнью, которая только и находится в связи с живой и чувственной, но неуловимой и невыразимой стороной вещей. Такова действительная и, можно сказать, единственная граница науки, граница истинно непреодолимая. Возьмем, к примеру, натуралиста, который анатомирует кролика и сам есть действительное и живое существо; этот кролик есть также реальное существо, и он был, по крайней мере несколькими часами раньше, живой индивидуальностью. После анатомирования натуралист описывает его, и кролик, который выходит из его описания, – это кролик вообще, похожий на всех кроликов, лишенный всякой индивидуальности, у которой, следовательно, никогда не будет силы существовать, который вечно останется инертным и неживым существом, даже существом нетелесным, но абстракцией, фиксированной тенью живого существа. Наука имеет дело лишь с подобными тенями. Живая действительность от нее ускользает, она дается только жизни, которая, сама будучи образной и скоротечной, может схватить и на самом деле схватывает все, что живет, то есть все то, что проходит, или то, что бежит.

Пример с кроликом, пожертвованным для науки, нас мало касается, потому что обычно мы очень мало интересуемся индивидуальной жизнью кроликов. Не так обстоит дело с индивидуальной жизнью людей, которую наука и люди науки, привыкшие жить среди абстракций, то есть всегда жертвовать образными и живыми реальностями ради их неизменных теней, были бы так же способны, если бы только им дали это сделать, принести их в жертву или по меньшей мере подчинить их пользе своих отвлеченных общих положений.

Человеческая индивидуальность, так же как индивидуальность самых инертных вещей, тоже неуловима, и, если можно так выразиться, она не существует для науки. Вот почему живые индивиды должны предохранять себя от науки и остерегаться ее, чтобы она не принесла их в жертву, как кроликов, в пользу какой-нибудь абстракции, подобно тому как они должны одновременно предохранять себя от теологии, от политики и от юриспруденции, которые все вместе, также имея отношение к отвлеченному характеру

науки, имеют фатальную тенденцию жертвовать индивидами в пользу той же абстракции, каждая из которых только называется разными именами: первая – истиной божественной, вторая – общественной, третья – справедливой.

Я очень далек от того, чтобы сравнивать благотворные абстракции науки с вредными абстракциями теологии, политики и юриспруденции. Последние должны перестать править, должны быть радикально искоренены из человеческого общества – такова цена его спасения, его освобождения, его окончательной гуманизации, – тогда как научные абстракции, напротив, должны занять свое место не для того, чтобы править, в соответствии с губительной для свободы мечтой философов-позитивистов, но для того, чтобы освещать его спонтанное и живое развитие. Наука может хорошо прилагаться к жизни, но никогда не может воплощаться в жизнь, так как жизнь—это прямое и живое действие, одновременно спонтанное и фатальное движение живых индивидуальностей. Наука – это лишь всегда неполная и несовершенная абстракция этого движения. Если бы она стремилась навязать себя ему как отвлеченная доктрина, как правительственная власть, она бы его обеднила, извратила и парализовала. Наука не может выйти из абстракций, это – ее царство. Но абстракции и их прямые представители, какого бы рода они ни были: священники, политики, юристы, экономисты и ученые, должны перестать управлять народными массами. Весь прогресс будущего – здесь. Это жизнь и движение жизни, индивидуальное и социальное действие людей, которым дана полная свобода. Это абсолютное затухание самого принципа власти. А каким образом? Посредством самой широкой пропаганды в народе свободной науки. Таким образом у социальной массы не будет больше вне ее так называемой абсолютной истины, которая ее направляет и ею правит, будучи представленной индивидами, очень заинтересованными в том, чтобы сохранить науку исключительно в своих руках, потому что она дает им могущество, а с могуществом – богатство, возможность жить трудом народной массы. Но у этой массы в самой себе будет истина, истина всегда относительная, но действительная, внутренний светоч, который осветит ее непосредственное движение и сделает бесполезными всякую власть и всякое внешнее управление.

Возьмите любую общественную науку, какую хотите: историю, например, которая, если ее рассматривать в ее наиболее широком объеме, включает в себя все остальные. Правда, можно сказать, что до сих пор история как наука еще не существует. Самые выдающиеся историки, пытавшиеся очертить общую картину исторической эволюции человеческого общества, всегда вдохновлялись до сих пор исключительно идеальной точкой зрения, рассматривая историю либо под углом зрения религиозных, эстетических или философских проявлений, либо под углом зрения политики, или рождения и упадка Государств, либо, наконец, под юридическим углом зрения, который, впрочем, неотделим от последнего и составляет внутреннюю политику государств в собственном смысле слова. Все они почти равным образом не принимали в расчет или даже игнорировали антропологическую точку зрения и экономическую точку зрения, которые, однако, составляют действительный базис всякого человеческого развития. В своем прекрасном «Введении» к «Истории цивилизации в Англии», несущем на себе печать настоящего гения, Бокль изложил истинные принципы исторической науки; к сожалению, он не смог закончить это «Введение», и его преждевременная смерть помешала ему написать объявленный труд. С другой стороны, задолго до Бокля г-н Карл Маркс высказал великую, справедливую и плодотворную идею:

что все умственные и политические проявления общества суть не что иное, как идеальное выражение его материальных или экономических проявлений. Но насколько я знаю, он еще не написал исторический труд, в котором эта прекрасная идея получила хотя бы начало какого-либо осуществления. Одним словом, история как наука еще не существует.

Она займет в жизни место, которое контрапункт должен занимать, согласно Бетховену, в музыкальных сочинениях. Кому-то, кто спросил его, нужно ли знать контрапункт для того, чтобы сочинять хорошую музыку, он ответил: «Несомненно, совершенно необходимо знать контрапункт, но так же необходимо забыть его, после того как вы его выучили, если вы хотите сочинить что-нибудь хорошее». Контрапункт образует до некоторой степени; правильный, но совершенно неуклюжий и безжизненный каркас музыкального произведения, и как таковой он должен совершенно исчезнуть по спонтанной и живой благодати художественного творения. Так же как контрапункт, наука не есть цель, она лишь одно из самых нужных и самых прекрасных средств другого, в тысячу раз более возвышенного, чем все художественные сочинения, творения – жизни, непосредственных и спонтанных действий человеческих индивидов в обществе.

Такова природа того сокровенного бытия, которое действительно всегда остается закрытым от науки. Это непосредственное и действительное бытие как индивидов, так и вещей: это проходящее постоянство, это образные действительности вечного и всеобщего превращения, действительности, которые существуют, поскольку они перестают быть, и которые не могут перестать быть, потому что они суть; это, наконец, осязаемые, но невыразимые индивидуальности вещей. Чтобы иметь возможность их определить, нужно было бы знать все причины, следствиями которых они суть, и все следствия, причинами которых они суть, уловить все их отношения естественного действия и естественного противодействия со всеми вещами, которые существуют и существовали в мире. Как живые существа мы в любой момент, чаще всего безотчетно, улавливаем, чувствуем эту действительность, она нас охватывает, мы ее терпим и сами на нее воздействуем. Как существа думающие мы поневоле ее абстрагируем, так как самое наше мышление начинается лишь с абстракции и посредством абстракции. Это основное противоречие между нашим действительным существом и нашим думающим существом есть источник всех наших исторических проявлений, начиная с нашего предка гориллы до нашего современника Бисмарка; это – причина всех трагедий, которые окровавили человеческую историю, но также и всех комедий, которые ее веселили; оно сотворило религию, искусство, индустрию. Государства, которые заполнили мир страшными противоречиями, осудившими людей на ужасные страдания, – страдания, которые смогут закончиться лишь посредством возвращения в жизнь всех абстракций, созданных ими в своем историческом развитии и ныне окончательно резюмировавшихся в науке, а также посредством возвращения этой науки в жизнь.

Открыть, скоординировать и понять свойства или способы действия или законы всех существующих в действительном мире вещей и – такова, следовательно, истинная и единственная цель науки.

До какой степени осуществима для человека эта программа?

Вселенная для нас на самом деле недоступна. Но мы уверены теперь в том, что нашли ее повсеместно тождественную природу и ее основные законы в нашей солнечной системе, которая есть их продукт. Мы не можем также докопаться до происхождения, то есть до производительных причин нашей солнечной системы, так как эти причины теряются в бесконечности пространства и вечного прошлого. Но мы можем изучать природу этой системы в ее собственных проявлениях. И еще встречаем мы здесь границу, которую мы никогда не сможем пересечь. Мы никогда не сможем ни наблюдать, ни, следовательно, распознавать действие нашего солярного мира на бесконечное множество миров, заполняющих Вселенную. Самое большее, что мы сможем когда-либо распознать, причем в исключительно несовершенном виде, – это некоторые отношения, существующие между нашим Солнцем и каким-нибудь из бесчисленных солнц, блистающих на нашем небосводе. Но несовершенные знания, по необходимости смешанные с едва ли проверяемыми гипотезами, никогда не смогут составить серьезную науку. Значит, мы вынуждены будем всегда довольствоваться более или менее совершенным и подробным знанием внутренних отношений нашей солнечной системы. Но даже и в данном случае наша наука, заслуживающая этого имени лишь постольку, поскольку она основывается на наблюдении фактов, и прежде всего на действительном установлении их существования, а также действительных способов их проявления и их развития, встречается с новой границей, которая, как кажется, должна навсегда остаться непреодолимой, – это невозможность устанавливать и, следовательно, также наблюдать физические, химические, органические, умственные и социальные факты, совершающиеся на какой-либо из планет, составляющих нашу солнечную систему, за исключением Земли, которая открыта для наших исследований.

Астрономии удалось определить направления движения каждой из планет нашей системы вокруг Солнца, скорость их парного движения, их объем, форму, вес. Это огромное достижение. С другой стороны, по указанным выше причинам для нас несомненно, что образующие их субстанции должны обладать всеми физическими свойствами наших земных субстанций. Но мы почти ничего не знаем об их геологическом формировании, еще меньше знаем об их растительной и животной организации, которая, возможно, навсегда останется недоступной для любознательности человека. Основываясь на отныне бесспорной для нас истине о том, что мировая материя везде и всегда по существу тождественна, мы должны по необходимости заключить, что всегда и везде, как в мирах, бесконечно удаленных, так и в мирах, наиболее близких ко Вселенной, все существа представляют собой материальные тела, обладающие свойствами веса, теплоты, света, электричества, и что везде они разлагаются на химические простые тела и элементы и что, следовательно, там, где встречаются если не тождественные, то по крайней мере сходные условия существования, должны иметь место сходные явления. Этой уверенности для нас достаточно, чтобы убедиться в том, что нигде не могут совершиться явления и факты, противные тому, что мы знаем о законах природы; но эта уверенность не способна дать нам ни малейшей идеи о существах, существах по необходимости материальных, которые могут быть в других мирах и даже на планетах нашей собственной солнечной системы. В этих условиях научное знание об этих мирах невозможно, и мы должны отказаться от него раз и навсегда.

Если верно, как предполагает Лаплас (гипотеза которого еще не принята в достаточной степени и повсеместно), что все планеты нашей системы образовались из солнечной материи, то очевидно, что должно существовать гораздо более значительное тождество

между явлениями всех планет этой системы и между явлениями нашего земного шара. Но эта очевидность не может еще создать истинной науки, так как наука – это как святой Фома: она должна осязать или видеть для того, чтобы принять явление или факт; конструкции *a priori*, самые рациональные гипотезы, имеют для него ценность лишь тогда, когда позднее они поверяются доказательствами *a posteriori*. Все эти причины вновь возвращают нас к полному и конкретному знанию на земле.

Изучая природу нашего земного шара, мы изучаем в то же время всеобщую природу – не в бесконечном разнообразии ее явлений, которые навсегда останутся для нас неизвестными, – а в ее субстанции и в ее основных, всегда и везде тождественных законах. Вот что должно и что может утешить нас в нашем вынужденном незнании о бесчисленных проявлениях бесчисленных миров (о которых у нас никогда не будет никакого представления) и в то же время обезопасить себя от всякого божественного призрака, который, если дело обстоит бы иным образом, мог бы возвратиться с другого света.

Только на земле наука может стоять на твердых ногах. Здесь она – у себя и развивается в полной действительности, имея в своих руках, перед глазами, если так можно выразиться, все явления, имея возможность их устанавливать, осязать. Даже прошлые, как материальные, так и умственные, проявления нашего земного шара открыты для наших научных исследований, несмотря на то что феномены, сопутствовавшие им, исчезли. Феноменов, которые следовали за ними, также больше нет. Но их видимые и отчетливые следы остались – таковы следы прошлых проявлений человеческих обществ, как и следы органических и геологических проявлений нашего земного шара. Изучая эти следы, мы можем до некоторой степени восстановить свое прошлое.

Что касается первоначального формирования нашей планеты, то я предпочитаю в данном случае предоставить слово столь глубокому и научно развитому гению, как Огюст Конт, по отношению к которому я сам очень горячо признаю свою собственную недостаточность во всем, что касается естественных наук:

«Теперь я должен перейти к общему исследованию того, что имеет некоторый характер позитивности в космогонических гипотезах. Было бы несомненно излишним выдвигать специально в этой связи необходимое предварительное положение о том, что любая идея творения в собственном смысле этого слова должна быть при этом радикально устранена, так как она по своей природе совершенно неуловима*, и что только разумное исследование, если оно действительно доступно, должно касаться исключительно постепенных превращений неба, причем ограничиваясь, по крайней мере сначала, тем, что могло прямо породить его актуальное состояние... Значит, действительный вопрос состоит в том, чтобы решить, дает ли настоящее состояние неба какие-либо ощутимые указания на более простое предшествующее состояние, общий характер которого мог бы поддаться для определения. В этом отношении основное разграничение, которым я так много занимался и которое твердо провел между по необходимости недоступным исследованием вселенной и по необходимости очень позитивным исследованием нашего (солярного) мира, естественно, вводит глубокое различие, которое намного сужает поле эффективных изысканий. Понятно, в самом деле, что мы могли бы с некоторой надеждой на успех строить предположения о формировании солнечной системы, часть которой мы составляем...».

* Вот одно из тех двусмысленных, если не сказать лицемерных, выражений, которые я ненавижу у философов-позитивистов. Разве Огюст Конт не знал, что идея творения и творца не только неуловима, но и нелепа, смешна, невозможна? Можно было бы быть почти убежденным в том, что сам он в этом не был уверен, что доказывает его вторичное падение в мистицизм, который проявился у него в конце его карьеры и намек на который я сделал выше. Но его ученики, по крайней мере знающие об этом падении своего учителя, должны были бы наконец понять всю опасность, которая должна остаться, или остаться по крайней мере в публике, в этой неуверенности в вопросе, решение которого, будь то утвердительное, будь то негативное, должно оказать столь большое влияние на все будущее человечества.